

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Прийма Татьяна Ивановна

**ПУБЛИЧНЫЙ АНГЛОЯЗЫЧНЫЙ ДИСКУРС МИРНЫХ ИНИЦИАТИВ:
АНАЛИЗ МЕДИАТОРНЫХ СТРАТЕГИЙ**

Специальность 5.9.6 – Языки народов зарубежных стран (германские языки)

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
Трощенко Екатерина Владимировна
доктор филологических наук,
доцент

Санкт-Петербург – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. СОВРЕМЕННЫЙ ДИСКУРС МЕДИАЦИИ.....	14
1.1. Дискурс медиации в контексте междисциплинарности	14
1.1.1. Понятие дискурса.....	14
1.1.2. Типология дискурса. Общественно-политический дискурс	18
1.1.3. Медиация как объект конфликтологии и юриспруденции.....	24
1.1.4. Медиация как объект лингвистического исследования	29
1.1.5. Структура дискурса медиации.....	34
1.1.6. Роль медиатора в дискурсе медиации (цели, принципы и основные функции)	36
1.2. Понятие фрейма.....	40
1.2.1. Понятие фрейма в лингвистике	43
1.2.2. Фреймовый анализ в дискурсе.....	47
1.2.3. Структура фрейма «Медиатор»	51
1.3. Лингвострановедческий аспект: истоки Косовского и Украинского конфликтов; развитие английского языка как языка международного общения	56
1.3.1. Лингвострановедческая справка: истоки Косовского конфликта	56
1.3.2. Лингвострановедческая справка: истоки Украинского конфликта	60
1.3.3. Английский язык как язык международного общения	66
Выводы к главе 1.....	67
ГЛАВА 2. ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МЕДИАТОРНЫХ СТРАТЕГИЙ И ТАКТИК ПРИ УРЕГУЛИРОВАНИИ КОСОВСКОГО КОНФЛИКТА	70
2.1. Базовые принципы анализа практического материала исследования	70
2.2. “Statement by Russia's Ministry of Foreign Affairs on Kosovo Settlement” («Заявление МИД России по косовскому урегулированию», 2007).....	72
2.3. “The First Agreement of Principles Governing the Normalisation of Relations” («Первое соглашение о принципах, регулирующих нормализацию отношений», 2012-2013).....	78
2.3.1. “Meeting With Staff and Families of Embassy Belgrade” («Встреча с сотрудниками и семьями сотрудников Посольства в Белграде», 2012)	79
2.3.2. “Joint Press Statements by Secretary of State Hillary Rodham Clinton, Serbian Prime Minister Ivica Dacic, and EU High Representative Cathy Ashton”	

(«Совместные заявления для прессы госсекретаря Хиллари Клинтон, премьер-министра Сербии Ивицы Дачича и Верховного представителя ЕС Кэтрин Эштон», 2012).....	85
2.3.3. “Remarks With Kosovo Prime Minister Hashim Thaci and EU High Representative Catherine Ashton” («Встреча госсекретаря Хиллари Клинтон с премьер-министром Косово Хашимом Тачи и Верховным представителем ЕС Кэтрин Эштон», 2012)	95
2.3.4. “Meeting with Embassy Pristina Staff and their Families” («Встреча с сотрудниками посольства в Приштине и членами их семей», 2012).....	103
2.3.5. Brussels Agreement. First Agreement of Principles Governing the Normalization of Relations” («Брюссельское соглашение. Первое соглашение о принципах, регулирующих нормализацию отношений», 2013).....	106
2.4. “Remarks by President Trump, President Vučić of Serbia, and Prime Minister Hoti of Kosovo in a Trilateral Meeting” («Трехсторонняя встреча президента США Д. Трампа, президента Сербии А. Вучича и премьер-министра Косово А. Хоти», 2020).....	113
2.5. “Franco-German plan to resolve the Kosovo-Serbia dispute” («Франко-германский план урегулирования спора между Косово и Сербией, 2022)	116
Выводы к главе 2.....	124
ГЛАВА 3. ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МЕДИАТОРНЫХ СТРАТЕГИЙ И ТАКТИК ПРИ УРЕГУЛИРОВАНИИ УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА	129
3.1. Публикации И. Маска (2022).....	129
3.2. “China’s Position on the Political Settlement of the Ukraine Crisis” (Позиция Китая по политическому урегулированию Украинского кризиса, 2023)	135
3.3. Интервью Д. Трампа телеканалу “Fox News Channel” (2023).....	140
3.4. Summit on Peace in Ukraine (Мирная конференция по Украине в июне 2024 года).....	145
3.5. Предвыборная кампания Д. Трампа (2024).....	150
3.6. Публикация Д. Трампа “I’m not looking to hurt Russia...” (2025)	154
3.7. “Trump's 28-point Ukraine peace plan” («Мирный план Трампа по Украине», 2025).....	158
Выводы к главе 3.....	171
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	176
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	186
Список приложений	211

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено изучению лингвистических аспектов медиации в англоязычном публичном дискурсе мирных инициатив. Тема подразумевает осуществление многоуровневого исследования, направленного на выявление стратегий и тактик речевого поведения медиатора и анализ языковых средств, задействованных в дискурсе медиации.

В настоящее время в процессе разрешения геополитических и социальных конфликтов все чаще участвуют третьи стороны, выступающие в роли медиаторов. Медиация является одним из наиболее действенных инструментов достижения компромиссных решений на разных уровнях.

На сегодняшний день понятие «медиация» вышло за рамки конфликтологии, приобрело междисциплинарный характер, что обусловило появление многих лингвистических исследований по дискурсу медиации. Острый научный интерес к медиации в лингвистике закономерен, поскольку, будучи способом урегулирования разногласий с помощью нейтрального посредника, медиация является деятельностью, где значим именно языковой вклад медиатора.

Актуальность настоящей работы обусловлена высоким интересом современных исследователей к коммуникативным стратегиям поведения в конфликте, а также потребностью проанализировать дискурсивную роль и функции медиатора. Попытки международной медиации в средствах массовой информации привлекают все большее внимание аудитории и влияют на формирование общественного мнения. В связи с этим представляется необходимым описать пример такого специализированного публичного дискурса мирных инициатив (который в свою очередь является частью общественно-политического дискурса), а также проанализировать лингвистические механизмы влияния медиатора на разрешения конфликтов. Подобное исследование позволит точнее определить языковую специфику управления конфликтом в публичной части дипломатической коммуникации.

В эпоху глобализации английский язык приобрел статус «мирового языка» – языка международного общения. Именно поэтому международное посредничество (в частности, медиация при урегулировании геополитических конфликтов) в большинстве случаев совершается публично и на английском языке. Таким образом, обращение к англоязычному материалу представляется наиболее логичным. При этом важно описать и общелингвистические закономерности дискурса медиации, и лингвокультурную специфику его участников, принимая во внимание идеологические и этнокультурные факторы.

Степень разработанности научной проблемы. Процедуры посредничества неоднократно выступали в качестве объекта лингвистического описания. На сегодняшний день рассмотрены историческая ретроспектива медиации в аспекте междисциплинарности [Башмакова, Рыжова, Кузнецова 2015]; терминологическая составляющая дискурса медиации [Моногарова 2017]; языковая личность медиатора [Киндеркнехт 2025; Zartman, Touval 1985] и ее черты в международных отношениях [Bercovitch 1992]; аспекты концептуального моделирования дискурса межкультурной медиации [Куликова 2019; Busch 2005]; специфика лингвистических параметров дискурса медиации [Чернышенко 2013]; когнитивный механизм контраргументации в текстах медиативных сессий [Баребина 2012]; стратегии и тактики речевого поведения медиатора [Прохорова 2017; Morasso 2008; Moore 1987] и конфликтующих сторон как участников медиации [San-Toi 2009]. Тем не менее, в современной германистике отмечается недостаточное количество работ, посвященных рассмотрению коммуникативных стратегий и тактик медиатора, проявляющихся в процессе политических высказываний. Большинство трудов отечественных и зарубежных исследователей сконцентрировано на выявлении лингвистических особенностей урегулирования коммерческих споров, в связи с чем формируется образ медиатора только в одной сфере – судебно-юридической. Кроме того, подходы к описанию речевого портрета посредника варьируются. На наш взгляд, наиболее полно проанализировать дискурсивные стратегии медиатора и создать его языковой портрет позволяет фреймовый

подход. В дискурсивных исследованиях, как известно, фрейм широко используется для анализа стереотипного речевого поведения. В настоящей работе мы исходим из того, что медиаторы в ситуации геополитических разногласий придерживаются конкретных моделей общения и используют стереотипные коммуникативные стратегии.

Основная **гипотеза** работы сводится к тому, что фрейм «Медиатор», отражающий идеализированные представления о коммуникативной практике медиации в академических работах по конфликтологии и проблемам медиаторного урегулирования конфликтов различного типа, в действительности реализуется и в публичной медиации, направленной на урегулирование международных конфликтов, однако реализуется в ней частично и с некоторой спецификой. Таким образом, по отношению к публичной медиации в международной сфере этот фрейм требует уточнения.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении и анализе медиаторных коммуникативных стратегий и тактик, в определении набора наиболее типичных языковых средств, характерных для англоязычной публичной медиации на международном уровне и, при необходимости, в корректировке идеализированного фрейма «Медиатор».

Данная цель предполагает постановку и решение следующих **задач**:

1. дать определение дискурса медиации и выявить его дифференциальные признаки;
2. используя теоретические источники по конфликтологии и общественно-политическому дискурсу, выстроить первичную, идеализированную модель фрейма «Медиатор», которая далее будет корректироваться по данным эмпирического материала в соответствии со спецификой публичной международной медиации;
3. отобрать материал медиаторной направленности, в частности – статьи, публичные выступления и резолюции в англоязычных источниках, и систематизировать этот материал с точки зрения используемых коммуникативных стратегий;

4. на англоязычном языковом материале описать и классифицировать наиболее частотные медиаторные стратегии и тактики, а также определить, их успешность и неуспешность; соотнести реализацию данных стратегий с узлами фрейма «Медиатор» в первичной модели;
5. определить наиболее часто используемые языковые средства, способствующие реализации выделенных стратегий и тактик;
6. с учетом данных, полученных в ходе анализа практического материала, уточнить и модифицировать первичную модель фрейма и, таким образом, представить фреймовую структуру, наиболее точно соответствующую именно публичному англоязычному дискурсу мирных инициатив.

Объектом изучения в работе выступает процесс медиации в ситуации общественно-политической нестабильности.

Предмет исследования составляют коммуникативные стратегии и тактики медиации, реализуемые рядом типичных единиц английского языка, относящихся к разным языковым уровням.

Теоретическая база диссертационной работы включает труды отечественных и зарубежных ученых в области:

- теории дискурса (Н. Д. Арутюнова, В. И. Карасик, Е. С. Кубрякова, Т. А. ван Дейк, М. Стаббс, У. Чейф и др.);
- общественно-политического дискурса (О. Л. Михалева, Е. В. Трощенко, М. А. Аствацатурова, В. З. Демьянков, Д. С. Чекменев, С. А. Дондо и др.);
- дискурса медиации (Л. В. Куликова, О. А. Прохорова, Н. С. Барбина, А. С. Киндеркнехт, С. Тувал, И. Зартман, С. Морассо, и др.);
- лингвокультурологии (А. П. Чудинов, В. И. Карасик, А. Вежбицкая, Б. Джонстон и др.);
- фреймового анализа (Н. Н. Болдырев, О. В. Гусельникова, М. Минский, Ч. Филлмор, Э. Гоффман, Р. Лангакер и др.);
- конфликтологии (Ц. Шамникашвили, Л. Н. Цой, О. Б. Иванова, Л. И. Зайцева, Х. Бесемер и др.).

При написании работы использованы следующие методы исследования: метод фреймового моделирования, структурно-композиционный анализ медиаторных текстов, лексический и грамматический анализ используемых языковых средств, описательный дискурс-анализ коммуникативных стратегий и тактик, количественный и качественный анализ медиаторных тактик, метод их классификации, лингвокультурологический анализ, а также сравнительно-сопоставительный метод.

Материалом для исследования послужили 72 фрагмента англоязычного дискурса публичной медиации (189 дискурсивных элементов), в числе которых 61 устное выступление, 6 соглашений и планов и 5 официальных заявлений. В исследовании использован материал 2005-2025-х годов, в течение которых имели место значимые этапы урегулирования двух геополитических конфликтов – Косовского конфликта и Украинского конфликта. Эмпирической базой послужили размещенные в открытом доступе письменные документы и транскрипты устных выступлений с официальных сайтов администрации президента США Д. Трампа, госсекретаря США Х. Клинтон, министерств иностранных дел различных государств и т.д. Корпус материала составил 968 409 слов.

Обоснованность и достоверность результатов исследования обеспечивается его теоретической базой, основанной на работах ведущих отечественных и зарубежных специалистов в области теории дискурса, фреймового анализа и лингвокультурологии; методикой исследования, разработанной на основе моделирования структуры фрейма и позволяющей получить верифицируемые результаты; репрезентативным материалом исследования, отобранным в соответствии с целями и задачами работы.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности.

В соответствии с **паспортом научной специальности 5.9.6 – «Языки народов зарубежных стран (германские языки)»** в работе изучаются дискурсивные публичные практики медиации в ситуации геополитической нестабильности. Полученные научные результаты соответствуют следующим

пунктам паспорта специальности: текст, дискурс, дискурсивные практики в языках народов зарубежных стран; когнитивные, коммуникативно-прагматические и стилистические исследования языка или языковой семьи.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые объектом лингвистического исследования становится дискурс медиации в области международных конфликтов с углубленным изучением реальных коммуникативных стратегий и тактик. Проводится комплексный качественно-количественный анализ англоязычных медиаторных документов по двум политическим кризисам, выявляются языковые средства, наиболее характерные для стратегий воздействия в медиаторном дискурсе, уточняются и корректируются теоретические представления о стереотипных элементах коммуникации медиатора.

Наиболее значимые результаты исследования, обладающие научной новизной и полученные лично соискателем:

1. В международных конфликтах медиация, которая подразумевает технологию урегулирования споров с участием третьей – нейтральной, не заинтересованной в конфликте стороны, – применяется в ином виде, нежели в гражданском судопроизводстве. Она рассматривается как любая посредническая деятельность третьей стороны, вносящей предложения по процедуре и содержанию.

2. Дискурс медиации представляет собой особый вид дискурса, который характеризуют специфические когнитивные, коммуникативные и прагматические стратегии. Данный вид дискурса подразумевает переход от конфликтного взаимодействия к кооперативному, где особую роль играет участие медиатора. При урегулировании международных конфликтов дискурс медиации реализуется в основном как англоязычный в связи со статусом английского как языка дипломатии. Медиаторы, принадлежащие к разным лингвокультурам, чаще всего оперируют в едином языковом поле, что в известном смысле унифицирует их языковые особенности, однако не сглаживает их идеологические и культурные установки.

3. Основным участником дискурса медиации – медиатор – выполняет свои профессиональные задачи (организация переговорного процесса для конфликтующих сторон, а также содействие урегулированию конфликта мирным путем) с использованием различных коммуникативных стратегий и тактик. В ситуации геополитической нестабильности функцию посредника берет на себя либо коллективный медиатор (в роли которого выступает целое государство или государственный орган), либо индивидуальный медиатор, который, тем не менее, представляет коллективного. Коммуникативно-прагматические аспекты высказываний медиаторов в большей степени обусловлены их политической приверженностью.

4. Наиболее полный анализ коммуникативных стратегий медиатора возможен при использовании фреймовой структуры «Медиатор», в которой сосредоточены обобщенные, стабильные медиационные признаки. В связи с этим в работе выявлены основные узлы фрейма «Медиатор», соответствующие требованиям, предъявляемым к актору, берущему на себя роль медиатора, и к специфике его коммуникативной деятельности: «нейтральность», «разработка плана урегулирования конфликта» и «правомочность медиатора брать на себя роль посредника».

5. Основными дискурсивными инструментами медиатора в ситуации урегулирования политического конфликта являются стратегия объединения, стратегия убеждения, стратегия самопрезентации, стратегия манипулирования, стратегия презентации (конфликтующей стороны), стратегия дискредитации, стратегия информирования и стратегия разобращения, в рамках которых реализуется множество тактик: апелляции к авторитету, призыва к коллективной ответственности, описания потенциальных угроз и др.

6. Стратегии, на которых строится англоязычный дискурс медиации при урегулировании геополитических разногласий, более или менее идентичны вне зависимости от уровня или стадии конфликта. Единственное отличие коммуникативных стратегий конфликта, находящегося в острой фазе (Украинский конфликт), от «замороженного» конфликта (Косовский конфликт)

заключается в их реализации. Показано, что набор англоязычных коммуникативных тактик, участвующих в актуализации вышеназванных стратегий, варьируется для каждого отдельного конфликта, но схож для каждого конкретного медиатора.

7. Для решения различных прагматических задач и убеждения аудитории медиаторы прибегают к разнообразным лингвистическим приемам. Для каждого отдельного медиатора характерна приверженность к конкретному набору языковых средств, при этом медиаторные стратегии предполагают минимизацию культурно- и национально-обусловленной специфики. Поскольку английский язык используется в таких случаях как язык международного общения, то реализация коммуникативных стратегий и тактик осуществляется скорее за счет *универсальных*, а не *локальных* средств, среди которых наиболее распространенными являются: использование оценочных лексем в сочетании с интенсификаторами; употребление экспрессивных единиц на разных уровнях языковой системы; использование анафорических высказываний; использование придаточных условия в сочетании с императивными конструкциями; употребление модальных глаголов со значением строгой необходимости и категоричного долженствования.

Теоретическая значимость диссертационной работы заключается в развитии теории дискурса в плане категоризации дискурса медиации и определении его основных характеристик; лингвопрагматики в части выявления типичных для публичного дискурса медиации коммуникативных стратегий и тактик и анализа их прагматического потенциала; фреймового анализа в аспекте уточнения фреймов, смоделированных на основе публичных выступлений медиаторного характера; стилистики английского языка с точки зрения установления экспрессивного потенциала языковых единиц в дискурсе медиации.

Практическая значимость диссертации заключается в возможности применения ее результатов в разработке университетских курсов по дискурс-анализу, когнитивной лингвистике, лингвокультурологии и

лингвострановедению английского языка, а также спецкурсов по таким дисциплинам как «Основы политического дискурса», «Дискурс-анализ в сфере политики» и «Анализ коммуникации в общественно-политической сфере» и т.д.

Апробация работы. По теме диссертации были представлены доклады на Международной конференции по когнитивной лингвистике «Когнитивная лингвистика в контексте современной науки» (Челябинск, 20 сентября 2023 г.); Международной конференции “Шеста научна конференција Philologia Serbica. Степени, скале и љествице у српском језику, књижевности и култури” (Университет в Баня-Луке, Республика Сербская; 26 марта 2025 г.); LIII Международной научной филологической конференции имени Л. А. Вербицкой (СПбГУ, 25-31 марта 2025 г.); XIII Международной конференции по когнитивной лингвистике «Когнитивные исследования в цифровую эпоху» (Тюмень, 5-7 июня 2025 г.); Международной научно-практической конференции «Искусство слова в диалоге культур» (Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина, Республика Беларусь, 3 марта 2026 г.).

Публикации результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования отражены в 4 работах общим объемом 1,9 п.л., включая 3 статьи в журналах, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Объем и структура диссертации. Исследование объемом 222 страницы состоит из введения, трех глав, сопровождаемых выводами, заключения, библиографии (203 источника) и 17 приложений.

Во **Введении** обосновывается выбор темы исследования, ее актуальность, формулируются цель и задачи, описываются материал и методология работы, эксплицируются научная новизна, теоретическая и практическая значимость, приводятся основные положения, выносимые на защиту, и сведения об апробации основных теоретических выводов и практических результатов диссертации.

Первая глава исследования «Современный дискурс медиации» посвящена анализу подходов к определению понятия «дискурс»: рассмотрены

актуальные направления в области изучения типологии дискурса (общественно-политический дискурс и дискурс медиации). Для дискурса медиации определены основные параметры, показан его бытовой и институциональный характер, описана структура фреймовой модели медиации.

Во второй главе – «Языковая репрезентация медиаторных стратегий и тактик при урегулировании Косовского конфликта» – представлен комплексный анализ четырех письменных и семи устных заявлений (в общей сложности – 113 дискурсивных элементов). Проводится исследование языковой репрезентации медиаторных стратегий и тактик при урегулировании Косовского конфликта, изучаются языковые механизмы реализации медиаторного воздействия.

Третья глава «Языковая репрезентация медиаторных стратегий и тактик при урегулировании Украинского конфликта» посвящена дискурсивному анализу семи письменных и пятидесяти четырех устных заявлений (в общей сложности – 76 дискурсивных элементов). Исследуются актуализация и прагматический потенциал коммуникативных стратегий и тактик медиаторов при урегулировании украинского кризиса.

В заключении излагаются основные результаты работы и намечаются перспективы дальнейших исследований в области медиации.

ГЛАВА 1. СОВРЕМЕННЫЙ ДИСКУРС МЕДИАЦИИ

1.1. Дискурс медиации в контексте междисциплинарности

1.1.1. Понятие дискурса

В современной науке понятие «дискурс» пользуется особой популярностью. Ввиду того, что исследованием дискурса занимаются такие дисциплины как психология, философия, социология, юриспруденция, педагогика, политология, лингвистика и др., дискурс можно считать объектом междисциплинарного изучения. В связи с этим, как отмечает О. Л. Михалева, одной из характерных черт современного употребления термина «дискурс» является отсутствие какой-либо строгости и однозначности интерпретации [Михалева 2009: 16]. По мнению У. Чейфа, «дискурс многосторонен, и достаточно очевидна ограниченность любых попыток отразить его моделирование, сведя дискурс к одному или двум изменениям» [Chafe 1996: 49].

Тем не менее, все большее число работ посвящается трактовке этого понятия. Одними из первых толкования дискурса предложили: швейцарский основатель структурной лингвистики Ф. Соссюр [Соссюр 1999], который задействовал понятие дискурса в «Курсе общей лингвистики»; французские лингвисты Э. Бенвенист [Бенвенист 1974], Ж. Ж. Лакан [Лакан 2008] и М. Фуко [Фуко 1996]; а также представители англо-американской школы дискурсивного анализа – З. Харрис [Harris 1952], Т. ван Дейк [Т. ван Дейк 1989] и М. Стаббс [Stubbs 1992].

Большинство из названных исследователей дает определение «дискурса» при помощи описания его основных характеристик. Так, М. Стаббс выделяет три главные характеристики дискурса: 1) в формальном отношении дискурс рассматривается как единица языка, превосходящая по объему предложение; 2) в содержательном плане он связан с использованием языка в социальном контексте; 3) по своей организации дискурс интерактивен, а значит, диалогичен [Stubbs 1992: 1].

Нидерландский лингвист Т. А. ван Дейк предлагает различать дискурс в широком и узком смыслах: «В широком смысле дискурс есть комплексное коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим (наблюдателем) в определенном временном, пространственном и прочем контексте. Коммуникативное действие может быть речевым, письменным, а также иметь вербальные и невербальные составляющие (например, разговор с другом, диалог между пассажирами транспорта, чтение газеты). В узком смысле дискурс есть текст устный или письменный с учетом присутствия только одной вербальной составляющей. С этих позиций термин «дискурс» обозначает заверченный или продолжающийся «продукт» коммуникативного действия, его письменный или устный результат, который интерпретируется реципиентами. Т. е. дискурс в самом общем понимании – это письменный или речевой *вербальный продукт* коммуникативного действия» [Т.А. ван Дейк 1989: 121].

В отечественной лингвистике наиболее известным и используемым является определение дискурса, предложенное Н. Д. Арутюновой, согласно которой «дискурс – это связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)», т.е. дискурс – это «речь, погруженная в жизнь» [Арутюнова 1990: 136-137].

Как видно, типичной для всех определений дискурса является попытка выявления его основных характеристик, число которых варьируется в каждом исследовании: М. Стаббс выделяет три характеристики (форма, содержание, организация); Т. А. ван Дейк делит дискурс согласно его смысловым характеристикам; Н. Д. Арутюнова рассматривает дискурс, учитывая его текстовые и речевые признаки.

На основе зарубежных и отечественных исследований М. Л. Макаров для определения дискурса выделяет три основные координаты, а именно: формальную, функциональную и ситуативную интерпретации. Формальная

интерпретация подразумевает понимание дискурса как образования выше уровня предложения. Дискурс рассматривается как сверхфразовое единство, сложное синтаксическое целое, которое выражается как абзац или «кортеж реплик» в диалоге. Функциональная интерпретация – это «понимание дискурса как использования (употребления) языка, т.е. речи во всех ее разновидностях». Под ситуативной интерпретацией рассматривается совокупность социально, психологически и культурно значимых условий и обстоятельств общения, т.е. поле прагмалингвистического исследования [Макаров 1998: 68-75].

Наиболее подробное толкование дискурсу дает В. И. Карасик, который определяет дискурс как «явление промежуточного порядка между речью, общением, языковым поведением, с одной стороны, и фиксируемым текстом, остающимся в "сухом остатке" общения, с другой стороны» [Карасик 2002: 192]. В. И. Карасик рассматривает дискурс с разных позиций и предлагает текстолингвистический, социоллингвистический и прагмалингвистический подходы к его изучению.

В рамках текстолингвистического подхода дискурс исследуется как текст, противопоставляемый «нетексту» и обладает такими категориями как адресованность, тематическое и стилистическое единство, относительная смысловая завершенность, интерпретируемость, членимость, жанровая специфика и др.

В основе социоллингвистического подхода лежит противопоставление лично- и статусно-ориентированного типов дискурса, на основании чего категоризируются участники общения. В случае лично-ориентированного дискурса «нас интересует человек говорящий (пишущий) во всем богатстве его личностных характеристик, во втором случае — только как представитель той или иной группы людей» [Карасик 2002: 294]. Разновидности лично-ориентированного дискурса включают в себя бытовое (обиходное) и бытийное (художественное и философское) общение. Статусно-ориентированный дискурс представлен в виде разновидностей, которые выделяются на основании

сложившихся общественных институтов: политический дискурс, научный, педагогический, медицинский, религиозный, юридический и т.д.

Прагмалингвистическая модель дискурса, согласно В. И. Карасику, выдвигает на первый план признаки способа общения (информативный и фасцинативный, ритуальный и обыденный, протоколируемый и непротоколируемый и другие типы дискурса), как и каналы общения (устный и письменный, контактный и дистантный, виртуальный и реальный типы дискурса) [Карасик 2002: 295].

По мнению О. Л. Михалевой, нецелесообразно рассматривать какое-либо из определений дискурса в качестве предпочитаемого, «поскольку разные понимания самого термина отражают разные представления о самом феномене и его функционировании» [Михалева 2009: 16], однако, вслед за Е. С. Кубряковой, О. Л. Михалева отмечает, что главной особенностью дискурсивного направления является «убежденность в том, что ни синтаксис, ни грамматика языка не могут изучаться вне обращения к его (языка) использованию» [Кубрякова 2000: 10]. В связи с этим, на основании анализа существующих концепций, О. Л. Михалева предлагает понимать дискурс как «вербализацию определенной ментальности, или такой способ говорения и интерпретирования окружающей действительности, в результате которого не только специфическим образом отражается окружающий мир, но и конструируется особая реальность, создается свой (присущий определенному социуму) способ видения мира, способ упорядочения действительности, реализуемый в самых разнообразных практиках» [Михалева 2009: 23].

Данное определение дискурса, на наш взгляд, является наиболее универсальным, поскольку сочетает в себе анализ имеющихся интерпретаций в толковании термина. Важным остается вопрос классификации дискурса, речь о которой пойдет в следующем параграфе.

1.1.2. Типология дискурса. Общественно-политический дискурс

На сегодняшний день анализу и обоснованию типологизации дискурса посвящено значительное число как отечественных, так и зарубежных исследований. Варианты типологии представлены в работах В. И. Карасика, Б. Н. Головки, И. А. Бондарчук, Г. Г. Почепцова и других. По мнению А. А. Кибрика, вопрос о классификации дискурса остается дискуссионным, поскольку не существует единых параметров для его типологизации – «разные авторы предлагают совершенно несоотносимые подходы» [Кибрик 2009: 2].

В монографии В. И. Карасика «Языковой круг: личность, концепты, дискурс» говорится о двух основных типах дискурса – персональном (личностно-ориентированном) и институциональном. Данные типы дискурса выделены на основании социолингвистических признаков. В персональном типе дискурса говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира; институциональный тип дискурса – это «специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» [Карасик 2002: 6-19].

В работе Б. Н. Головки дискурс типизируется по видовым и прагматическим составляющим; выделяются идеологический дискурс, педагогический дискурс, политический дискурс, социальный дискурс, публичный дискурс, научный дискурс, критический дискурс, юридический дискурс, военный дискурс, родительский дискурс, этический дискурс и т.д. [Головка 2012: 32].

Классификация дискурса, разработанная Г. Г. Почепцовым, основана на особенностях коммуникативной ситуации, речи в контексте дискурса и знакового отражения реальной ситуации конкретным дискурсом. В соответствии с этими позициями Г. Г. Почепцов выделяет: литературный дискурс, газетный дискурс, теле- и радиодискурс, рекламный дискурс, политический, неофициальный, религиозный, этикетный, праздничный, визуальный, межкультурный и другие дискурсы [Почепцов 1999: 75-89].

Согласно справедливому замечанию А. Р. Рюковой, «большинство авторов классифицируют дискурсы по функциональному стилю в соответствии со сферами человеческой жизнедеятельности» [Рюкова 2016: 117]. Именно поэтому значительная часть исследователей выделяет политический дискурс как одну из разновидностей дискурса. Очевидно, что обособление политического дискурса соответствует всем классификациям, изложенным выше: в системе В. И. Карасика политический дискурс относится к институциональному типу дискурса; Б. Н. Головки и Г. Г. Почепцов выделяют политический дискурс ввиду его прагматических и коммуникативных составляющих.

По мнению О. Л. Михалевой, политический дискурс обладает рядом «системообразующих признаков, в число которых входят: цель общения, участники общения, способ общения: избирательные стратегии и тактики» [Михалева 2009: 13]. Тематически цель данного вида дискурса сводится к «борьбе за власть» [Суханов 2017: 147]. В. З. Демьянков определяет цель политического дискурса следующим образом: «цель – не описать, а убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию» [Демьянков 2002: 39]. Согласно О. Л. Михалевой, политическому дискурсу характерны и другие, дополнительные, цели: стимулирование, побуждение, а также информирование. Последняя служит фоном для формирования у аудитории такого понимания действительности, которое есть у адресанта, стремящегося убедить аудиторию в правильности нарисованной им картины мира [Михалева 2009: 34].

Ряд исследователей, вслед за Э. Бенвенистом, полагает, что политический дискурс следует рассматривать по меньшей мере с трех позиций: 1) индивидуально-герменевтической, которая позволяет определить персональные смыслы автора или/и интерпретатора дискурса в определенных обстоятельствах; 2) социопсихолингвистической – при измерении эффективности достижения политических целей говорящего; 3) чисто

физиологической, как и любой другой текст, но с привлечением идеологического и политического фона [Benveniste 1996; Суханов 2017].

По мнению В. З. Демьянкова, понимание политического дискурса не может быть ограничено лишь языковыми моментами, для него нужно «знание ожиданий, фона автора и аудитории, сюжетных схем, скрытых мотивов и излюбленных логических переходов, которые бытуют в конкретную эпоху» [Демьянков 2002: 43]. Именно поэтому анализ любого политического высказывания необходимо проводить, учитывая актуальную политическую ситуацию, в которой сформировано высказывание, «его отношения с иными текстами, личностными качествами, политическими взглядами и целевыми установками автора, спецификой восприятия текста» [Суханов 2017: 147; Манаенко 2008]. Также нельзя забывать о той роли, которую высказывание играет в системе политических текстов и в политической жизни страны [Чудинов 2006: 12].

В результате трансформации политического дискурса образуется дискурс общественно-политический, под которым понимается «целенаправленно конструируемое пространство информационно-коммуникативного взаимодействия политических субъектов с общественными и политическими акторами, в результате которого вырабатываются и таким образом одновременно легитимируются обобщенные стратегии развития общественно-политической системы, обеспечивая ее публичную структурированную консолидацию» [Аствацатурова 2018: 127].

По мнению М. А. Аствацатуровой и Д. С. Чекменева, у общественно-политического дискурса, в отличие от просто политического, есть дополнительная, приоритетная, цель, которая подразумевает достижение публичного общественного согласия «как одного из важнейших условий обеспечения стабильности функционирования и развития общественно-политической системы» [Аствацатурова 2018: 127]. Как видно, общественно-политический дискурс предполагает «включение» общественности в

обсуждение и разработку тех или иных властных решений, что в определенной степени меняет роль участников общения данного типа дискурса.

О. Л. Михалева выделяет трех участников коммуникации (трех субъектов) в современном политическом дискурсе: адресанта, прямого адресата и адресата-наблюдателя. Адресант (говорящий) является таким участником, который, согласно своему волеизъявлению, может направлять речь к тому или иному коммуниканту. Прямой адресат выступает в роли «слушающего» и представляет собой коммуниканта-соперника, который может реально участвовать в разговоре, а может и отсутствовать в данный момент. Адресат-наблюдатель – это «субъект политического действия, внимания которого добиваются политики, на чьи интересы ссылаются, чье мнение, как им кажется, представляют [Михалева 36-37]. Отметим, что несмотря на то, что в работе О. Л. Михалевой речь идет о собственно политическом дискурсе, в субъекты дискурса входит и адресат-наблюдатель (т.е. представитель «общественности»), что в некотором смысле делает синонимичными понятия «политический дискурс» и «общественно-политический дискурс».

Тем не менее, ряд исследователей придерживается мнения, что участниками политического дискурса (адресантами) в большинстве случаев являются конкретное политическое лицо или некий политический институт [Гавришина 2018: 26], в то время как, с точки зрения Е. В. Троценковой, «участники общественно-политического дискурса выступают в дискуссиях в определенной роли, например, сторонника той или иной политической партии» [Троценкова 2017: 249]. Очевидно, участниками общественно-политического дискурса является большее число коммуникантов.

Согласно М. А. Аствацатуровой и Д. С. Чекменеву, в формировании поля общественно-политического дискурса участвуют две группы: субъекты и акторы. Первые являются ключевой структурной единицей общественно-политического дискурса, они «генерируют идеологемы и политические доктрины и концепции», наполняющие данный тип дискурса. Субъектам отводится роль формирования нормативно-правовых норм и организационных

параметров общественно-политического дискурса, а также определение его структурных единиц.

Актеры общественно-политического дискурса принимают в нем участие, однако не оказывают на него самостоятельного принципиального воздействия. Кроме того, «их позиция не предполагает проявления самостоятельной инициативы» [Аствацатурова 2018: 129].

В работе Н. Н. Равочкина отмечается, что в коммуникативном пространстве общественно-политического дискурса «наличествует ярко выраженная и строго обозначенная система статусно-ролевых отношений» [Равочкин 2018: 246]. Статусы и роли связаны между собой различными функциями, укрепляющими социальные связи и отношения. Исходя из этого, субъекты, обозначенные в исследовании М. А. Аствацатуровой и Д. С. Чекменева, имеют более высокий статус, чем акторы.

Стоит подчеркнуть, что в современных медиа зачастую встречается иное «распределение» функций. Так, например, средства массовой информации, выполняя функцию установления повестки дня (agenda-setting) и оказывая влияние на общественность за счет подбора освещаемой информации, могут также получить субъектный статус [Греймас 2000: 158-163].

Важно отметить, что каждому участнику общественно-политического дискурса, каждой социальной группе, свойственен свой «политический язык», а, следовательно, и определенные коммуникативные стратегии, применяемые для конкретной цели [Хачатрян 2022: 166].

Определение статуса и ролей участников общественно-политического дискурса осложняется тем, что данный вид дискурса также имеет некоторые подвиды. Так, С. А. Дондо в статье «Основные принципы определения типов общественно-политического дискурса» выделяет разные типы общественно-политического дискурса на основании системы авторитетов и культурных ценностей, а также политических пристрастий тех или иных групп населения. Вследствие этого, С. А. Дондо различает либеральный дискурс, патриотический дискурс, коммунистический дискурс и официально-властный дискурс [Дондо

2015: 90]. Как видно, классификация построена на основании политического строя современной России, что можно считать приемлемым лишь для узкого круга исследований (для конкретной пространственно-временной ситуации).

На наш взгляд, типы общественно-политического дискурса могут быть выделены в соответствии с тематикой фрагментов коммуникации; если точнее, со сферами человеческой жизнедеятельности, где встречается социо-политическая тематика. Например, медиадискурс, который представляет собой совокупность всех процессов и производных речевой деятельности в области средств массовой информации, можно отнести к общественно-политическому дискурсу, если объектом дискурсивного анализа являются статьи, публикации или выступления в средствах массовой информации, касающиеся социальных и политических проблем.

В качестве материала для настоящего исследования отобраны фрагменты коммуникации, связанные с общественно-политическими проблемами и направленные на урегулирование геополитических разногласий. В современной науке работы, посвященные анализу языковых средств устранения конфронтации, неразрывно связаны с изучением дискурса медиации. Ввиду характера анализируемых в данном исследовании примеров, дискурс медиации рассматривается нами как составляющая общественно-политического дискурса. Для более полного анализа данного типа дискурса необходимо дать определение самому термину «медиация», что будет сделано в разделе 1.1.3.

Таким образом, под общественно-политическим дискурсом в данной работе понимается пространство коммуникативного взаимодействия политических субъектов с общественно-политическими акторами. В данное дискурсивное пространство могут попасть разные дискурсивные личности, в том числе и занимающиеся устранением политических конфронтаций.

1.1.3. Медиация как объект конфликтологии и юриспруденции

В настоящее время в процессе разрешения социальных и геополитических конфликтов все чаще участвуют третьи стороны, выступающие в роли медиаторов. Медиация является одним из наиболее действенных инструментов достижения компромиссных решений на разных уровнях и подразумевает «технологию урегулирования споров с участием третьей нейтральной, беспристрастной, не заинтересованной в данном конфликте стороны – медиатора» [Шамликашвили 2013: 44].

Историю развития медиации как процесса разрешения конфликтов чаще всего связывают со странами Востока (в частности, с Китаем и Японией), где с древних времен, ввиду религиозных и философских течений, делался акцент на совместно принимаемые решения [Бесемер 2004: 54-55]. Однако нельзя отрицать, что упоминание внесудебного урегулирования конфликтов при помощи третьего лица встречается еще в Библии. Так, в Евангелии от Матфея приводятся слова Иисуса Христа относительно того, что для решения спора иногда необходимо привлечение третьей стороны: «если же он не послушает, возьми с собою еще одного или двух, дабы устами двух или трех свидетелей подтвердилось всякое слово. Если же не послушает их, скажи церкви...» [Библия 2003: 1014]. Именно поэтому в древние времена урегулирование конфликтов зачастую осуществлялось представителями духовенства [Sinclair-James 2000: 4].

В царской России в 1861 году была учреждена специальная должность мировых посредников, главной функцией которых являлось «содействие размежеванию земли между крестьянами и помещиками по Крестьянской реформе 1861 и составление уставных грамот». При этом «в ведении Мировых посредников находились также все другие вопросы поземельных отношений крестьян и помещиков и дела по общественному управлению крестьян, вышедших из крепостной зависимости» [БСЭ 1954: 576].

В глобальном плане Россия как государство еще с начала 19 века играла едва ли не главную роль в установлении института международного

посредничества (медиации). В 1804 году Россией было предложено установить обязательство «никогда не начинать войны иначе, как по истощении всех средств, предоставляемых посредничеством третьей державы». В 1899 и 1907 гг. процедура медиации была регламентирована Гаагскими конвенциями, в выработке которых принимала участие Россия. Затем, в 1945 году, данные конвенции были упорядочены Уставом Организации Объединенных Наций [БСЭ 1955: 248]. Во второй половине 20 века, начиная с 1960-х годов, медиация получила широкое развитие в США, где была разработана «концепция медиации».

В сегодняшней России Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» был принят в 2010 году. Наибольшее распространение техника медиации получила в юридической сфере в рамках решения супружеских конфликтов, конфликтов на рабочих местах, а также при улаживании споров между соседями, арендаторами и арендодателями и т.п. [Бесемер 2004: 23; Гафнер 2019: 13-14].

В связи с увеличением обращений к третьей стороне для решения споров в различных сферах, медиацией стала заниматься такая дисциплина как конфликтология [Чумиков 2023: 41]. В современной конфликтологии выделяют три уровня, на которых разворачиваются конфликты, а именно: микроуровень, мезоуровень и макроуровень. Основанием для такой классификации служит территориальный масштаб и границы конфликтной ситуации.

На микроуровне разворачиваются внутриличностные, межличностные и межгрупповые конфликты. Под конфликтами мезоуровня подразумеваются разногласия между организациями и регионами. На макроуровне сосредоточены конфликты между государствами, а также конфликты цивилизаций [Цой 2016: 73].

В нашем исследовании уделяется внимание процессу медиации в рамках конфликтов макроуровня, а именно – косовского вопроса, касающегося статуса сербского автономного края Косово и Метохия, и украинского кризиса,

повлекшего за собой Специальную военную операцию. Представляется интересным проанализировать использование медиации именно в международных конфликтах ввиду нескольких причин.

Прежде всего, в ситуации геополитических разногласий практика медиации применяется не в том виде, в котором она известна в гражданском судопроизводстве. Как отмечает Х. Бесемер, «для сферы межчеловеческих отношений и небольших групп разработан очень детальный метод»; международная медиация, напротив, может иметь разную форму, начиная с устных и письменных заявлений политиков или общественных деятелей и заканчивая международными соглашениями, достигнутыми в рамках переговоров. То есть в области международной политики медиация не имеет таких узких границ, как в области права [Бесемер 2004: 59].

Кроме того, любая конфликтная ситуация включает в себя три этапа: предконфликт, развитие конфликта и постконфликтную ситуацию. По мнению Л. Н. Цой и О. Б. Иванова, «медиация востребована только после второго этапа (на стадии постконфликтной ситуации), когда конфликт уже приобрел четкие ориентиры, формы и процессы. Остальные этапы не находятся в поле зрения медиаторов» [Цой 2016: 74]. Нам же процесс медиации в ситуации общественно-политической нестабильности видится несколько иначе: как показывает практика, различные способы решения международных разногласий предлагаются третьими сторонами (медиаторами) на разных этапах конфликтной ситуации. В частности, любопытно проследить, как проявляют себя медиаторы на втором этапе – во время развития конфликта. Именно поэтому материалом данного исследования послужили тексты медиаторной направленности, относящиеся к двум глобальным противостояниям, которые продолжаются с той или иной интенсивностью по сей день.

Говоря о способах и методах урегулирования конфликтов в политической медиации, исследователи выделяют такие средства как:

- переговоры и, как их разновидность, – консультации (факультативные и обязательные);

- консилиации, которые подразумевают ведение переговоров медиатором без непосредственной встречи сторон за одним столом. К данной процедуре прибегают в случае слишком сильной эмоциональной отягощенности конфликта, часто сопровождающегося нежеланием одной или обеих сторон встречаться лицом к лицу;
- обследование (следственные комиссии) – средство мирного урегулирования, к которому обращаются в случаях, когда спорящие стороны расходятся в оценке фактических обстоятельств, вызвавших спор;
- примирение (примирительные, согласительные комиссии);
- добрые услуги – действия не участвующей в споре стороны, целью которых является установление прямых контактов между конфликтующими сторонами [Нигматуллина, Терновая 2016: 217-225].

В нашей работе под медиацией понимается «любая посредническая деятельность, которая основывается на выраженном или невыраженном согласии сторон конфликта и при которой относящиеся к процедуре и содержанию предложения решений вносятся со стороны медиатора» [Sljelsboek 1991: 110]. Под «любой посреднической деятельностью» понимаются фрагменты коммуникации (статьи, публичные дискуссии, материалы интернет-форумов, публикации в социальных сетях и пр.), объединенные темой решения конфликта.

Видится необходимым разграничить судебную медиацию и медиацию при общественно-политическом конфликте.

Таблица 1. Различия между судебной медиацией и медиацией в ситуации геополитической нестабильности (в общественно-политическом конфликте)

Судебная медиация	Медиация в ситуации геополитической нестабильности
В большинстве случаев реализуется конфиденциально [Куликова 2019: 247].	Общедоступность всевозможных материалов по урегулированию. Подписание мирных договоров и соглашений

	<p>может проходить конфиденциально, но, в целом, все планы урегулирования конфликтов можно найти в открытом доступе.</p>
<p>Мало эмпирического материала.</p>	<p>Материалы публикуются в средствах массовой информации, на официальных сайтах международных организаций и т.д.</p>
<p>В роли медиатора выступает один человек с специальным (чаще всего – юридическим) образованием. ⇒ Персональный медиатор</p>	<p>В качестве медиатора может выступать не один человек, а целое государство, или государственный орган [Прийма 2023: 142]. ⇒ Коллективный медиатор</p>
<p>Основывается на принципе невмешательства, т.е. медиатор не имеет личной заинтересованности в исходе разрешения спора [Situmorang 2022: 537].</p>	<p>Медиатор не должен иметь прямой заинтересованности в исходе разрешения спора, однако представляя какую-либо политическую силу, невольно пропагандирует её идеологию.</p>
<p>Имеет модульную структуру, отражающую регламентированный процесс поэтапного развертывания медиативной процедуры [Моногарова 2017: 4].</p>	<p>Не всегда имеет модульную структуру. «Стороны могут по своему усмотрению договариваться, посредством ссылки на какой-либо регламент или иным образом, о порядке проведения медиации». В отсутствие договоренности о порядке проведения медиации медиатор может вести процедуру медиации в таком порядке, какой он считает надлежащим [ЮНСИТРАЛ 2018: 42].</p>
<p>В большинстве случаев ограничена конкретными временными рамками: медиация считается неудачной, если стороны не достигают соглашения в течение максимального срока в 30 дней [Purwadi 2021: 39].</p>	<p>Отсутствие временных рамок, способы решения конфликта могут предлагаться в разные этапы конфронтации. Регламент выполнения достигнутых с помощью медиации соглашений определяется конкретным правовым документом (подписанным соглашением между конфликтующими сторонами и т.п.).</p>

Конфликтующие стороны имеют возможность выбора своего собственного медиатора или привлечения независимо одобренного медиатора [Jayadi 2024: 9].	Конфликтующие стороны редко имеют возможность выбрать медиатора, в большинстве случаев медиатор сам назначает себя на эту роль, предлагая план разрешения конфликта.
Последовательное сочетание устной и письменной коммуникации, а также диалогической, монологической и групповой форм общения [Моногарова 2017: 8].	Несистематическое сочетание устной и письменной коммуникации, которая включает в себя как диалогическую, так и монологическую форму общения. Предложения медиатора об урегулировании конфликта могут публиковаться в разных источниках и не иметь формального характера.

Таким образом, медиация как процесс разрешения конфликтов возникла еще в древние времена, а наиболее широкое использование получила с начала 20 века. Как видно из Таблицы №1, в ситуации геополитических разногласий практика медиации применяется в ином виде нежели в гражданском судопроизводстве.

1.1.4. Медиация как объект лингвистического исследования

На сегодняшний день понятие «медиация» вышло за рамки конфликтологии и юриспруденции, приобрело междисциплинарный характер и, в том числе, получило развитие в дискурсе медиации, анализ которого нашёл отражение во многих лингвистических исследованиях. Наиболее известные отечественные филологи, занимающиеся изучением дискурса медиации, – Л. В. Куликова [Куликова 2016], О. А. Прохорова [Прохорова 2017], Д. М. Татаурова [Татаурова 2019], А. Л. Чернышенко [Чернышенко 2013], А. С. Киндеркнехт [Киндеркнехт 2025], Н. С. Барбина [Барбина 2012], А. Г. Моногарова [Моногарова 2017], О. В. Аллахвердова [Аллахвердова 2006] и др. Среди зарубежных исследователей известность получили работы

К. Крейзера [Kreuser 2012], Л. Чулиараки [Chouliaraki 2010; 2025], Б. Ли [Lee 1992], С. Морассо [Morasso 2008], Л. Синклер-Джеймс [Sinclair-James 2000] и др.

Согласно С. Морассо, медиация связана со следующими дисциплинами: право, психология, этика, экономика, математика, антропология, социология, история, журналистика, политология и теология, а также международные отношения и исследования проблем мира [Morasso 2008: 57]. Считается, что дискурсом медиации начали заниматься специалисты в области коммуникации и риторики [San-Toi 2009: 12].

В современных лингвистических исследованиях не существует единого определения дискурса медиации. Л. В. Куликова и О. А. Прохорова под дискурсом медиации понимают «управление процессом когнитивной, вербальной и эмоциональной трансформации субъектов конфликтного общения в рамках континуума от коммуникативного диссонанса к коммуникативному консенсусу» [Куликова, Прохорова 2016: 100–104], то есть конфликтующие участники должны из дискурсивного пространства несогласия перейти в кооперативное, под которым подразумевается пространство рационального взаимодействия.

Схожее толкование дискурса медиации можно встретить в работах Н. С. Баребиной, характеризующей его как «процесс, в котором стороны конфликта прибегают к процедуре медиации, чтобы посредством языковой коммуникации и с помощью медиатора управлять ситуацией и изменять ее, переходя от конфликтного взаимодействия к кооперативному» [Баребина 2012: 6].

А. С. Киндеркнехт рассматривает дискурс медиации как «человекоразмерную практику, связанную с разрешением разногласий или примирением конфликтующих сторон», в интерпретации которой значимы социальный, исторический и культурный контексты [Киндеркнехт 2025: 13].

Большинство исследователей сходятся во мнении, что дискурс медиации имеет институциональный характер [Моногарова 2017: 8]. По мнению

В. И. Карасика, институциональный дискурс сводится к образцам вербального поведения, сложившимся в обществе применительно к закрепленным сферам общения [Карасик 1998: 190-191]. Несмотря на то, что существовали и более ранние прецеденты институализации (об одном из них упоминалось выше – когда в России, согласно «Положению» от 19 февраля 1861 года, правительством была учреждена должность мировых посредников, переросшая через полтора десятка лет в должность непререваемых членов уездных по крестьянским делам присутствий), обычно институционализацию дискурса медиации связывают с развитием практики медиации в США, где в 1913 году было образовано Министерство Труда, куда вошел совет миротворцев, способствующих разрешению конфликтов в сфере труда [Sinclair-James, 2000: 4]. В тот момент был сформирован ряд основополагающих политических, социальных и юридических правил, в рамках которых осуществлялся процесс медиации. В дальнейшем данные правила претерпевали изменения, однако в общественном сознании медиация сохранила закреплённый, формальный характер.

Для выявления институциональных признаков дискурса медиации некоторые исследователи (О. С. Киндеркнехт, Н. С. Барбина и проч.) используют параметры институционального дискурса, предложенные В. И. Карасиком. Данные параметры включают в себя: цель, участников конфликта, хронотоп, ценности, стратегии, прецедентные тексты и дискурсивные формулы [Карасик 2000: 29]. Остановимся подробнее на каждом из них.

Цель дискурса медиации заключается в разрешении спора конфликтующих сторон, т.е. в «менеджменте процесса развития кооперации, направленной на разрешение конфликта» [Прохорова 2017: 120].

Участниками дискурса медиации являются конфликтующие стороны (представители сторон) и медиатор, который выступает в определенной институционально-профессиональной сфере (юрист, преподаватель, психолог и проч.) [Chouliaraki 2025: 88].

Хронотоп дискурса медиации включает в себя место проведения и временной регламент. В качестве места процедуры посредничества, как правило, выступает официальное учреждение; в некоторых случаях возможна дистанционная медиация с использованием интернет-технологий. Временной регламент подразумевает одно или несколько дискурсивных событий [Куликова, Прохорова 2016: 103].

Базовые ценности дискурса медиации определяются как решения, удовлетворяющие обе стороны (решения «выигрыш-выигрыш») [Куликова, Прохорова 2016: 102].

Настоящее диссертационное исследование посвящено стратегиям дискурса медиации, поэтому более подробное их описание будет представлено в работе позже. Однако на начальном этапе отметим, что медиаторные стратегии зависят от интенций, мотивов и интересов конфликтующих субъектов, в связи с чем можно предположить, что не существует универсальных стратегий, которые бы оказались приемлемыми для разрешения всех конфликтных ситуаций.

К числу прецедентных текстов дискурса медиации прежде всего относятся пособия по конфликтологии и юриспруденции, а также федеральные законы, своды и постановления, содержащие информацию о способах урегулирования конфликтов.

Языковые формулы институционального дискурса медиации можно обнаружить в высказываниях медиатора относительно проведения процедуры (например: I am a mediator certified by..., Let us try to get into the facts...) [Баребина 2012б: 29].

Таким образом, институциональность дискурса медиации можно считать одним из его системообразующих признаков, однако лишь в отношении судебной медиации. Так, Л. В. Куликова и О. А. Прохорова придерживаются мнения, что дискурс медиации функционирует не только в институциональной сфере общения, но и в повседневной, в связи с чем возможно выделить два

подтипа дискурса медиации: институциональный и неинституциональный (бытовой) [Куликова 2016: 102].

Если говорить о международной медиации, представляется важным отметить ее смешанный характер. В процессе урегулирования политических конфликтов медиация может изначально иметь формы, свойственные неинституциональному дискурсу, а именно – подача информации может происходить на двух уровнях. Первый уровень (лично ориентированный) подразумевает устный или письменный обмен информацией при личном общении, при общении с представителями средств массовой информации, дискуссии на интернет-форумах, аудио- и видео-переговоры в режиме реального времени и т.д. Второй уровень (статусно ориентированный) реализуется через устные или письменные обращения к политическим деятелям и партиям, комментарии к статьям в электронных изданиях, сообщения в блогах, социальных сетях и т.д. [Красильникова 2012: 131].

Соответственно, на начальном этапе выстраивания медиации в рамках геополитического конфликта медиаторы прибегают к различным неинституциональным формам посредничества (при помощи открытых заявлений в социальных сетях или в рамках общения с журналистами). Однако предполагается, что к моменту завершения конфликта успешная медиация приобретает элементы институциональности и приводит к подписанию мирных соглашений.

В связи с тем, что большинство исследователей дискурса медиации придерживается мнения, что данный тип дискурса всё-таки имеет институциональный характер, ряд специалистов считает, что «исследование посреднического взаимодействия как такового фактически ограничено минимальным объемом доступного эмпирического материала» [Kreuser 2012: 76; Костюшкина 2016: 230]. С этим утверждением можно согласиться, но лишь отчасти. Действительно, в рамках судопроизводства одним из главных принципов процедуры медиации является конфиденциальность: т.е. сведения,

включая устную информацию и документы, которые использовались в ходе процесса медиации, не подлежат разглашению.

В условиях решения международных конфликтов конфиденциальность не является главным критерием. Специфика общественно-политического дискурса заключается в его открытости [Клюев 2008: 335], а именно: в публикации планов об урегулировании конфликта на официальных сайтах международных организаций, в публикации предложений в СМИ и социальных сетях, а также в возможности медиаторов (будь то президент страны или общественный деятель) открыто заявлять о своих намерениях.

Таким образом, дискурс медиации для мирных инициатив рассматривается нами в формате смешанного дискурса (с элементами институционального и неинституционального дискурса) и определяется как процесс когнитивной, вербальной и эмоциональной трансформации участников конфликтного общения, осуществляемый для перехода от конфронтационного взаимодействия к кооперативному.

Реализация дискурса медиации в ситуации геополитической нестабильности возможна на разных коммуникативных уровнях: «международном дипломатическом, корпоративно/деловом в транснациональном сотрудничестве и официально межличностном в различных сферах межкультурного взаимодействия» [Куликова 2019: 249].

1.1.5. Структура дискурса медиации

С точки зрения структуры дискурс медиации принято рассматривать как треугольник с тремя действующими лицами: медиатором (персональным или коллективным) и двумя конфликтующими сторонами. Как отмечают С. Тувал и И. Зартман, наряду с медиатором, который является полноправным участником, а не нейтральным посредником, участниками дискурса медиации являются и сами конфликтующие стороны. При рассмотрении политических и социальных конфликтов к ним зачастую относятся коллективные субъекты (государства или

их регионы, крупные административные структуры и т.д.) [Touval, Zartman 1985: 39].

Л. В. Куликова характеризует данную структуру как триадический дискурс, объектами которого являются: медиатор, выполняющий модулирующую функцию; и два дискурсивных субъекта (А и В), обладающие собственным нарративом в рамках контактного взаимодействия [Куликова 2019: 248].

Большинство исследователей относит дискурс медиации к узуальному типу дискурса, который имеет регламентированный характер следования стадиям процедуры. Данные стадии отражают основные цели медиации, которые, согласно Ю. Г. Запрудскому, заключаются «в разработке плана будущих действий; подготовке участников к осознанию последствий своих собственных решений; нейтрализации негативных эффектов конфликта за счет помощи участникам в разработке приемлемой для них резолюции» [Запрудский, 1992: 42].

Соответственно, дискурс медиации делится на три этапа. На первом этапе, подготовительном, осуществляется формирование условий, благоприятных для проведения медиации. Вторым этапом подразумевается формулирование точек зрения конфликтующих субъектов, в то время как третий этап представляет собой работу над конфликтом, а именно – поиск альтернатив и принятие решений.

С учетом обозначенных выше этапов дискурса медиации, С. Тувалом и И. Зартманом была выдвинута модель «идеальной медиативной сессии», согласно которой медиация должна способствовать:

- налаживанию контакта со сторонами, поддержанию адекватного и полноценного общения, выделению наиболее существенных проблем и интересов сторон и т.д.,
- поддержанию организованности протекающей медиативной сессии и созданию комфортной обстановки для работы над конфликтом,

- отсутствию давления на конфликтующие стороны, выдвижению продуктивных предложений и направления медиативной процедуры непосредственно к разрешению конфликта [Touval, Zartman, 1985: 37].

Следует вновь отметить, что строгая регламентация процесса медиации, как и последовательное выполнение этапов, представленных выше, возможны, в основном, при рассмотрении медиационных сессий бытового характера. Международная медиация не всегда имеет модульную структуру и может проходить в несколько этапов, без соблюдения регламента (см. Таблица 1).

Таким образом, участниками дискурса медиации являются собственно конфликтующие коммуниканты и медиатор (посредник), которые следуют разным этапам с целью разрешения конфликтной ситуации. Как было обозначено ранее, дискурс медиации, дискурс мирных инициатив в ситуации геополитической нестабильности, имеет черты неинституционального дискурса, а, значит, тип его структуры может рассматриваться не как общепринятый, а как свободный, немоделируемый с элементами узуральности.

1.1.6. Роль медиатора в дискурсе медиации (цели, принципы и основные функции)

Как было обозначено в предыдущем разделе, неизменным участником дискурса медиации является медиатор. В современных исследованиях медиатору отводится значимая роль посредника, цель которого выражена в направленности сторон на совместный поиск решений проблемы. Основной задачей медиатора является «выработка у сторон конструктивного подхода к переговорам». [Зайцева 2013: 90]. По мнению О. М. Литвишко и Ю. А. Черноусовой, в задачи медиатора также входят: «интерпретация выражений, намерений, перцепций и ожиданий всех участников коммуникативной деятельности, установление и балансирование коммуникации между ними с целью последующего осуществления необходимых видов профессиональной деятельности» [Литвишко, Черноусова 2016: 140]. Иными словами, медиатор прежде всего должен способствовать налаживанию между

конфликтующими сторонами коммуникации, направленной на урегулирование спора.

В качестве ключевой функции медиатора Л. В. Куликова выделяет комплексную модулирующую функцию, которая позволяет трансформировать смысловую (концептуальный) и речевой конфликты между субъектами переговорного процесса в перспективу развития коммуникативного сотрудничества. Данная функция способствует «минимизации дискурсивной плотности конфликта в медиативном взаимодействии и достижению необходимого обоюдного перлюкутивного эффекта» [Куликова 2019: 249].

Согласно Л. И. Зайцевой, именно медиатор помогает сторонам заключить справедливое и удовлетворяющее всех решение, однако выполнение данной функции создает определенные рамки, в пределах которых может действовать посредник [Зайцева 2013: 90].

Принципы, которые, по мнению исследователей, должен соблюдать медиатор, включают в себя:

- **Беспристрастность и нейтральность:** медиатор не должен занимать выраженной позиции в отношении какой-либо из сторон. В течение всей процедуры медиации медиатору следует сохранять нейтралитет, побуждать участников переговорного процесса к свободному обмену мнениями и обеспечивать для этого равные условия.
- **Принятие участников:** медиатор должен проявлять к конфликтующим сторонам безусловное уважение.
- **Признание:** в задачи медиатора входит предоставление субъектам переговорного процесса возможности поочередно высказать свои взгляды.
- **Поддержку:** отличительным признаком медиатора является умение сохранять нейтралитет и при этом поддерживать спорящие стороны, предоставляя им возможность высказываться свободно и не чувствовать предвзятости и осуждения [Шамликашвили 2017: 54].

Данные принципы медиатора соотносятся с моделью «идеальной медиативной сессии» С. Тувала и И. Зартмана, проанализированной выше (в разделе 1.1.5). Однако помимо нейтральной позиции медиатора, модель Тувала-Зартмана также подразумевает:

- предлагаемую программу решений, разработку плана дальнейших действий для обеих сторон с целью урегулирования конфликта;
- скрытое или прямое обоснование, почему конкретный человек или группа взяли на себя обязательство выступать в роли медиатора и могут предлагать свои способы решения конфликта.

В судебной медиации или в случае урегулирования бытовых конфликтов в качестве посредника обычно выступает один человек (индивидуальный медиатор), который имеет специальное образование (юрист, психолог, преподаватель и т.д.). В ситуации политического конфликта медиация может осуществляться международными организациями, государствами или физическими лицами (коллективный медиатор) [Зайцева 2013: 90].

Дискурсивно-иерархический статус медиатора в некоторых случаях зависит от характера конфликта (институциональный дискурс или неинституциональный). Бытовой медиатор, как правило, находится в равном положении с конфликтующими участниками, потому что выступает посредником в спорах, связанных с повседневной жизнью. В его роли может выступать друг, родственник или начальник [Куликова, Прохорова 2016: 102].

Институциональный медиатор имеет более высокий статус по отношению к статусу конфликтующих участников, но в ходе дискурса он может меняться: либо становиться еще более высоким, либо приобретать равное положение относительно спорящих сторон. При этом, по мнению Н. С. Баребиной, посредник в процессе медиации играет вторичную роль, т.к. никогда не принимает решений самостоятельно, а только способствует их поиску и принятию [Баребина 2012а: 24]. На наш взгляд, даже бытовой медиатор не имеет полностью равный статус по отношению к участникам конфликта, которые, избрав его в качестве посредника, самостоятельно «наделили» его

определенными полномочиями. Возможно, и сам медиатор (если посредничество не является его профессией) соглашается на эту роль с целью перестройки иерархии отношений со сторонами конфликта.

Одной из характерных языковых особенностей медиации многие исследователи считают категорию диалогичности, являющуюся основным свойством конструктивного посредничества [Portere 2020: 296]. Медиация, по мнению И. В. Ермолаевой, направлена не только на разрешение конфликта, но и на обучение конфликтующих сторон правилам диалога, поскольку современная модель развития общества предполагает диалогическое взаимодействие [Yermolayeva 2015; Soika, 2015].

Для достижения основной цели дискурса медиации посредник-медиатор прибегает к различным стратегиям, которые зависят от индивидуальных целей участников и экстралингвистических факторов. Согласно работам последних лет, речевое поведение медиатора строится в границах реализации таких стратегий как: стратегия содействия коммуникации, стратегия формулирования (она же стратегия информирования), убеждения и манипулирования [Bercovitch 1992: 104-105; Моногарова 2017: 6].

В настоящем исследовании делается упор на анализ коммуникативных стратегий и тактик медиатора, применяемых в условиях политической нестабильности. Представляется необходимым изучить коммуникацию с точки зрения соблюдения принципов медиатора, изложенных выше (нейтральная позиция, признание, поддержка и т.д.). Поскольку работа посвящена публичной медиации, анализ категории диалогичности медиатора видится сложным: исследуемая коммуникация не всегда осуществляется в присутствии участников конфликта.

Нельзя забывать, что речевые стратегии медиатора формируют его коммуникативное поведение, которое, в свою очередь, является объектом такой дисциплины как лингвокультурология. Под коммуникативным поведением понимается «поведение (вербальное и сопровождающее его невербальное) личности или группы лиц в процессе общения, регулируемое нормами

и традициями общения данного социума» [Пестова 2022: 42]. Зачастую коммуникативное поведение отражает национальный менталитет, в связи с чем, по оценкам лингвистов, речевые стратегии субъекта коммуникации объясняются не только «поведенческими терминами», но и «скрытой системы культурных правил». То есть для анализа речевого поведения медиатора важно также определить его «культурные сценарии» [Вежбицкая 1997; Стернин, Ларина, Стернина 2003].

Таким образом, медиатор является основным участником дискурса медиации, в задачи которого входит организация переговорного процесса для конфликтующих сторон, а также содействие урегулированию конфликта мирным путем. Данные задачи выполняются с использованием различных языковых стратегий, выбор которых зависит от характера конфликта, экстралингвистических факторов и коммуникативного поведения медиатора.

1.2. Понятие фрейма

Одной из наиболее актуальных категорий лингвистических исследований, на сегодняшний день, является понятие фрейма. Впервые термин «фрейм» появился в языкознании в 1970-1980-х годах [Charniak 1975; Rumelhart 1975; Winograd 1975; Schank & Abelson 1977; Medzinger 1980; De Beaugrande & Dressler 1981; Wilks 1980]. Изучение данного понятия, вошедшего в число центральных в когнитивной лингвистике, основывается на предположении, что различные типы знаний хранятся в человеческой памяти не в хаосе и беспорядке, а в виде определенных структур, которые содержат знания о стереотипных ситуациях, «входящих в систему общих знаний о мире и фрагменте реальной действительности» [Михалева 2009: 27; Löbner 2021: 261].

Большинство ученых связывают понятие фрейма с человеческим познанием. Так, когнитивный психолог Л. Барсалу выдвинул фреймовую гипотезу, согласно которой «фреймы обеспечивают фундаментальное представление знаний в человеческом познании» [Barsalou 1992: 21].

В трудах одного из родоначальников фреймовой теории (фреймовая семантика) Ч. Филлмора фрейм рассматривается как «особая унифицированная конструкция знания» [Филлмор 1988: 54]. В более поздних работах под фреймом понимается «структура знаний, представляющая собой пакет информации об определенном фрагменте человеческого опыта» [Кобозева 2000: 65].

По мнению Н. Н. Болдырева, термин «фрейм» применяется исключительно для обозначения структурированных представлений и, следовательно, является собой «структурированную единицу знания, в которой выделяются определенные компоненты и отношения между ними; это когнитивная модель, передающая знания и мнения об определенной, часто повторяющейся ситуации и ее структуре» [Болдырев 2019: 379].

Ж. В. Никонова, характеризуя природу фрейма, приходит к следующим выводам: фрейм представляется уникальной структурой знания человека, соединяющей область когнитивного и языкового в процессе речевой деятельности; а также является схемной когнитивной репрезентацией референтной ситуации (сценария) или понятия (скрипта) [Никонова 2008: 39]. Таким образом, фрейм – это набор задаваемых ситуацией или понятием типовых признаков.

Как видно, в представленных выше определениях особое внимание уделяется таким свойствам фрейма как структурированность и обобщенность (стереотипность). Отметим, что большая часть существующих толкований фрейма основывается на теории фреймовой модели репрезентации знаний, предложенной М. Минским. Марвин Минский одним из первых стал разрабатывать базы данных в теории искусственного интеллекта за счет упорядочивания и структурирования объема представляемой информации. Вследствие этого М. Минского считают родоначальником использования категории фрейма во многих отраслях науки, причем не только гуманитарных, но и естественных [Гусельникова 2010: 137].

В основу модели М. Минского легло положение о восприятии действительности через актуализацию имеющихся в памяти специфических структур. По словам самого исследователя, отправной точкой для теории послужил «тот факт, что человек, пытаясь познать новую для себя ситуацию или по-новому взглянуть на уже привычные вещи, выбирает из своей памяти некоторую структуру данных (образ) с таким расчетом, чтобы путем изменения в ней отдельных деталей сделать ее пригодной для понимания более широкого класса явлений или процессов» [Минский 1979: 3].

Схематически фрейм выглядит как сеть, которая состоит из узлов и связей между ними. Узел представляет собой определенное понятие, которое может быть задано в явном виде [Гусельникова 2010: 138]. Верхние уровни фрейма образованы такими понятиями, которые всегда справедливы по отношению к предполагаемой ситуации, в связи с чем эти уровни четко определены. Более низкие уровни отличает большое количество ячеек («незаданных» узлов), которые впоследствии должны быть заполнены «характерными примерами или данными» [Минский 1979: 4].

Как видно, в узлах верхних уровней содержатся более общие признаки, которые конвенциональны и имеют свои задания. В то время как узлы нижних уровней, которые также именуется терминалами или слотами, в большинстве случаев не заполнены информацией, а наполняются в процессе адаптации фрейма к конкретной ситуации [Терпак 2006: 132]. Важно отметить, что уровни фрейма иерархически связаны друг с другом. Также, согласно М. Минскому, ячейки могут устанавливать условия, которые должны удовлетворять задания конкретного узла. Такие условия определяются маркерами (к примеру, это может быть требование, чтобы заданием ячейки был какой-то субъект) [Минский 1979: 4].

По мнению О. Л. Михалевой, количество «незаданных» узлов (ячеек) соответствует количеству элементов, которые обнаруживаются в конкретном фрагменте опыта, а также количеству параметров, «выделенных на основе опыта взаимодействия человека с объектами данного типа». То есть каждая

ячейка хранит определенный тип информации, релевантный для конкретного объекта действительности [Михалева 2009: 28].

Помимо того, что каждый фрейм имеет иерархическую структуру со связанными между собой уровнями, отдельные фреймы также могут быть взаимосвязаны друг с другом [Беляевская 1992: 59]. Как отмечает О. В. Гусельникова, «группы семантически близких фреймов» способны объединяться в иерархически упорядоченную систему и образовывать субфреймы, которые представляют собой часть более крупного фрейма, или же суперфреймы – иерархически упорядоченные элементы, создающие целые системы фреймов [Гусельникова 2010: 139].

К основным функциям фрейма относят структурную организацию информации [Шеннон 1963: 244] и экономию мышления. По мнению М. Д. Терехова, «экономическая» функция фреймовой организации знаний обусловлена тем, что фрейм предусматривает мгновенную активацию целостного представления в ответ на единственный стимул [Терехов 2014: 54-55].

В целом, независимо от научной области, в которой применяется категория фрейма, основной его задачей является способствование адекватному пониманию смысла.

1.2.1. Понятие фрейма в лингвистике

В лингвистике понятие фрейма часто рассматривают наряду с понятием концепта. Вопрос о соотношении данных понятий до сих пор остается нерешенным [Волосухина 2010: 41-46; Грудева, Кизилова 2017: 95-98]. Считается, что концепт является единицей ментальности, а фрейм занимается «представлением» этой ментальности, т.е. выступает как способ организации образа мыслей, способ структурирования знаний [Михалева 2009: 28]. Н. Н. Болдырев делает вывод о том, что фрейм используется для «обозначения структурированных концептов; он входит в состав концепта, который, в свою

очередь, используется для представления любых единиц знания, в том числе неструктурированных» [Болдырев 2004: 29]. В данной ситуации у концепта есть внутренняя структура, которая может быть представлена в виде фреймовой организации.

В. Н. Телия, в свою очередь, определяет концепт как «знание, структурированное во фрейм» [Телия 1988: 176]. Это знание отражает не только наиболее существенные признаки референта (объекта наименования), но и многие другие, которые в отдельной лингвокультуре расцениваются как адекватное в конкретный момент времени понимание его сущности.

З. Д. Попова и И. А. Стернин дают следующее толкование фрейма: «это мыслимый в целостности его составных частей многокомпонентный концепт, объемное представление, некоторая совокупность стандартных знаний о предмете или явлении» [Попова, Стернин 2001: 73].

Несколько иначе природу фрейма рассматривает И. А. Тарасова, которая считает фрейм когнитивной структурой «более высокого порядка, чем концепт, как тип взаимодействия между концептами, способ (форму) организации ментального пространства» [Тарасова 2004: 2]. Получается, что разные концепты могут быть организованы во фрейм, то есть фрейм представляет собой внешнюю структуру, объединяющую разные концепты воедино.

На самом деле, позиции Н. Н. Болдырева и И. А. Тарасовой противоречат друг другу лишь внешне. Если рассматривать фрейм как способ организации некоторого количества единиц в относительно упорядоченное множество (фрейм образует иерархию данных единиц и устанавливает между ними связи), то не представляется важным, происходит ли эта организация «внутри» одного концепта или «за счет» нескольких концептов. Основным отличием фрейма от концепта, таким образом, является то, что фрейм имеет более четкую и жесткую структуру, чем концепт, которому свойственна субъективность.

Как видим, несмотря на активное использование термина «фрейм» в лингвистических исследованиях, в современном языкознании не существует четкой методики изучения фрейма. По словам О. В. Соколовой, это связано с

отсутствием однозначной трактовки – определения, которое охватывало бы и включало в себя все стороны и аспекты фрейма [Соколова 2007: 236].

В зарубежной лингвистической литературе можно встретить разные толкования фрейма. Первое из них связано с упомянутым ранее именем Чарльза Филлмора, в работах которого встречается как минимум три определения фрейма: как падежной рамки, как системы выбора языковых средств и как системы категорий. В первом случае фрейм представляет структуру сознания, отражающую языковое сознание говорящего [Филлмор 1981: 375]; во втором – систему языковых категорий, лексических единиц и грамматических правил [Fillmore 1975: 123-131]; в третьем – систему категорий, «структурированных в соответствии с мотивирующим контекстом и предстающих как набор понятий и одновременно как категоризация опыта» [Филлмор 1988: 16]. По мнению Ж. В. Никоновой, все определения фрейма, предложенные Ч. Филлмором, перекликаются с понятием семантического поля [Никонова 2007: 230].

Еще одно определение фрейма зарубежными исследователями принадлежит Т. А. ван Дейку, который не рассматривает фрейм в качестве структуры, отражающей языковое сознание говорящего (как у Ч. Филлмора), а считает, что фрейм содержит общую информацию о стереотипной ситуации. Вслед за М. Минским ван Дейк отмечает, что «знание организовано в концептуальные системы» и эти системы можно описывать в терминах фреймов [Т.А. ван Дейк 1989: 16]. Как видно, определение Т. А. ван Дейка больше соотносится с понятием концепта, т.к. в рамках данной дефиниции фрейм содержит «основную типическую и потенциально возможную информацию, ассоциированную с тем или иным концептом» [Никонова 2007: 230].

Фрейм также рассматривается в контексте этнологии речи [Малязина 2015; Демьянков 1996]. Так, Э. Гоффман понимает под фреймом «аналитические леса», при помощи которых индивиды постигают свой собственный опыт. Фреймы идентифицируются в рамках определенных ожиданий и подчинены конкретным принципам, которые отражают социальные события и регулируют участие в них человека [Goffman 1974: 11].

В отечественной лингвистике говорят о существовании двух основных подходов к понятию фрейма на сегодняшний день: фрейм рассматривается как структура знания, либо как структура представления знания [Ивашкевич 2011: 77].

В рамках первого подхода о фрейме говорят как о «структурированном фрагменте знания мира на каком-то его участке, сложившемся в сознании вокруг какой-то сущности как обобщенное суммарное представление о сфере ее бытования» [Никитин 2004: 62]. Фреймы организуются вокруг какого-то понятия, а комплекс связанных между собой фреймов уже образует сводную когнитивную модель мира.

Сторонники второго подхода рассматривают фрейм как средство представления когнитивной структуры, как «когнитивную модель, передающую знания и мнения об определенной, часто повторяющейся ситуации» [Болдырев 2004: 29]. На наш взгляд, данные подходы не противоречат друг другу и могут использоваться комплексно, создавая условия для более полного исследования. В настоящей работе фрейм анализируется как структура представления знания, конкретнее – как «метод исследования взаимодействия языковых значений и структур знания, т. е. мыслительного пространства» [Коннова 2012: 72]. Следовательно, теоретический материал, посвященный вопросам медиации, типизируется для выстраивания фрейма, в котором сосредоточены обобщенные и стабильные для ситуации геополитического кризиса медиационные признаки.

Необходимо отметить, что согласно принципу репрезентации знаний структура фрейма может быть статичной или динамичной. Статичный фрейм, согласно Е. В. Петрушовой, представляет собой «пакет», «ячейку» схематизированного опыта человека, в то время как динамичный «отражает категориальный опыт индивида в процессе речепроизводства как смысловой каркас его дискурсивной деятельности» [Петрушова 2012: 62].

Таким образом, под термином «фрейм» в лингвистике понимается смысловая схема стереотипной ситуации или понятия, в связи с чем он может лежать в основе образа, представления или любой другой когнитивной

структуры, которая выражена при помощи языка. Стереотипность фрейма заключается не в шаблонности, а в фиксированности смысловых компонентов фрейма (узлов). Прежде чем перейти к моделированию фрейма «Медиация», представляется важным затронуть такой аспект как фрейм в дискурс-анализе.

1.2.2. Фреймовый анализ в дискурсе

Для осуществления фреймового анализа в общественно-политическом дискурсе следует отметить, что в рамках фреймового подхода осуществляется построение «фреймовой модели ментального пространства в дискурсе, формируемого вокруг определенного концепта, события или ситуации» [Гордеева 2015: 40].

В монографии “Discourse in Cognitive Grammar” Р. Лангакер утверждает, что любое лингвистическое выражение производится относительно предполагаемого дискурсивного контекста. Данный контекст подразумевает физические, ментальные, социальные и культурные обстоятельства [Langacker 2001: 145]. Р. Лангакер вводит такие понятия как *usage event*, *current discourse space (CDS)* и *ground*. Под *usage event (событие употребления)* имеется в виду момент употребления языковой единицы, в то время как *current discourse space (текущее дискурсивное пространство)* рассматривается как актуальное дискурс-пространство. Оно несет в себе некое «общее знание», которое говорящий и слушающий считают актуальной коммуникативной базой, данной в определенный момент дискурса. Понятие *ground (основа)* находится в центре дискурсивного контекста, важным фактором которого является вовлеченность говорящего и слушающего в согласованное восприятие какого-либо аспекта мировосприятия.

Р. Лангакер также отмечает, что актуальное дискурс-пространство, помимо речевого контекста, включает в себя совокупность знаний, которые являются общедоступными: *a body of knowledge presumed to be shared and reasonably accessible*. Кроме того, в актуальное дискурс-пространство входит

представление говорящего и слушающего о предыдущих событиях (о том, что предшествовало «моменту употребления») и о последующих событиях, которые можно лишь предположить [Langacker 2001: 146].

По мнению Е. М. Гордеевой, лингвистические структуры Р. Лангакер анализирует как «инструкции к изменению актуального дискурс-пространства» [Гордеева 2015: 40]. Такие инструкции фокусируют внимание внутри рамки (*viewing frame*), то есть дискурс состоит из последовательного набора фреймов, каждый из которых, в свою очередь, отображает сцену, «видимую» говорящим и слушающим. Сам Лангакер говорит об этом процессе следующее: «Метафорически, это похоже на то, как если бы мы ‘смотрели’ на мир через окно или определенную рамку» [Langacker 2001: 146]. Получается, что поле зрения человека ограничено не только в визуальном плане, но и в смысловом. Человек способен обрабатывать только информацию, видимую в конкретном обрамлении (*viewing frame*), через которое мы смотрим на мир.

Как отмечает Е. М. Гордеева, во время речевой ситуации «говорящий и слушающий вовлечены в координированное видение определенной грани мира, то есть смотрят в одно окно, под которым понимается часть речевого контекста» [Гордеева 2015: 40]. Иными словами, несколько реципиентов могут исходить из одной и той же ситуации (одного и того же фрейма), которая в идеальной картине мира должна считываться идентично. В данной ситуации мы видим, что представленное в определенном формате знание участников дискурса становится для них своего рода «ограничительной рамкой». Проанализированный в предыдущем разделе (параграф 1.2.1.) фрейм как представление знания получает несколько новую трактовку: фрейм подразумевает не только первичное получение и переработку знания, но и его дальнейшее коммуникативное использование.

Во многих лингвистических исследованиях встречается дифференцирование фреймов на нейтральные и акцентные. В нейтральных фреймах внимание привлекается к какому-то факту, а также дается яркая образная характеристика или описание, однако не наблюдается переноса

значения. В связи с этим нейтральные фреймы считаются «исключительно выразительными». Акцентные фреймы выносят на первый план основные характеристики и не озвучивают (зачастую намеренно) второстепенные. В данных фреймах могут быть отмечены скрытое манипулирование или явное побуждение [Новикова 2021: 31]. Поскольку отнесение фрейма к той или иной группе не имеет четких критериев и нередко происходит интуитивно, в нашем исследовании фрейм понимается как акцентированная структура, в фокусе которой в первую очередь находятся основные черты рассматриваемого явления (в нашем случае – медиации). Несомненно, второстепенные характеристики также будут включены во фреймовую модель, однако при создании первоначального фрейма (в разделе 1.2.3.) планируется выделить узлы первого уровня.

Если говорить об основных методах выявления фреймов, то В. Б. Алферьева-Термсикос к ним относит фреймовый анализ и дискурс-анализ. Фреймовый анализ позволяет выявлять и классифицировать фреймы в текстах и дискурсах и включает в себя следующие этапы:

- Идентификация ключевых слов и фраз. На данном этапе происходит выделение слов, которые активируют определенные фреймы. Слова-маркеры помогают понять, как информация структурируется в сознании индивидов.
- Классификация фреймов, которая включает в себя рассмотренное ранее деление фреймов на нейтральные и акцентные.

Дискурс-анализ, по мнению В. Б. Алферьевой-Термсикос, предоставляет «инструменты для изучения того, как фреймы формируются в процессе общения» [Алферьева-Термсикос 2024: 206]. В дискурс-анализ входят:

- Анализ контекста: изучение социокультурного контекста, в котором происходит коммуникация, позволяет выявить скрытые фреймы и их влияние на восприятие информации.

- Использование визуальных методов: визуальные элементы анализируются для определения того, как они способствуют формированию фреймов [Алферьева-Термсикос 2024: 206-207].

Как видно, в рамках своей работы В. Б. Алферьева-Термсикос разграничивает фреймовый и дискурсивный анализы и выделяет только два этапа последнего. Нельзя забывать, что данный метод исследования изначально предназначен «для расширения дескриптивной лингвистики за пределы одного предложения в данный момент времени и для соотнесения культуры и языка» [Harris 1952: 1-2], ввиду чего этапы дискурс-анализа могут варьироваться. В нашем исследовании предполагается расширить список этапов, а также подкрепить их сопоставительными данными двух лингвокультур. На данный момент необходимо подчеркнуть сочетаемость (т.е. факт совместного существования) таких методов как фреймовый анализ и дискурс-анализ. Фреймовый подход в лингвистических исследованиях невозможен без анализа элементов дискурса.

В подкрепление тезиса относительно того, что исследование фрейма немислимо без изучения дискурсивного пространства, М. Л. Макаров говорит следующее: «Когнитивные модели не могут быть чем-то, существующим обособленно и отдельно от дискурса, речь – это важнейший из модусов их бытия. Когнитивные модели нельзя воспринимать как нечто заданное, фиксированное. Они постоянно (вос)производятся в процессе речевого взаимодействия на основе верификации вероятностных инференций» [Макаров 2003: 102]. Кроме того, дискурс сам по себе является источником когнитивных моделей, т.к. любая референтная ситуация основана на социальных представлениях.

Таким образом, фреймовый анализ в дискурсе подразумевает формирование определенной модели, в которой совокупность знаний о конкретном явлении рассматривается с позиции речевого контекста. Потенциал фреймового анализа для описания языковых структур крайне велик, т.к. фрейм обладает такой важной характеристикой, как динамичность.

1.2.3. Структура фрейма «Медиатор»

В настоящем исследовании фреймовая модель формируется вокруг ситуации урегулирования общественно-политических разногласий – международной публичной медиации. Как справедливо отмечает М. Н. Коннова, одним из основных свойств фрейма является его «идеальный характер», поскольку фрейм отражает «образцовую» картинку объекта или ситуации, превращающуюся в точку отсчета для толкования конкретных ситуаций, с которыми человек сталкивается в действительности [Коннова 2012: 72]. Для создания такого рода «образцовой картинки» публичного посредничества и моделирования фрейма «Медиатор» был проанализирован ряд работ, рассматривающих основы медиации как процедуры урегулирования споров: исследования Ц. А. Шамникашвили, Л. И. Зайцевой, И. Зартмана и С. Тувал.

На первом этапе, который включает в себя анализ исключительно теоретических источников, посвященных вопросам медиации, за основу берется упрощенный вариант фрейма. Структура разработанного нами первичного фрейма будет поэтапно заполняться по мере появления различных знаний, т.е. по мере анализа эмпирического материала.

В монографии «Комическое в политическом дискурсе конца XX века. Русские и немецкие политики» М. Р. Желтухина вслед за Е. И. Шейгал [Шейгал 1999: 93; Шейгал, Желтухина 2000: 145-150] разрабатывает структуру фрейма «политик», выделяя следующий «набор слотов, объективирующий типовые признаки» концепта «политик»:

«ПОЛИТИК: Человек

1. определенного пола,
2. определенного возраста,
3. из определенного региона,
4. занимающийся политической деятельностью,
5. придерживающийся каких-либо политических взглядов,
6. принадлежащий к какому-либо политическому институту,

7. выполняющий какие-либо политические функции,
8. обладающий какими-либо качествами
 - 8.1. профессионально-деловыми:
 - 8.1.1. опыт/степень профессионализма,
 - 8.1.2. трудолюбие,
 - 8.1.3. коммуникативные особенности;
 - 8.2. морально-этическими:
 - 8.2.1. честность,
 - 8.2.2. принципиальность,
 - 8.2.3. добродетельность,
 - 8.2.4. патриотизм;
 - 8.3. психическими:
 - 8.3.1. интеллект,
 - 8.3.2. воля» [Желтухина 2000: 78].

Как отмечает О. Л. Михалева, в структуре, предложенной М. Р. Желтухиной, слоты сгруппированы не по одному основанию, но несмотря на это, «предложенная схема структуры фрейма ‘политик’ обладает достаточной иллюстративной силой» [Михалева 2009: 29]. Полагаем, что именно поэтому рассмотренный Е. И. Шейгал и М. Р. Желтухиной концепт «Политик» лег в основу фреймового моделирования образа конкретных политических деятелей. В частности, известны работы, где рассматриваются проявления признаков политика на материале дискурса Х. Клинтон [Тырыгина, Хохлова 2018], Д. Трампа и Д. Байдена [Семенова, Скулимовская 2022], супругов Ф. Рузвельта и Э. Рузвельт [Мурай 2012], а также на материале англоязычного биографического дискурса [Беляевская 2012].

В целом, набор терминалов-слотов для понятия «политик» аналогичен списку типовых признаков для понятия «медиатор». Однако нас интересуют не столько внешние признаки медиатора, сколько его профессиональные и коммуникативные качества, поэтому для конструирования первичного фрейма

«Медиатор» воспользуемся характеристиками, представленными в исследованиях по конфликтологии.

Так, Ц. А. Шамникашвили выделяет следующие «важнейшие принципы медиатора». Профессиональный медиатор:

- Остается нейтральным, беспристрастным и непредвзятым на протяжении всего процесса переговоров.
- Создает комфортную, доверительную обстановку.
- Поддерживает стороны в высказывании своих точек зрения и видении существа дела.
- Обеспечивает равное участие и возможности сторон в процедуре медиации. Организует процесс переговоров.
- Содействует сторонам в поиске креативных решений по спору.
- Помогает сторонам в формулировании окончательных договоренностей [Шамникашвили 2017: 55].

Данные принципы соотносятся с моделью «идеальной медиативной сессии» С. Тувал и И. Зартмана, представленной в разделе 1.1.5. Напомним, что модель Тувал-Зартмана также включала в себя такие характеристики медиатора, как: выдвижение программы решений и разработку плана дальнейших действий для обеих сторон, а также скрытое или прямое обоснование, почему конкретный человек или группа взяли на себя обязательство выступать в роли медиатора и могут предлагать свои способы решения конфликта [Touval, Zartman, 1985: 37].

По мнению Л. И. Зайцевой, в функции медиатора входит не только организация медиационного процесса, но и сосредоточение своего внимания на психологических аспектах урегулирования конфликта. Медиатор должен вырабатывать у сторон конструктивный подход к переговорам и не заниматься поиском виновных и доказательством своей правоты [Зайцева 2013: 90].

Осуществить выполнение данных критериев можно при помощи коммуникации, именно поэтому в качестве одной из трех основных функций

посредника С. Тувал и И. Зартман выделяют функцию «коммуникатора» (*mediator as communicator*). Проявление такта по отношению к конфликтующим сторонам, использование приемлемых формулировок и выражение сочувствия, согласно Тувал и Зартману, так же важны, как точность и прямота. Однако первые качества не должны «ущемлять» последние: “Tact, palatable wording, and sympathetic presentation are as important as – but must not impinge upon – accuracy and straightforwardness” [Touval, Zartman, 1985: 38].

Если систематизировать изложенные в данном разделе функции медиатора, а также характеристики, представленные в разделе 1.1.6, образ медиатора в ситуации урегулирования геополитического кризиса предстает в следующем виде.

Медиатор:

- индивидуальный или коллективный (даже если в качестве медиатора выступает один человек, нельзя забывать, что он представляет какую-то *значимую* группу – например, международную организацию или целое государство);
- сохраняет нейтральную позицию на протяжении всей медиационной сессии (остаётся беспристрастным и неподвзятым по отношению к участникам конфликта);
- содействует сторонам в поиске решений, предлагая свой план урегулирования конфликта;
- представляет скрытое или прямое обоснование, почему конкретный человек или группа взяли на себя обязательство выступать в роли медиатора и могут предлагать свои способы решения конфликта.

Полученный материал можно типизировать, выстроив фрейм «Медиатор», в котором преобладают стабильные для ситуации геополитического кризиса медиационные признаки. Релевантность данных признаков для нашего материала исследования будет проверена в дальнейшем.

Узлы первичного фрейма «Медиатор» соответствуют пропозициям «нейтральность», «разработка плана урегулирования конфликта» и «компетентность, правомочность медиатора брать на себя роль посредника».

Представленные элементы верхнего уровня отражают устойчивые, конвенциональные признаки, которые нам удалось выделить в исследованиях по конфликтологии. Элементы нижних уровней находятся в так называемой «ситуации ожидания» и будут наполняться признаками в процессе приспособления фрейма к ситуации публичных мирных инициатив, т.е. при активизации первичного фрейма на эмпирическом материале.

При анализе практического материала (во второй и третьей главах диссертации) планируется исследовать способы вербализации выделенных узлов фрейма, а также проанализировать степень их соответствия реальной геополитической ситуации. Как известно, активизация фрейма происходит через передачу информации на заданную фреймом тему посредством языка – при помощи отдельных слов, предложений или целых текстов [Новикова 2021: 28]. В нашем исследовании активизация фрейма происходит на материале конкретных сценариев (определенных ситуаций) – анализе устных и письменных выступлений, посвященных урегулированию двух геополитических конфликтов: Косовского конфликта и Украинского кризиса.

Оценка отобранного эмпирического материала состоит в преимущественном анализе письменных заявлений, транскриптов аудио- и видеозаписей речевых событий, рассматриваемых совместно с разнообразными лингвокультурными наблюдениями, для понимания которых необходимо представить краткую лингвострановедческую справку об истоках каждого из конфликтов (см. раздел 1.3.).

1.3. Лингвострановедческий аспект: истоки Косовского и Украинского конфликтов; развитие английского языка как языка международного общения

Полноценный анализ языковых средств, применяемых в ситуации медиативного подхода, возможен при понимании экстралингвистических факторов, в число которых входит информация о конфликте и его участниках. Именно поэтому представляется важным дать краткую историческую справку об истоках Косовского и Украинского конфликтов, так как переговорные процессы, способствующие их урегулированию, послужили материалом для данного исследования.

Также видится необходимым проанализировать причины, которые привели к использованию английского языка в качестве основного языка медиационной коммуникации, направленной на решение Косовского и Украинского конфликтов.

1.3.1. Лингвострановедческая справка: истоки Косовского конфликта

Истоки Косовского конфликта связаны с международно-правовым статусом данного региона, который претерпевал различные изменения.

Сербы, как и другие южнославянские племена, переселились на Балканы в 7 веке. Там, под влиянием Византии, они приняли христианство и с 9 века начали создавать свои первые княжества. В средневековый период в Косово и Метохии сложилось ядро сербского государства, которое при Стефане Неманиче (Стефане Первовенчанном) стало королевством (1217 год), при Душане Сильном – царством (1346 год). Ряд ученых отмечает, что косовские земли считаются «колыбелью сербской государственности и духовности» [Джуретич 2003: 516], «Святой Землей сербского народа», на которой сформировалась сербская идентичность: национальная, духовная, культурная, христианская [Меморандум 2003: 5].

На территории Косово и Метохии в средние века построено большое количество православных святынь: свыше 1300 храмов и монастырей, что отражено и в самом названии этого края, которое образовано от сербского слова *кос* – *дрозд* и греческого *метох* (*μετόχιον* или *μετόχι*) – *церковное, монастырское владение*. По мнению М. Павича, в эпоху правления династии Неманичей именно вокруг Печской патриархии на Косово и Метохии был сосредоточен духовный центр сербского государства, который в 13 и 14 веках стал и «мощнейшим центром сербской литературы» [Павић 1989: 2].

Когда во второй половине 14 века Османская империя начала военный поход на Балканы и Европу, на Косовом поле (равнине между реками Лаб и Ситница) состоялась Косовская битва – знаменитое сражение, предопределившее весь дальнейший ход сербской истории. На Видовдан (День Святого Вита), 28 июня 1389 года, сербское войско под предводительством князя Лазаря Хребеляновича сразилось с многократно превышающей его по силе и мощи армией султана Мурада I и двух его сыновей – Баязида и Якуба. Историки сходятся во мнении, что в этом сражении не было победителей, т.к. в нем погибли оба предводителя, обе армии полностью израсходовали свои ресурсы, а остатки турецкого войска во главе с Баязидом вернулись в Малую Азию. Поэтому «превосходство турок в силе и полученные ими после победы на Косовом поле преимущества стали очевидны лишь по прошествии некоторого времени», когда Сербия полностью потеряла свою независимость и вошла в состав Османской империи (1459 год) [Чиркович 2009: 110].

Философско-христианское осмысление Косовского сражения, «духовного триумфа жертвенности за идеалы христианской цивилизации», нашло отражение в сербском эпосе [Павић 1989: 3]. Сразу после битвы начали слагаться народные легенды, которые «вплоть до 20 века служили, с одной стороны, призывом к героическим подвигам и самопожертвованию, с другой – осуждением предательства» [Чиркович 2009: 110].

Косово и Метохия оставались под турецкой оккупацией до Балканских войн 1912-1913 гг. Несмотря на крайне тяжелое положение христиан во время

турецкого ига, в косовском городе Печ вплоть до 1767 года располагался престол сербского патриарха, и эта территория была заселена в основном православным славянским населением. В 15 и 16 веках сербы составляли 97% населения края и до начала 20 века оставались в нем этническим большинством [Павић 1989: 4]. Сербское княжество вновь приобрело независимость после Берлинского конгресса 1878 года, но южные сербские территории, в том числе Косово и Метохия, были освобождены от турок лишь в 1912 году. Все это время христианское население области подвергалось гонениям и уничтожению. Таким же бедственным положение сербского населения края оставалось в годы Первой мировой войны, во время которой территория Косово и Метохии была оккупирована Австро-Венгрией и Болгарией. В годы Второй мировой войны эта область находилась под немецкой и итальянской оккупацией. В тот период «огромное число косовских сербов, около ста тысяч, были изгнаны с родных земель, а более ста тысяч албанцев было переселено в Космет из Албании» [Джуретич 2003: 517].

Коммунистический режим И. Б. Тито, пришедший к власти после освобождения Балкан от фашистов, принял 6 марта 1945 года закон №153, согласно которому сербам, покинувшим Косово и Метохию в годы фашистской оккупации, был запрещен возврат в этот край [Павић 1989: 5]. В образовавшемся социалистическом государстве были созданы административные границы шести республик (Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговины, Македонии, Хорватии и Словении) и двух автономных краев в составе Сербии: Воеводины и Косово и Метохии. Согласно принятой в 1974 году Конституции [Конституция СФРЮ: электронный ресурс], эти автономные края получили большие права, в результате чего албанские сепаратисты озвучивали требования о придании краю Косово и Метохия статуса республики [Чиркович 2009: 372].

В годы титовского режима численность сербского населения в Косово и Метохии сократилась до 20%, в то время как численность албанского населения значительно выросла, «как за счет новой волны переселения из Албании, так и

за счет тенденциозной популяционной политики, которая разрешала албанцам даже многоженство» [Джуретич 2003: 517].

Нерешенные национальные и религиозные вопросы в Югославии резко обострились после смерти И. Тито, когда националистические и сепаратистские настроения косовских албанцев проявились с новой силой. В 90-е годы 20 века югославские республики начали становиться отдельными государствами, а «краевые автономии превратились в одну из главных проблем страны» [Чиркович 2009:350]. В период с 1991 года по 2008 год происходил процесс распада Югославии, из состава которой вышли Словения, Хорватия, Македония, Босния и Герцеговина, в 2006 – и Черногория [Гуськова 2001: 720].

В результате натовских бомбардировок Югославии в 1999 году (25 марта 1999 года страны НАТО во главе с США без санкции Совета Безопасности ООН начали военную агрессию против Сербии и Черногории) с территории Косова были выведены югославские вооружённые силы и создана Миссия Организации Объединённых Наций по делам временной администрации в Косово, что привело к одностороннему провозглашению «независимости» края со стороны косовских албанцев в 2008 году. Отметим, что на территории Косова и Метохии не проводился референдум по вопросу изменения территориального устройства края.

На текущий момент «независимость Косова» от Сербии признают 100 государств из 193 членов Организации Объединённых Наций (ООН), 22 из 27 стран-членов Европейского союза (ЕС), 28 из 32 стран-членов НАТО. Основным документом, сохраняющим юридическую силу для всех сторон конфликта, является принятая в 1999 году Резолюция Совета Безопасности ООН 1244, согласно которой на территории Косова должно быть обеспечено предотвращение возобновления боевых действий; соблюдения прекращения огня, а также гарантирование вывода и предотвращение возвращения в Косово союзных и республиканских военных, полицейских и военизированных сил. Территориальную целостность Сербии гарантирует и внутренний закон,

имеющий высшую юридическую силу в государстве, – Конституция Республики Сербии.

Согласно отечественным исследователям, провозглашение независимости Косова «противоречит как международному публичному праву, так и национальному законодательству, в частности Конституции Республики Сербии» [Сквозников 2016: 103], и «определяется только политической целесообразностью, которая вытекает из геополитических интересов США и большинства европейских государств» [Строева 2011: 14].

Представляется, что полноценный анализ коммуникативных стратегий в современном дискурсе, посвященном Косовскому конфликту, возможен только с учетом вышеизложенных фактов.

1.3.2. Лингвострановедческая справка: истоки Украинского конфликта

Украинский конфликт, согласно мнению ряда ученых, имеет относительно короткую историю. Однако несмотря на ее кажущуюся непродолжительность в сравнении с Косовским конфликтом, украинский кризис имеет определенные исторические предпосылки, активно обсуждаемые в современных исследованиях по конфликтологии, политике и обществознанию.

По мнению Т. В. Дробышевой, наиболее очевидные истоки украинского конфликта «лежат в непростой истории развития украинской государственности» [Дробышева 2018: 60]. Территория Украины в современных границах сложилась сравнительно недавно, в результате долгого развития и под влиянием различных внешних факторов. На протяжении более трех последних веков (1654-1991 гг.) основная территория Украины находилась под властью России (СССР), тогда как западная часть на протяжении 600 лет являлась частью разных европейских государств (Польша, Венгрия, Литва и т.п.), так что в объединенном виде, как составная часть одного государства (одна из республик СССР), эти земли просуществовали немногим более полувека, с 1939 года по 1991 год, вплоть до распада Советского Союза.

Необходимо отметить, что, согласно результатам Всесоюзного референдума о сохранении СССР, состоявшегося 17 марта 1991 года, за сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновлённой федерации равноправных суверенных республик утвердительно проголосовали 70,2% жителей Украинской ССР. В целом же 77,85% граждан СССР выступили за сохранение этого государства. Однако волеизъявление народов, в том числе украинского, не было учтено: официальная Украина, проигнорировав результаты референдума, не пожелала остаться в составе Союза и подписала Акт о независимости 24 августа 1991 года; а 26 декабря 1991 года СССР прекратил свое существование, в результате чего республики (в том числе и Украинская ССР) получили независимость [ТАСС 2021: электронный ресурс].

Сформированная таким образом независимая Украина в новых границах просуществовала 23 года – с 1991 года и до государственного переворота в этой стране в 2014 году.

При этом сепаратистские идеи, ведущие к отколу от России, существовали на этих территориях и ранее, и их нельзя рассматривать без учета религиозно-культурного фактора. На юго-западных окраинах Руси католицизм неоднократно предпринимал попытки внедрить унию и в итоге добился своего (Брестская уния Киевской православной митрополии с католической церковью 1596 года, просуществовавшая, по мнению Ватикана, до 1946 года). Посредством унии папство пыталось утвердить свое главенство на данных землях [БСЭ 1951: 85]. Насильственно навязываемое местным жителям униатство и запрет православия как исторической веры служили не только предметом кровавых раздоров, но и постоянным соблазном для исконно православных жителей, переманивая их в веру господ, укореняя в них западную культуру, мораль, язык и письменность. Это приводило к оппозиции местного населения по отношению к большинству сограждан, исключению себя из преемства Киевской Руси. По причине западного религиозного-феодалного гнета возникало подавляющее число казацких и гайдамацких восстаний. Он же привел к массовому крестьянскому восстанию и всенародной поддержке

воссоединения Украины с Россией при Богдане Хмельницком на Переяславской раде (1654 год), в результате которого вся Левобережная Украина вышла из состава Речи Посполитой и присоединилась к в Русскому Царству [БСЭ 1950: 342]. Сам Богдан Хмельницкий называл себя «самодержцем русским», который «воюет за нашу веру православную» и выводит «весь русский народ» из польской неволи: «Я решил мстить <...> не за свою только обиду но за поправление веры русской и всего народа русского» [БСЭ 1950: 341].

У большинства исследователей не вызывает сомнения, что «русский, украинский и белорусский народы на протяжении ряда веков пронесли сознание единства своего происхождения и общности своей исторической судьбы». Этому способствовала «созданная еще в эпоху Киевской Руси общая для трех братских народов культура с богатой письменностью и высокоразвитым литературным языком», которая продолжала «хранить в себе древние традиции и воспоминания о Киевской Руси как общей колыбели...» [Прийма 1961: 7]. В силу этого факта вплоть до начала 20 века общепринятым названием, в том числе и самоназванием, для жителей нынешней Украины являлся термин «малорусская (малороссийская) народность», для их земель – «Малороссия», для языка – «малороссийское наречие».

Что касается термина «Украина», то он фигурировал в древнерусской литературе с давних времен, далеко не всегда относясь к сегодняшним украинским территориям, и нередко употреблялся во множественном числе («украины забугорные»). Основное значение его было – «окраина», «пограничная земля» [Даль 1956: 485]. Несмотря на то, что в 19 веке в Российской Империи возникают журналы, такие как «Украинский вестник» (1816 г.), термин «Украина» в них остается лишь этнографически-фольклорным. В 1846 году появляется тайное политическое общество («Кирилло-Мефодиевское братство»), которое мечтает о независимой Малороссии в составе Союза славянских демократических республик с центром в Киеве. Однако формально «самостийная Украина» как государственный субъект, с формулированием ее правового «самоопределения»,

появляется в планах, все еще нелегальных, лишь к началу 20 века («Революционная украинская партия», 1900 год). При этом в качестве исторического прототипа для «независимой Украины» авторы планов не могут привести ничего кроме «Галицко-русского» или «Литовско-русского» княжества. Все подобные политические проекты, подкрепленные впоследствии идеологией М. С. Грушевского об особом генезисе украинцев среди восточных славян [Грушевский 1910], об их исключительном праве на Киевскую Русь, являлись революционно-антимонархическими, отчего их политическая реализация наступила лишь после Октябрьской революции.

В январе 1918 была провозглашена независимая Украинская Народная Республика, которая вскоре, усилиями Центральной Рады, перешла под власть немцев, по санкции которых к власти пришел гетман Скоропадский. На фоне меняющихся местных правительств, не исключая правления Симона Петлюры, в бой за южнорусские территории вступают в 1919 году большевики, затем белогвардейцы, войска Нестора Махно, а также поляки. В итоге в 1922 году на основной части Украины формируется УССР, а западные земли до Второй мировой войны остаются захваченными Польшей, Чехословакией и Румынией [Хармандарян 1972: 299-300]. Таким образом, 4 года самостоятельности (1918-1922) не помогли становлению эффективной местной власти, и Украина вернулась под традиционную, хотя и сильно видоизменившуюся, российскую власть.

Нужно отметить, что главным «украинизатором» той поры, историком и политиком М. С. Грушевским, управляло австро-венгерское правительство: оно пригласило Грушевского в 1894 году занять кафедру во Львовском университете, где в течение нескольких лет были изданы главные его сочинения, которыми до сих пор пользуются сторонники украинского национализма. Габсбургский дом субсидировал опекаемый Грушевским «Союз визволення України», созданный в 1914 году с целью отделить Украину от России [БСЭ 1952: 145-146]. Таким образом, деструктивные импульсы в отношении России по-прежнему исходили с Запада, от католических стран. В

этой же области, как представляется, следует искать и корни последующего украинского сепаратизма.

В 2013 году, вследствие начавшегося на Украине госпереворота, управляемыми с Запада активистами «евромайдана» были взяты под контроль здания парламента, администрации президента и правительства, а официальная власть перешла к оппозиции. Как отмечает Т. В. Дробышева, «данные действия не получили поддержки со стороны населения на юго-востоке государства»: как только власть перешла в руки оппозиции, в городах Донецкой, Луганской, Харьковской, Одесской областей начались антиправительственные протесты [Дробышева 2018: 63].

Население Автономной Республики Крым также отказалось признавать легитимность нового правительства Украины, что привело к провозглашению независимости Республики. 18 марта 2014 года, в результате общенародного референдума о статусе Крыма, Республика стала частью России [Хронология «Крымской весны»: электронный ресурс].

Вслед за воссоединением Крыма с Россией, которое получило негативную оценку со стороны недружественных западных стран, 7 апреля 2014 года была сформирована Донецкая Народная Республика, суверенитет которой определялся «волей многонационального народа Донецкой области и осознанием исторической ответственности за будущее Донецкой области и её народа» [Декларация о суверенитете Донецкой Народной Республики 2014: электронный ресурс]. Немногом позже, 28 апреля 2014 года, было объявлено о создании Луганской Народной Республики. В это же время было принято решение о проведении до 11 мая 2014 года референдума по вопросу самоопределения республик. В результате состоявшегося 11 мая 2014 года референдума о самоопределении Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики, 12 мая 2014 года была провозглашена независимость республик от украинской власти. Несмотря на непризнание независимости данных республик образованной в результате госпереворота Верховной Радой, ряд исследователей отмечает следующее: «Принцип, по которому Украина

отделилась от СССР (право наций на самоопределение) должен быть полностью применен в рамках этих новых референдумов. Украина (если точнее – украинские депутаты) не желала оставаться в составе СССР и получила самостоятельность. По тому же принципу, Крым, ДНР, ЛНР и любые другие области Украины могут не пожелать остаться в составе Украины и имеют право самоопределиваться в ту или иную сторону» [Прийма 2022: электронный ресурс].

Верховная Рада во главе с самопровозглашенным и.о. президента Украины А. Турчиновым заявила о начале широкомасштабной «антитеррористической операции» с привлечением Вооружённых Сил Украины, которая привела к боевым действиям в восточных регионах Украины.

Активные военные действия и сопротивление им со стороны ДНР и ЛНР стали одной из причин заключения 5 сентября 2014 года Минских соглашений по временному прекращению огня на фронте и началу политического урегулирования. Однако продолжение боевых действий привело к срыву Минских договоренностей и ратификации «Второго Минского договора» [Organization for Security and Co-operation in Europe 2015: электронный ресурс].

Острая фаза Украинского конфликта наступила в феврале 2022 года, когда в результате обострившегося кризиса и безуспешных попыток урегулировать ситуацию дипломатическим путем, Россия была вынуждена начать Специальную Военную операцию на Украине. Накануне начала спецоперации, 21 февраля 2022 года, Россия признала независимость Донецкой и Луганской Народных Республик.

Таким образом, несмотря на относительно недолгую историю Украины как государства, Украинский конфликт имеет гораздо более давние исторические предпосылки, которые, на наш взгляд, необходимо учитывать при выдвигании способов его урегулирования и дискурсивном анализе данных способов.

1.3.3. Английский язык как язык международного общения

В разделах 1.3.1. и 1.3.2. мы попытались представить краткую информацию о конфликтах и продемонстрировать их давнюю историю. Несмотря на то, что Косовский и Украинский конфликты разворачиваются на территории материковой Европы и географически не граничат со странами, в которых английский язык является государственным, большинство посреднических попыток урегулировать эти конфликты зафиксировано на английском языке.

Использование английского в качестве языка политической публичной медиации объясняется глобализацией мирового пространства – английский язык приобрел статус языка международного общения, не просто «мирового», но и «универсального» языка. Некоторые европейские ученые даже фиксируют, что глобализация привела к «языковому геноциду», связанному с вытеснением традиционных языков английским языком [Skutnabb-Kangas 2010: 79-92].

Начало языковой глобализации связано с «европейской империалистической экспансией» 17-20 веков [Johnstone 2016: 349], и на сегодняшний день именно английский выполняет функции международного, научного, технического, дипломатического и культурного общения, являясь официальным языком большинства международных организаций (Организация Объединенных Наций, Европейский Союз, Всемирная Торговая Организация и т.п.). Расширение сфер применения английского языка, как известно, обусловлено не только историческими факторами, но и развитием цифрового общества [Кленюшина 2025: 538].

Один из вызовов современности заключается в том, что «освоение английского не всегда сопровождается глубокой культурной интеграцией» [Айдогдыева 2025: 3]. Употребление английского без понимания культурных аспектов англоязычного континуума приводит к унификации языка, о которой пишут многие британские лингвисты [Crystal 2012; Forrester 2008; Graddol 2006; Swan 2005; Bauer 1994; Philippon 1992].

Доминирование английского языка в глобальной коммуникации может привести и к утрате культурного и языкового разнообразия, причем под угрозой оказываются не только малые языки, но и сам английский [Буряк 2025: 79]. Глобальная коммуникация постепенно способна превратиться в монокультуру, где английский язык будет представлять собой «некое универсальное коммуникативное средство, оторвавшееся от родной почвы, не управляемое какими-либо внешними силами и развивающееся самостоятельно, по своим правилам и законам» [Абдусаламов 2020: 519].

Эмпирический материал нашего диссертационного исследования является англоязычным, однако авторами анализируемых фрагментов коммуникации не всегда выступают представители британской и американской лингвокультур, т.е. носители языка. Ряд изучаемых англоязычных текстов создан представителями других лингвокультур (русская, китайская, европейская), в связи с чем особый интерес представляет определение культурно-языковых особенностей англоязычного дискурса медиации или выявление их отсутствия. Также целесообразно проанализировать, насколько хорошо англоязычные медиаторы владеют лингвострановедческой информацией о Косовском и Украинском конфликтах и ссылаются ли они на неё в своих выступлениях.

Выводы к главе 1

В первой главе настоящего исследования рассмотрены актуальные направления в области изучения дискурса и его типологии (общественно-политический дискурс и дискурс медиации). Также проанализирован ряд вопросов, касающихся определения понятия «медиация» и фреймового подхода в лингвистике. Помимо этого, представлен краткий лингвострановедческий обзор двух геополитических конфликтов, чьи медиативные сессии будут рассмотрены в практической главе диссертации. На основании изученных работ можно прийти к следующим выводам:

1. Дискурс представляет собой вербализацию определенной ментальности; способ общения и интерпретации окружающей действительности, в результате которого не только характерным образом отражается окружающий мир, но и формируется особая реальность, конструируется конкретное (свойственное определенному социуму) видение мира. Дискурс – метод упорядочивания действительности, реализуемый в различных практиках.

2. Общественно-политический дискурс является пространством коммуникативного взаимодействия политических субъектов с общественно-политическими акторами. В данное дискурсивное пространство могут «попасть» разные дискурсивные личности, в том числе и занимающиеся устранением политических конфронтаций.

3. Медиация подразумевает технологию урегулирования споров с участием третьей – нейтральной, не заинтересованной в конфликте, – стороны. В международных конфликтах медиация рассматривается как любая посредническая деятельность, при которой относящиеся к процедуре и содержанию предложения решений вносятся третьей стороной. В ситуации геополитической нестабильности практика медиации применяется в ином виде, нежели в гражданском судопроизводстве.

4. В лингвистических трудах медиация рассматривается как особый вид дискурса ввиду того, что ее характеризуют отдельные когнитивные, коммуникативные и прагматические стратегии. Дискурс медиации подразумевает переход от конфликтного взаимодействия к кооперативному с помощью языковой коммуникации.

5. Основным участником дискурса медиации, в задачи которого входит организация переговорного процесса для конфликтующих сторон, а также содействие урегулированию конфликта мирным путем, является медиатор. Данные задачи выполняются им с использованием различных коммуникативных стратегий, выбор которых зависит от характера конфликта и экстралингвистических факторов.

6. Одним из наиболее актуальных понятий когнитивной лингвистики, на сегодняшний день, является понятие фрейма, изучение которого основывается на предположении, что различные типы знаний хранятся в человеческой памяти в виде определенных структур, содержащих информацию о стереотипных ситуациях.

7. В лингвистических исследованиях фрейм анализируется как структура представления знания и имеет форму сети, которая состоит из узлов и связей между ними. Узел представляет собой определенное понятие, которое может быть задано в явном виде.

8. Фреймовый анализ в дискурсе подразумевает формирование определенной модели, в которой совокупность знаний о конкретном явлении рассматривается с позиции речевого контекста.

9. Теоретический материал, посвященный вопросам медиации, можно типизировать для моделирования фрейма «Медиатор», в котором сосредоточены обобщенные стабильные для ситуации геополитического кризиса медиационные признаки. Узлы первичного фрейма «Медиатор» соответствуют пропозициям «нейтральность», «разработка плана урегулирования конфликта» и «правомочность медиатора брать на себя роль посредника».

10. Для полноценного анализа языковых средств, применяемых в ситуации медиативного подхода (при учете того, что в работе анализируются англоязычные фрагменты коммуникации), необходимо изучение экстралингвистических факторов, в число которых входит информация о конфликте и его участниках. Косовский и Украинский конфликты, рассматриваемые в настоящем исследовании, имеют давние исторические предпосылки, которые, на наш взгляд, должны учитываться при выдвигании способов урегулирования разногласий, на каком бы языке ни проводилась медиация.

ГЛАВА 2. ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МЕДИАТОРНЫХ СТРАТЕГИЙ И ТАКТИК ПРИ УРЕГУЛИРОВАНИИ КОСОВСКОГО КОНФЛИКТА

2.1. Базовые принципы анализа практического материала исследования

Как было сказано ранее, практический материал настоящего исследования связан с двумя конфликтами, имевшими место в Европе. Во второй и третьей главах представлен анализ медиаторных коммуникативных стратегий, которые выявлены на материале высказываний, объединенных темой разрешения Косовского и Украинского конфликтов.

В современной лингвистике существует большое количество разнообразных определений понятия «коммуникативная стратегия», наиболее известными из которых являются толкования отечественных ученых – А. П. Сковородникова, О. С. Иссерс, М. Л. Макарова и Е. Г. Ерохиной; и зарубежных исследователей – Т. ван Дейка [Dijk 1984] и В. Кинча [Кинч 1988].

Российские ученые связывают *стратегию* с идеей *выбора (подбора, отбора)* языковых ресурсов и последовательности их применения. Так, О. С. Иссерс в монографии «Коммуникативные стратегии и тактики в русской речи» пишет, что речевая коммуникация представляет собой стратегический процесс, базисом для которого является выбор оптимальных языковых ресурсов. Как следствие, коммуникативная стратегия «включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана» [Иссерс 2008: 10-56].

Точка зрения О. С. Иссерс близка к толкованиям М. Л. Макарова, А. П. Сковородникова и Е. Г. Ерохиной, которые также подчеркивают значение идеи выбора: «под стратегией понимается цепь решений говорящего, коммуникативных выборов тех или иных речевых действий и языковых средств» [Макаров 2003: 193]; «под коммуникативной стратегией понимается направление речевого поведения коммуникантов, выражающееся в виде выбора последовательности продуманных адресантом речевых действий <...> это линия речевого поведения, принятая на основе осознания коммуникативной

ситуации в целом и направленная на достижение конечной коммуникативной цели» [Сковородников 2004: 7]; «способ построения высказывания, соответствующий типу передаваемой информации и реализующий определенную авторскую интенцию (выбор)» [Ерохина 2014: 279].

В некоторых толкованиях коммуникативной стратегии, помимо связи этого определения с идеей выбора, прослеживается и ее взаимодействие с категорией фрейма. Так, по мнению В. Б. Кашкина, «стратегия – это общая *рамка*, канва поведения» [Кашкин 2000: 132].

Подтверждение тому, что коммуникативная стратегия подразумевает планирование речевого процесса, встречается и в трудах Т. ван Дейка, по мнению которого «стратегия – это частичный план того, каким образом цель коммуникации может или должна быть достигнута» [Dijk 1984: 115].

В нашем исследовании мы придерживаемся определения коммуникативной стратегии, предложенного Е. В. Троценковой, которая считает, что «коммуникативная стратегия – это гибкое планирование и поэтапное осуществление коммуникации в соответствии с:

- общей целью субъекта оказать то или иное воздействие на адресата,
- условиями коммуникации и отношениями между коммуникантами, предполагающими (преимущественно сознательный) отбор языковых и неязыковых средств и постоянный мониторинг их применения» [Троценкова 2016: 102-103].

Каждая стратегия общественно-политического дискурса реализуется благодаря употреблению определенного набора тактик. Под тактикой мы, вслед за О. Л. Михалевой, понимаем «конкретный этап реализации коммуникативной стратегии, определяемый интенцией говорящего, эксплицированной совокупностью приемов, обуславливающих применение языковых средств» [Михалева 2009: 45].

Для анализа отобранные устные выступления, письменные заявления и соглашения, озвученные за последние 20 лет. Сосредоточение на лингвистическом анализе процедур посредничества именно за этот период

неслучайно, т.к. означенный промежуток предоставляет материал для исследования медиаторного потенциала двух категорий конфликтов:

1. Конфликта, острая фаза которого считается завершенной, но который, несмотря на его «замороженное состояние», имеет продолжение (Косовский конфликт). Подразумевается, что инцидент претерпевает постконфликтную стадию, из которой одна или обе стороны извлекают полную или частичную выгоду.
2. Конфликта, который находится в острой фазе, когда продолжаются боевые действия, а противоречия проявляются в открытом виде, при этом сам конфликт имеет четкие формы (Украинский конфликт). Ряд исследователей (Л. Н. Цой, О. Б. Иванов) считает, что «медиация востребована только в постконфликтной ситуации», а остальные этапы не находятся в поле зрения медиаторов [Цой 2016: 74]. Однако наличие большого количества эмпирического материала медиаторного характера по Украинскому конфликту свидетельствует о том, что посредничество имеет место на разных этапах, в том числе и на этапе эскалации конфликта.

Для наиболее полноценного анализа дискурсивные высказывания рассматриваются в хронологическом порядке, т.е. в соответствии с публикациями в средствах массовой информации того или иного заявления.

2.2. “Statement by Russia's Ministry of Foreign Affairs on Kosovo Settlement” («Заявление МИД России по косовскому урегулированию», 2007)

Одно из первых официальных предложений по урегулированию Косовского конфликта до того, как в 2008 году Косово в одностороннем порядке провозгласило независимость, было внесено Министерством иностранных дел России в 2007 году.

В документе “Statement by Russia's Ministry of Foreign Affairs on Kosovo Settlement” («Заявление МИД России по косовскому урегулированию», 2007)

медиатор имеет конкретную политическую позицию и видит выход из конфликта в четком следовании выдвинутым им положениям, подкрепленным, что примечательно, резолюциями такого авторитетного органа, как Организация Объединенных Наций.

Таким образом, медиатор оказывается в уникальной ситуации – он посредничает между сторонами конфликта, занимая при этом сторону международного права и устава ООН, которые, в свою очередь, защищают позицию одной из конфликтующих сторон – Сербии. За счет этого создается впечатление, что одна из главных характеристик посредника – нейтральность, – не соблюдается. Однако, будучи основанной на международном праве, такая позиция не может считаться и предвзятой.

В анализируемом тексте столь определенная позиция авторов Заявления автоматически становится причиной неприятия альтернативных позиций, в связи с чем основной коммуникативной стратегией текста можно считать стратегию дискредитации политических сил, придерживающихся иной точки зрения (ими в данном случае являются США и ЕС). Данная стратегия реализуется при помощи разнообразных тактик, направленных «на подрыв авторитета, имиджа и доверия» к политическим объединениям [Борисова, Кабанова 2022: 27].

Одной из них является тактика противопоставления, которую многие исследователи политического дискурса считают основой языка политики. Так, Е. Ю. Пишкова отмечает, что фундаментом политической коммуникации является система двойственности (дуальная система, система бинарных оппозиций), которая заключается «в существовании системы про- и контраргументации, согласия и критики, собственного выступления и выступления противника» [Пишкова 2016: 128].

Тактика противопоставления в Заявлении МИД РФ имеет следующее воплощение: с одной стороны, в документе описываются полезные наработки, достигнутые в ходе предыдущих переговоров между конфликтующими сторонами (*Пр.1 useful ideas and suggestions*), с другой стороны –

констатируется нежелание сторонников и союзников одной из конфликтующих сторон (косовских албанцев) пользоваться ими (*the US and some EU nations openly ignore*). Таким образом, действия косовских властей противопоставлены общепризнанной «высшей инстанции» – Совбезу ООН, ответственному за поддержание международного мира и безопасности: *UN Security Council resolution 1244 and violation of it by The authorities in Kosovo*.

Противопоставление наблюдается и в характеристике конфликтующих сторон: албанская сторона в тексте документа представлена как “*Kosovo separatists*”, в то время как сербская сторона упоминается при помощи нейтральных сочетаний “*non-Albanian population, primarily the Serbs*”, “*refugee*” (Пр.2). Любопытно, что лексема “*separatist*” (сепаратистский), имеющая отрицательную коннотацию [Merriam-Webster Dictionary], употребляется в одном предложении с Соединенными Штатами и Европейским Союзом, что имплицитно ставит их в один ряд с группировкой, поддерживающей радикальную форму самоопределения: *By encouraging the separatist aspirations of Pristina, the US and some EU nations openly ignore the useful ideas and suggestions* (Пр.3).

Кроме того, действия США и ЕС с помощью многообразных оценочных лексем обрисовываются как способные подорвать авторитет решений Совета Безопасности в кризисном урегулировании (Пр.4 *illegal move; serious distortions; pseudo-legal arguments; tightrope walking and such unilateral interpretation of SC resolutions; behind-the-scenes maneuvering; to wreck the dialogue*), что в свою очередь ставит под сомнение правомерность действий косовских албанцев, которую они признают.

Отметим, что российские авторы документа «не переходят на личности» и не называют конкретных представителей государств (США и стран ЕС), ответственных за нелегальные действия. Наши наблюдения подтверждают И. Н. Кабанова и И. С. Колобова, справедливо указывающие, что для российских субъектов политического дискурса «обращение к персонам руководителей государств, вовлечённых в международный конфликт, менее

типично», чем, например, для американских СМИ, где наибольший интерес представляет личность главы государства [Кабанова, Колобова 2018: 62].

В целом, можно предположить, что тактика критики альтернативных медиаторов (США и некоторых стран Европейского Союза) используется также и для усиления собственного медиативного авторитета. С помощью отрицательно-оценочной лексики, употребляемой в отношении действий прочих потенциальных посредников (*Пр.5 absurd claims, destructive signals, provocative statements*), медиатор – МИД РФ – подчеркивает свои сильные стороны и аргументирует тезис, почему Россия может предлагать собственные способы решения конфликта (*Пр.6 distortions in Kosovo settlement, to which the Russian side has invariably drawn the partners' attention*).

Следует подчеркнуть, что использование такого рода лексем вновь несколько нарушает медиаторный принцип нейтральности, что, однако, компенсируется апелляцией к конкретному авторитету. На языковом уровне данная тактика реализуется посредством отсылок к международному праву (*Пр.7 international legal course*), к международным организациям, их подразделениям и уставам (*SC resolutions; the Security Council, the UN's main body responsible for international peace and security*). Характерно, что призыв к нормам международного права в тексте усиливается при помощи модальных глаголов: *Kosovo settlement cannot occur outside the Security Council*.

Резолюция ООН 1244 (“UN Security Council Resolution 1244”), которая на сегодняшний день является главным документом косовского урегулирования на политико-правовом уровне, упоминается в тексте Заявления трижды. Любопытно, что отсылка к ней имеет двойную цель: с одной стороны, она подрывает авторитет государств и политических объединений, не выполняющих данную резолюцию (таким образом, активизируется стратегия дискредитации): *tightrope walking and such unilateral interpretation of SC resolutions; UNSCR 1244, from which our partners have got used to singling out only the obligations of Belgrade, but not of Pristina – they are now simply trying turn this resolution inside out; changing international presences bypassing the UNSC and*

without the consent of the sides (Пр.8). С другой стороны, данный документ объединяет инициативы всех участников конфликта, а также стран-членов ООН, что в свою очередь формирует стратегию объединения (консолидации), которая тоже играет важную роль в медиаторном процессе: *The authority of the UN is at stake. Kosovo settlement cannot occur outside the Security Council, the UN's main body responsible for international peace and security (Пр.9)*.

В рамках стратегии объединения наиболее явно проявляется тактика призыва к коллективной ответственности: *The situation in Kosovo settlement has reached the critical line; The Kosovo settlement Rubicon should be passed without tragic upheavals. Responsibility for this lies on all of us (Пр.10)*.

При помощи тактики описания потенциальных угроз отмечается также, что последствия косовского кризиса могут привести к нестабильности на международной арене: *may lead to serious adverse consequences for regional and international stability (Пр.11)*. Для усиления эффекта используется риторический вопрос – стилистический прием, нехарактерный для документов такого типа: *What will happen in the world if the same yardstick is applied to other conflicts? (Пр.12)*

В Заявлении подчеркивается, что для снижения рисков развития глобального кризиса необходимо осуществить переход от отстаивания своих интересов к более глубокому уровню, на котором обнаруживается совместимость и общность интересов: *well-substantiated interests of the sides and the priorities (Пр.13)*.

Отдельно следует отметить, что одной из существенных стратегий политического дискурса в целом является его манипулятивность [Архипова 2016: 15]. В Заявлении МИД России по косовскому урегулированию можно выделить подобие скрытой манипуляции, при помощи которой авторы намереваются повлиять на действия участников конфликта: *There goes behind-the-scenes maneuvering around the United Nations leadership, whom they want, in breach of their prerogatives, to induce towards legitimizing future illegal moves. We are convinced that no one will succumb to blackmail (Пр.14)*. Как видно, действия

политических оппонентов не называются неправомерными напрямую (отсутствует упоминание конкретных политических сторон, а незаконные действия представлены как будущие дипломатические шаги). При помощи оценочной единицы *'blackmail'* (*Merriam-Webster Dictionary: extortion or coercion by threats especially of public exposure or criminal prosecution*) они лишь косвенно расцениваются как нелегитимные. Можно предположить, что высказывание направлено на подрыв репутации оппонентов и содержит скрытый ответ-предупреждение албанским сепаратистам и поддерживающим их государствам.

Таким образом, в документе "Statement by Russia's Ministry of Foreign Affairs on Kosovo Settlement" задействованы две основные коммуникативные стратегии: стратегия дискредитации и стратегия объединения; в меньшей степени наблюдается реализация стратегии манипуляции. Данное Заявление является собой не поэтапный план урегулирования конфликта, а, скорее, реакцию на обстановку в регионе (на 2007 год), что, однако, не мешает составителям документа выдвигать себя на роль медиатора. При этом компонент «нейтральности» рассматриваемого фрейма неоднократно нарушается медиатором, что, однако, компенсируется им при помощи отсылки к «высшей инстанции»: таким образом медиатор не поддерживает участника конфликта напрямую, а лишь отстаивает нормы международного права.

Таблица 2. Соответствие документа 'Statement by Russia's Ministry of Foreign Affairs on Kosovo Settlement' пропозициям фрейма «Медиатор»

Нейтральность	Разработка плана урегулирования конфликта	Компетентность, правомочность медиатора брать на себя роль посредника
- Стратегия дискредитации политических сил, придерживающихся иной точки зрения: тактика противопоставления – примеры №1, №2, №3	-	+ тактика критики альтернативных медиаторов для усиления собственного медиативного авторитета (примеры №4, №5, №6)

2.3. “The First Agreement of Principles Governing the Normalisation of Relations” («Первое соглашение о принципах, регулирующих нормализацию отношений», 2012-2013)

Первым соглашением о нормализации отношений между правительствами Сербии и непризнанного Косова (с момента одностороннего провозглашения независимости Косова) стал документ “The First Agreement of Principles Governing the Normalisation of Relations” (the Brussels Agreement). Переговоры и заключение Первого соглашения о принципах, регулирующих нормализацию отношений (неофициально известного как Брюссельское соглашение), проходили в Брюсселе под эгидой Европейского Союза. Соглашение было предварительно подписано путём парафирования 19 апреля 2013 года.

Представителем сербской стороны выступил премьер-министр Сербии Ивица Дачич (2012-2014), сторону непризнанного Косова представлял премьер-министр Хашим Тачи (2008-2014). В качестве посредника от Европейского Союза переговоры возглавляла Верховный представитель ЕС Кэтрин Эштон (2009-2014). Переговоры велись в течение двух лет, начиная с октября 2012 года, обсуждение заключения соглашения заняло шесть месяцев. Все раунды переговоров проходили в офисе Европейской службы внешних связей в Брюсселе.

На начальном этапе переговоров Верховный представитель ЕС Кэтрин Эштон, заручившись поддержкой американских дипломатов, которые одобрили проведения диалога под эгидой ЕС, совершила поездку по Балканам. В рамках поездки, инициатором которой выступила госсекретарь США Хиллари Клинтон (2009-2013), политики совместно посетили Белград, Приштину и Сараево. Данный визит и устные заявления, сделанные за этот период, можно расценивать как начало медиаторного процесса в рамках Брюссельского соглашения, которое рассматривалось в качестве важного шага на пути к членству в Евросоюзе для обеих конфликтующих сторон.

2.3.1. “Meeting With Staff and Families of Embassy Belgrade” («Встреча с сотрудниками и семьями сотрудников Посольства в Белграде», 2012)

Во время состоявшейся 30 октября 2012 года встречи с сотрудниками и семьями сотрудников американского посольства в Белграде госсекретарь США Хиллари Клинтон выступила с речью, в которой прослеживается главный посыл коллективного медиатора (США и Европейского союза): убедить конфликтующие стороны в том, что урегулирование косовского кризиса необходимо для их вступления в Европейский союз.

Так, транслируемая Клинтон позиция США относительно будущего конфликтующих сторон высвечивается в речи как единственно правильная при помощи прилагательных-интенсификаторов (*Пр.15 special unified visit, a single message, strongly supports*): *And this was a special unified visit, because Cathy Ashton, the High Representative of the European Union, and I came here <...> to emphasize a single message – that the future of these countries is in Europe and in the Euro-Atlantic alliance, and that the United States strongly support their aspirations.* Скорее всего, данные определения используются для усиления собственной позиции и представляют тактику авторитетного заявления, посредством которой актуализируется стратегия самопрезентации.

Стратегию самопрезентации отечественные лингвисты характеризуют как сложное коммуникативное образование, включающее «содержательный образ, который субъект общения хочет донести до адресата». По мнению Л. А. Кочетовой, репертуар тактик самопрезентации делится на прямые – те, что осуществляют самоидентификацию через личностные и социально-ролевые характеристики; и косвенные – те, что выражают отношение субъекта к какой-то проблеме и транслируют его другим [Кочетова 2012: 52]. Упомянутую выше самопрезентативную тактику авторитетного заявления в выступлении Х. Клинтон можно расценивать и как прямую (госсекретарь США подчеркивает «исключительность» своего визита в Белград, демонстрирует свой авторитет), и как косвенную (Клинтон *компетентно* выражает свое мнение о будущем конфликтующих сторон).

Тактика авторитетного заявления проявляется не только за счет активного использования прилагательных-интенсификаторов (пример №15), но и при помощи анафорических высказываний: *We've been clear that..., We recognize that..., We've also seen...* (Пр.16) Данные синтаксические конструкции свидетельствуют о том, что медиатор не просто осведомлен об актуальной обстановке в крае, но и готов убедить в этом аудиторию. Функция анафоры при этом сводится к «усилению факта» [Тархова 2006: 252].

Любопытно, что в указанной речи «известным посреднику фактам», информация о которых вводится при помощи обозначенных выше синтаксических единиц, противопоставляется требование медиатора к одному из участников конфликта – Сербии: *We've been clear that before setting a date for accession talks with the EU, Serbia does need to make progress on normalizing its relations with Kosovo. We recognize that Serbia cannot and will not formally recognize Kosovo, but there are lots of steps that the two countries must take together* (Пр.17). Автор высказывания, используя модальные глаголы со значением строгой необходимости, четко дает понять, что без нормализации отношений между конфликтующими сторонами Сербия не может планировать вступление в ЕС. Модальность необходимости, как известно, передает «семантику вынужденности или воздействия чужой воли» [Альшевская, Медведева 2019: 223]. Можно сделать вывод, что при помощи тактики выдвижения условий здесь актуализируется не только стратегия самопрезентации, но и стратегия манипулирования. Получается, глобальный медиатор-США обладает настолько сильной властью, что имеет рычаги воздействия на ЕС и может препятствовать вступлению Сербии в этот союз. Использование вспомогательного глагола 'to do' в эмфатической конструкции (*Serbia does need to make progress*) делает приказ более настойчивым и в некотором смысле усиливает авторитет медиатора.

Обоснование выдвижения США на роль медиатора (или помощника медиатора-ЕС) реализуется при помощи рассмотренных выше тактик в рамках стратегии самопрезентации, однако наиболее явно выражается через

употребление комплиментарной лексики по отношению к сотрудникам американского посольства. Их работа расценивается как неимоверно важная (*Пр.18...to thank each and every one of you for the work that you are doing on behalf of this vital relationship*), многовекторная (*Пр.19 I know that the work goes on day in and day out on so many fronts*), непрерывная (*Пр.20 And I thank you for sending that message on a regular basis*) и смелая (*And I am very committed to your safety*).

Учитывая антагонизм по отношению к работе посольства США со стороны местного, сербского, населения, а также тот факт, что здание посольства США в Белграде неоднократно подвергалось нападениям (после масштабной акции протеста против независимости Косова в 2008 году помещения посольства США были подожжены, а окна выбиты), Х. Клинтон считает сильной стороной сотрудников посольства то, что они смогли пережить турбулентность и продолжить работу: *But this mission never skipped a beat. You kept doing what needed to be done (Пр.21)*. Как видно, с помощью идиомы 'to skip a beat' (*Cambridge Dictionary: to not pause or show any uncertainty*) в своем выступлении она старается преподнести неблагоприятный опыт взаимодействия сотрудников дипмиссии США с местным населением как демонстрацию мужества первых. Имплицитно выражается мысль о том, что глобальный медиатор-США способен наладить отношения между Сербией и непризнанным Косово, поскольку уже «успешно» справился с рядом негативных эпизодов в самой Сербии. Такого рода искажение реальных фактов (тактика выдавания частного за целое) также можно отнести к стратегии манипуляции. А. Б. Недзельская и О. О. Борискина разделяют манипулятивные дискурсивные стратегии по степени искажения информации на «стратегии фактологического манипулирования и стратегии идеологической поляризации» [Недзельская, Борискина 2021: 76]. В данном выступлении Х. Клинтон мы встречаем идеологическую поляризацию, целью которой является позитивная презентация «себя» в оппозиции «свой-чужой».

Несмотря на очевидное отсутствие взаимопонимания между посредником-США и стороной конфликта – Сербией, автор высказывания

находит некоторые точки соприкосновения, которые формируют стратегию объединения. Так, Х. Клинтон упоминает сотрудничество американских и сербских компаний в экономической сфере, считая его несомненно взаимовыгодным. При этом она подчеркивает свое явное участие в создании такой возможности: *...I committed to encouraging American businesses to invest in Serbia, and many of you in this room are making that happen <...> American auto parts suppliers are key partners in the Fiat factory. Two American companies have opened call centers in Serbia, creating more than 400 jobs (Пр.22)*. По словам госсекретаря США, развитие двусторонних отношений между США и Сербией в сфере бизнеса является «беспроигрышным» вариантом: *In fact, we have an economic team winner here today <...> There are a lot of win-win investments (Пр.23)*. Причем Соединенные Штаты вновь представлены как своего рода благодетели, с помощью которых улучшается экономическое положение Сербии (в частности, появляются новые рабочие места): *That project is now going forward, bringing a number of new good jobs to Serbia (Пр.24)*.

Еще одним аргументом, который, по мнению Х. Клинтон, свидетельствует об укреплении отношений между США и Сербией, является отстаивание американскими дипломатами прав сербов, проживающих в Америке, а также разработка закона о реституции собственности: *Let me also commend each of you who worked so hard in the passage of Serbia's new property restitution law <...> I thank all of you who stood up for the rights of Serbian Americans and helped the government bring this difficult issue to a successful conclusion (Пр.25)*. Использование контекстных антонимов 'hard', 'difficult' и 'successful' не случайно: США за счет этого вновь предстают как сильный беспристрастный лидер, который в данном случае защищает интересы одной из конфликтующих сторон (причем не той, которую защищает де-факто) и делает это успешно.

Можно предположить, что, говоря об экономических успехах и достижениях в области права, Клинтон сознательно не комментирует внешнеполитические разногласия между Сербией и США. Таким образом, с помощью тактики умолчания, параллельно со стратегией объединения,

актуализируется и стратегия манипуляции, ключевая особенность которой – ее завуалированность [Малявин 2025: 2447]. Как справедливо отмечает В. И. Карасик, в случае открытого заявления о своих манипулятивных намерениях коммуникатор разрушает общение, что может даже привести к явлению, известному как «иллокутивное самоубийство» [Карасик 2015: 67].

В рамках стратегии объединения также обращает на себя внимание тактика комплиментарной оценки сербского персонала, который работает в посольстве США в Белграде. Данная тактика реализуется при помощи оценочных лексем ‘dedicated’ и ‘important’: *I cannot imagine that we could be making the progress we are without our dedicated local staff <...> and we know how important you are* (Пр.26). Важным, по мнению Х. Клинтон, является и то обстоятельство, что местный персонал, в отличие от американских сотрудников, останется в Сербии и будет служить «хранителем памяти»: *Because one thing I know for sure is that ambassadors, DCMs, secretaries come and go, but our local staff remain. You serve as our institutional memory bank* (Пр.27)... Возможно, автор высказывания рисует перспективу, при которой сербские работники посольства повлияют на создание положительной репутации США среди местного населения, помня о тех экономических «успехах», которые были достигнуты в рамках двухстороннего сотрудничества США и Сербии.

В заключительной части своего выступления Х. Клинтон призывает обратить особое внимание на молодежь Сербии, которая заслуживает счастливого будущего: *We want to see the people, particularly the young people of Serbia, have a chance to fulfill their own potential and aspirations* (Пр.28). Очевидно, акцент на будущее именно молодого поколения Сербии, делается потому, что старшее поколение отождествляет фигуры Хиллари Клинтон и ее супруга Билла Клинтона (президента Соединенных Штатов с 1993 по 2001 год) с натовскими бомбардировками Югославии 1999 года. Во время бомбардировок, которые начались без санкций Совета Безопасности ООН, девятнадцать стран НАТО во главе с США на протяжении 78 дней наносили ракетные удары по территории Сербии, в результате чего погибло более 2500

мирных граждан и 1500 военных. Кроме того, был нанесен огромный ущерб инфраструктуре страны (уничтожено 1026 гражданских объектов) и ее экологии (НАТО использовало бомбы с обеднённым ураном).

Тем не менее, официальные власти США в лице Хиллари Клинтон считают возможным вступление Сербии в Европейский союз и НАТО: *We want to see the people of Serbia have an opportunity to participate fully in Europe and eventually in the Euro-Atlantic alliance (Пр.29)*. Более того, в качестве медиатора, США готовы поддержать именно такое политическое будущее Сербии: *And the United States is very firm in our support of that kind of future for Serbia (Пр.30)*. Получается, что реализация потенциала молодого поколения Сербии возможна лишь при выборе пути, предложенного медиатором-США. Такого рода смещение акцента (тактика переакцентуации) также определяет манипулятивный характер выступления Х. Клинтон.

Таким образом, основными коммуникативным стратегиями, используемыми на встрече Х. Клинтон с сотрудниками американского посольства (с дальнейшим тиражированием этого события в СМИ), являются стратегия самопрезентации, объединения и манипуляции. Важно отметить, что в данном выступлении практически не упоминается вторая сторона конфликта (косовские албанцы), в связи с чем выявленные стратегии имеют как бы одностороннюю направленность. Однако предполагается, что, прибегнув к стратегиям самопрезентации и манипуляции, потенциальный медиатор-США (а также их протее – ЕС) укрепит свои позиции в сербском обществе и впоследствии сможет повлиять на урегулирование косовского конфликта.

Таблица 3. Соответствие выступления 'Meeting With Staff and Families of Embassy Belgrade' пропозициям фрейма «Медиатор»

Нейтральность	Разработка плана урегулирования конфликта	Компетентность, правомочность медиатора брать на себя роль посредника
- Стратегия манипуляции: тактика выдвижения условий (пример №17)	-	+ Стратегия самопрезентации: тактика авторитетного заявления (примеры №15, №16)

тактика выдавания частного за целое (пример №21)		тактика выдвижения условий (пример №17)
тактика переакцентуации (примеры №28, №29)		употребление комплиментарной лексики по отношению к сторонникам медиатора (примеры №18, №19, №20)

2.3.2. “Joint Press Statements by Secretary of State Hillary Rodham Clinton, Serbian Prime Minister Ivica Dacic, and EU High Representative Cathy Ashton” («Совместные заявления для прессы госсекретаря Хиллари Клинтон, премьер-министра Сербии Ивицы Дачича и Верховного представителя ЕС Кэтрин Эштон», 2012)

За выступлением перед сотрудниками посольства США в Белграде последовала трехсторонняя встреча госсекретаря США Хиллари Клинтон, верховного представителя ЕС Кэтрин Эштон и премьер-министра Сербии Ивицы Дачича.

Заявление Кэтрин Эштон начинается со введения, информирующего о встречах, которые состоялись между ней и участниками косовского конфликта за последнее время: *this follows up for me the meetings I’ve had with President Nikolic both in Brussels and in New York and my discussions with you, Prime Minister. I’ve seen you twice in the last two months (Пр.31)*... За счет этого Кэтрин Эштон, представляющая глобального посредника – Европейский союз, демонстрирует, насколько тесно она включилась в переговорный процесс, и объясняет, почему может и должна взять на себя роль медиатора. Примечательно, что к факту тесного взаимодействия с представителями конфликтующих сторон в течение своего выступления К. Эштон возвращается несколько раз: *...we discussed the dialogue that the European Union – I am facilitating between Belgrade and Pristina <...> I chaired a joint meeting with Prime Minister Dacic and Prime Minister Thaci in Brussels less than two weeks ago, and we agreed to continue the dialogue between the two, and we plan to meet again very soon (Пр.32)*. Акцент на непрерывной работе с конфликтующими сторонами (тактика собственной вовлеченности в медиаторный процесс) актуализирует

одновременно три стратегии: 1) стратегию саморепрезентации (Эштон представляет ЕС как заинтересованного и стабильного медиатора); 2) стратегию убеждения (мысль о поддержании контакта с противоборствующими сторонами повторяется с целью убедить слушателей в том, что ЕС – активно работающий и, соответственно, осведомленный и квалифицированный медиатор); и 3) стратегию манипуляции (скрыто делается упор на то, что именно Европейский союз в сотрудничестве с США готов и должен заниматься разрешением данного конфликта).

В рамках стратегии убеждения также реализуется тактика всеобщей заинтересованности в разрешении конфликта, которая построена на привлечении к переговорному процессу политического союзника медиатора (в данном случае – США): *And I'm here today with Secretary of State Hillary Clinton to express our joint commitment (Пр.33)...* С помощью личных и притяжательных местоимений первого лица множественного числа (*our joint commitment; we would very much like to see this continue...*) Эштон не просто говорит о совместных целях ЕС и США, но и убеждает адресатов в том, что план по урегулированию, предложенный ЕС, является еще более всеобъемлющим, а следовательно, правильным и необходимым.

Наиболее явно в стратегии убеждения выделяется тактика повторения основной мысли. Главная идея медиатора, в роли которого пытается выступить Европейский союз, заключается в том, что решение косовского вопроса откроет конфликтующим сторонам дорогу в ЕС: *I say again: Serbia's future is in the European Union. And as you know, in the last year, Serbia has made significant progress towards its European future and it has become a candidate country (Пр.34).* Как видим, тактика повторения реализуется при помощи наречий со значением повторного действия.

Поскольку задача данной тактики заключается в том, чтобы приучить оппонента к той или иной мысли, можно также сделать вывод, что тактика повторения относится и к стратегии манипулирования. После неоднократного повторения фразы о том, что будущее Сербии – в Европейском союзе,

слушатели привыкают к мысли, что и урегулирование Косовского кризиса возможно именно тем способом, который им предлагается.

Параллельно в рамках стратегии убеждения и стратегии манипулирования встречается также тактика драматизации, цель которой – сгустить напряженность вокруг создавшейся ситуации и стимулировать готовность сторон к принятию решений: *But let me stress: The dialogue of Pristina and the normalization of relations, as we call it, which is not asking for recognition, is really important. There are no other realistic or better alternatives, and things will not get easier if difficult discussions are simply put off. This is good for Serbia, and it's good for Kosovo. It's good for your future and for the everyday lives of the people in this region (Пр.35)*. С помощью повтора отрицаний и использования прилагательных в сравнительной степени (better, easier) преувеличиваются негативные аспекты текущей ситуации. Антитезой служит вторая, позитивная, часть высказывания, где речь идет о будущем конфликтующих сторон. Воздействие на реципиента усиливается здесь за счет анафоры: *This is good for Serbia, and it's good for Kosovo. It's good for your future...* Помимо этого, автор обращается к «чувственной стороне» конфликта, а именно – говорит о жизни людей в регионе.

В другом случае драматизации помогает модальный глагол 'need', безличность которого придает значение общей необходимости совершения действия: *Our discussions today in part focused on what's needed now for Serbia to move forward and to keep moving at a good pace (Пр.36)*. Получается, что Сербии, как одной из конфликтующих сторон, попросту «нужно», «необходимо» выполнить некие условия, которые одновременно являются требованиями ЕС, высказанными медиатором-Эштон. Мы вновь встречаемся с модальным значением необходимости, которое, как отмечает М. К. Сабанеева, включает в себя не только понимание долга (со стороны слушателя), но и принуждения (со стороны говорящего) [Сабанеева 2005: 252-276].

Усиление драматизации в рамках одноименной тактики также происходит при помощи прилагательных и наречий, которые по своему значению относятся

к разряду качественных: *really important, significant progress, extremely important, real progress, clear objective (Пр.37)*. Данные лексемы повышают градус эмоциональной напряженности вокруг Косовского конфликта. Примечательно, что наиболее явно это проявляется в предложении, где речь идет об улучшении уровня жизни населения в крае: *Its objective, its clear objective is to improve people's lives and to help solve problems.*

Таким образом, в выступлении К. Эштон реализуются три основные стратегии: стратегия саморепрезентации, убеждения и манипуляции. Следует отметить, что зачастую актуализация двух или даже трех разных стратегий происходит с помощью одной тактики. В тексте проглядывает и еще одна стратегия, не материализуемая в конкретных языковых средствах. Это стратегия постепенного (step by step) убеждения одной из сторон. Имея четкую задачу – добиться признания независимости Косова Сербией, – Эштон не сразу озвучивает ее, а стремится склонить Сербию к выполнению промежуточной цели, которая может считаться обоюдной для обеих сторон конфликта: начать или возобновить диалог без дополнительных условий, таких как признание независимости края.

В выступлении Хиллари Клинтон перед представителями средств массовой информации, которое состоялось сразу после рассмотренного выше заявления Кэтрин Эштон, обнаруживается также стратегия самопрезентации.

Данная стратегия осуществляется при помощи статусно-ролевой тактики, используя которую, Клинтон напоминает о том, что она уже посещала ранее Сербию (*Пр.38 how pleased I am to be back in Serbia*), проводила «консультации» с президентом Сербии Томиславом Николичем (*Пр.39 to continue consultations that I started with President Nikolic in New York*) и намерена продолжать участвовать в переговорном процессе (*Пр.40 and I have carried on today with him and the Prime Minister, alongside Cathy Ashton*). По мнению Х. Клинтон, народу Сербии важно знать позицию правительства США по данному вопросу: *it's important that the people of Serbia know that we, the United States, are committed to working closely with the European Union to support Serbia's membership in the EU*

(Пр.41). Таким образом Клинтон не просто заявляет о поддержке действий ЕС со стороны США, но и подчеркивает собственный статус, отождествляемый со статусом государства, которое она представляет. Из заявления Клинтон следует, что США (и она лично) играют важную роль в процессе урегулирования Косовского конфликта, что на языковом уровне реализуется при помощи непрерывного использования местоимений первого лица: *I am to be back..., I started..., I have carried on..., we are committed...*).

Также статус медиатора-США утверждается посредством глагола 'to support', который в данной ситуации подразумевает более высокое положение говорящего по отношению к слушающим: потенциальный посредник-США обладает полномочиями, которые позволяют ему поддерживать то или иное политическое решение.

Таким же прагматическим потенциалом, согласно дефинициям Кембриджского словаря английского языка [Cambridge Dictionary], обладают глаголы 'to help' и 'to assist' в предложениях: *We will remain focused on helping to build a strong and stable future for the Balkans and for all of Europe <...> we will be looking for new ways to assist this new government and the people (Пр.42)*... С помощью обозначенных лексем не только развеивается образ США-агрессора, но и создается образ США – сильного государства, которое в состоянии помогать Балканам и всей Европе строить сильное и стабильное будущее. Очевидно, что в данном контексте Хиллари Клинтон наделяет США более высоким статусом, нежели Европейский Союз и страны Балканского полуострова.

Образ государства, обладающего особым правовым статусом, также строится при помощи глаголов со значением оценки действия. Данные глаголы используются для положительной характеристики совместных действий конфликтующих сторон: *And we applaud the recent meeting between Prime Minister Dacic and Prime Minister Thaci with High Representative Ashton in Brussels (Пр.43)*. Как видим, статусно-ролевая тактика применяется не только в

рамках стратегии самопрезентации, но и для формирования стратегии объединения.

Говоря о совместных действиях и интересах конфликтующих сторон, медиатор прибегает к тактике проектирования благоприятного совместного будущего. В связи с этим он апеллирует к общечеловеческим ценностям, которые важны для обеих сторон: *to move forward with practical agreements that serve the everyday security and economic interests of all the people of Serbia and Kosovo* (Пр.44).

Любопытно, что стратегия объединения в выступлении Х. Клинтон направлена не столько на объединение конфликтующих сторон, сколько на объединение самого медиатора-США с одной из конфликтующих сторон – Сербией. Сознавая оправданный антагонизм сербской стороны по отношению к американским политикам, Клинтон прибегает к использованию двух тактик: тактики уступки и тактики создания имиджа друга.

В рамках первой из названных тактик госсекретарь США пытается развеять мысль о том, что Соединенные Штаты намерены навязывать свои условия для решения Косовского конфликта: *We did not come here to set conditions. We did not come here to exercise any control, because we have none* (Пр.45). Воздействие на слушателей усиливается при помощи анафорической единицы ‘We did not come here to’, которая минимизирует опасения сербов по поводу навязывания американского сценария. Несмотря на «дружескую» позицию, высказывания Клинтон тяжело считать искренними и беспристрастными, поскольку с ними соседствует размышление о том, чего «заслуживает» молодое поколение сербов, а в нем уже звучат признаки того «контроля», который США на самом деле собираются осуществлять: *smart population who deserve to have economic opportunities, who deserve to have a future in Europe, who deserve to have every opportunity that every other young European has* (Пр.46). Х. Клинтон, по сути, ставит не прямое, а скрытое условие, или же условие, озвучиваемое поэтапно: молодежь Сербии заслуживает и будет иметь возможности, аналогичные тем, что имеет «любой молодой европеец», но лишь

в случае урегулирования конфликта путем, предложенным медиатором-США. Примечательно, что не прямое условие вновь актуализуется при помощи анафоры 'who deserve to have'.

Соответственно, тактику уступки можно отнести не только к стратегии объединения, но и к стратегии манипулирования. Ряд других манипулятивных утверждений, встречающихся в выступлении Хиллари Клинтон, будет рассмотрен ниже, после анализа тактики построения имиджа друга. Отметим здесь лишь то, что фрагменты речи, которые можно условно назвать «фрагмент постановки условий» и «дружественно-уступочный фрагмент», в речах Клинтон переплетаются и нередко подвержены инверсии, при которой «доказательства» обгоняют «тезисы». Классическое предложение разбивается надвое, и «придаточные условия» (то, что произойдет, если Сербия не послушает США) выносятся вперед в качестве самостоятельных, на первый взгляд независимых, фраз; основной же тезис высказывается после них и сознательно отделен отвлекающими «вводными». Связи между такими частями намеренно разрушаются и камуфлируются. Здесь мы можем говорить о еще одном ответвлении в стратегии убеждения – о «маскировке тенденциозности», которую В. Е. Ветловская находит в авторской речи Достоевского [Ветловская 2007: 30]. Достоевский и сам сообщает о таком методе в ораторском искусстве: «Ибо знаю, что в целом, в группировке достигну впечатления, подействует» [Достоевский 1972-1990: 152].

Разумеется, в речах Клинтон подобные приемы попадают в общую стратегию манипуляции. В ее исполнении схема реализуется следующим образом: «Продвинутая сербская молодежь заслуживает лучших экономических возможностей, и могла бы стать полноправной европейской молодежью... Мы не собираемся навязывать Сербии никакой контроль, да у нас и нет таких возможностей... Соглашение с Косово могло бы послужить повседневной безопасности и экономическим интересам всего народа Сербии и Косово».

Тактика создания имиджа друга предполагает взаимодействие медиатора и конфликтующей стороны на едином классовом уровне, уровне «своего парня»

(common fellow), что реализуется у Клинтон с помощью неформального глагола 'to laugh': *We were laughing at the meeting about trying to determine exactly how many Serbian Americans there are (Пр.47).* По оценке Клинтон, в Америке проживает большое количество сербов, чем медиатор-США гордится: *It's quite a large number, and we're very proud of that.* Заслуживает внимания и то, что в качестве фактора сближения двух государств (Сербии и США) Клинтон вновь видит заботу о будущем молодого поколения Сербии: *So we want to explore new avenues for partnership because we want to see the people, particularly the young people of Serbia flourish in their own country, in Europe, and in the world (Пр.48).* Повторное обращение к теме молодежи (напомним, данный вопрос затрагивался Клинтон и во время встречи с представителями посольства США в Белграде) подтверждает выдвинутое ранее предположение о том, что медиатор четко понимает отношение к себе со стороны старшего поколения сербов, и потому сосредотачивается на молодом поколении. Поскольку Клинтон использует большое число образных определений в отношении сербской молодежи, мы можем наблюдать реализацию тактики комплиментарности, т.е. позитивной оценки, помогающей стратегии объединения: *I've looked at a lot of the statistics concerning the young people of Serbia, a well-educated, internet savvy, culturally smart population (Пр.49).*

Манипулятивные средства, упомянутые выше, наиболее ярко проявляются при обсуждении статуса Косова. Х. Клинтон заявляет, что для проведения переговоров от Сербии не потребуется признания независимости Косова: *This dialogue does not require Serbia to recognize Kosovo (Пр.50).* Однако стратегия 'step by step' заставляет ее продвинуть процесс еще на один шаг, и потому вслед за этим утверждением идет упоминание Косова и Сербии как отдельных государств, каждое из которых имеет собственное правительство: *the dialogue does call for the two governments to move forward with practical agreements that serve the everyday security and economic interests of all the people of Serbia and Kosovo. <...> But there is a great deal that can be accomplished by Serbia and Kosovo working together for the betterment of the people of both nations*

(Пр.51). С помощью тактики намеренного искажения фактов Х. Клинтон представляет территориальный раздел Косова и Сербии как общепризнанный, юридически закрепленный факт. При этом и на момент ее выступления, и даже на сегодняшний день этот раздел еще не совершился и представляет собой противоречие международному праву, в том числе Резолюции ООН 1244, по которой Автономный край Косово и Метохия является частью Республики Сербия.

Окончательная позиция Соединенных Штатов относительно статуса Косова выражается в категоричном суждении Х. Клинтон в той же речи: *Kosovo is an independent nation. The boundaries of Europe will not change* (Пр.52). Данное утверждение уже полностью не соответствует обозначенной ранее позиции о необязательном признании независимости Косова со стороны Сербии. Противоречит оно и принципу нейтральности, который должен соблюдать медиатор. С помощью лексемы ‘independent’ и глагола ‘to change’, используемого в форме будущего времени, Клинтон дает понять, что непризнание Сербией независимости Косова никак не повлияет на отношение США к данному вопросу и не воспрепятствует американской стороне транслировать свою позицию (США признали «независимость» Косова) в публичном пространстве.

Тактика преднамеренного искажения фактов тесно связана с тактикой подмены/подтасовки информации, которая также используется для манипулятивного воздействия на реципиентов. Пользуясь ею, Х. Клинтон заявляет о том, что основным стремлением Сербии является евроинтеграция: *We are committed to seeing Serbia, and all the countries in this region, realize their aspirations for integration into the European and Euro-Atlantic community* (Пр.53). Ответным стремлением (заклЮчить в себя Сербию и ее соседей) обладает, по словам Клинтон, и Евросоюз, и все эти взаимные устремления поддерживаются Соединенными Штатами: *And we share the goal of a whole, free, and democratic Europe that includes Serbia and all its neighbors because we believe this is first and foremost in the interests of the people of Serbia and the people of the region, and it is*

the surest path to a future of peace, stability, and prosperity. So the United States will do all that we can to support that goal (Пр.54). Манипулятивность данного высказывания на языковом уровне проявляется в сочетаниях ‘free, and democratic Europe’, ‘first and foremost in the interests of the people of Serbia’ и ‘surest path to a future of peace, stability, and prosperity’, которые используются в непосредственной контекстной близости. Получается, что мирное, стабильное и процветающее будущее Сербии возможно только в случае вступления страны в ЕС; а отсюда и евроинтеграция является главным желанием сербского народа, ибо подразумевает сохранение таких ценностей как свобода и демократия.

Закрепить «единство целей» и «дружеские узы» всех участников процесса призвана идиома ‘hand in hand’, обозначающая тесное сотрудничество или взаимосвязанность двух или более вещей [Подгорбунская 2018: 107]: *...there is a great deal that can be accomplished by Serbia and Kosovo working together for the betterment of the people of both nations. I understand that this is difficult, but it goes hand in hand with meeting the needs of the Serbian people (Пр.55).* Использованная здесь стилистическая фигура *связности* позволяет отнести идиому и к смежному предложению. Не только «совместная работа <...> идет рука об руку с необходимостью удовлетворить нужды сербского народа», но и Сербия и Косово должны идти «рука об руку».

Как видим, представитель глобального медиатора-США Х. Клинтон выстраивает свое выступление в соответствии со следующими стратегиями: стратегией самопрезентации, стратегией объединения, стратегией убеждения и стратегией манипулирования, которые реализуются при помощи статусно-ролевой тактики, тактики формирования благоприятного совместного будущего, тактики уступки, тактики построения имиджа друга, тактики маскировки тенденциозности медиатора, тактики преднамеренного искажения фактов, тактики подмены информации, а также тактики поэтапного навязывания своих целей, которая, как можно заметить, выходит уже на этап «заключения сделки».

Соответствие совместного выступления К. Эштон и Х. Клинтон пропозициям фрейма «Медиатор» представлено в Таблице №4, из которой

следует, что несмотря на подтвержденную с помощью разнообразных тактик правомочность политиков выступать в роли посредников, важнейший медиаторный принцип «нейтральность» нарушается более пяти раз.

Поэтапный план урегулирования конфликта, о котором мы писали как о необходимом узле фрейма «Медиатор», в рассмотренных устных выступлениях не представлен.

Таблица 4. Соответствие выступления 'Joint Press Statements by Secretary of State Hillary Rodham Clinton, Serbian Prime Minister Ivica Dacic, and EU High Representative Cathy Ashton' пропозициям фрейма «Медиатор»

Нейтральность	Разработка плана урегулирования конфликта	Компетентность, правомочность медиатора брать на себя роль посредника
<p>-</p> <p>Стратегия манипуляции: тактика собственной вовлеченности в медиаторный процесс (пример №32)</p> <p>тактика повторения основной мысли (пример №34)</p> <p>тактика драматизации (примеры №35, №36, №37)</p> <p>тактика намеренного искажения фактов (пример №52)</p>	<p>-</p>	<p>+</p> <p>Стратегия самопрезентации: тактика собственной вовлеченности в медиаторный процесс (пример №32)</p> <p>статусно-ролевая тактика (примеры №38, №39, №40, №41)</p>

2.3.3. “Remarks With Kosovo Prime Minister Hashim Thaci and EU High Representative Catherine Ashton” («Встреча госсекретаря Хиллари Клинтон с премьер-министром Косово Хашимом Тачи и Верховным представителем ЕС Кэтрин Эштон», 2012)

Встреча госсекретаря США Хиллари Клинтон и верховного представителя ЕС Кэтрин Эштон с премьер-министром самопровозглашенного Косова Хашимом Тачи состоялась 31 октября 2012 года в Приштине, на следующий день после визита делегации США и Великобритании в Белград.

В идейном плане выступления Х. Клинтон и К. Эштон в Приштине являются продолжением их выступлений в Белграде (например, повторяется идея о нормализации отношений между субъектами переговорного процесса: *My message yesterday in Belgrade is the same as my message here today in Pristina. The United States urges all parties to continue to work to implement the agreements reached to date, to reach agreements in new areas, and to advance concrete measures to normalize relations* (Пр.56). Однако несмотря на сходства в общем содержании, дискурсивные высказывания обоих политиков отличаются использованием иных коммуникативных стратегий и тактик.

Так, в заявлении Х. Клинтон нашла отражение стратегия презентации конфликтующей стороны, которая направлена на выражение предпочтительного отношения медиатора к одному из участников конфликтного процесса (в данном случае – к стороне самопровозглашенного Косово). Отметим, что данная стратегия изначально противоречит медиационному процессу, поскольку связана с оценкой одной из конфликтующих сторон и, как следствие, подразумевает несоблюдение принципа нейтральности.

Данную коммуникативную стратегию позволяет реализовать тактика положительной оценки действий косовских властей. Она достигается за счет ряда прилагательных, которые, согласно Оксфордскому словарю [Oxford Learner's Dictionaries], имеют положительную коннотацию: *proud, right, courageous, smart*. Помимо этого, действия косовских властей оцениваются с помощью глагола 'to commend' в значении «хвалить»: *And I personally want to commend the Prime Minister <...> to this meeting in Brussels. It was the right decision. It was courageous and it was smart. I also want to commend your President. President Jahjaga has represented Kosovo very well around the world* (Пр.57).

Презентация действий самопровозглашенного Косова также происходит при помощи тактики драматизации, которая в данном выступлении Х. Клинтон способствует тому, что «независимое» Косово представляется в исключительно положительном свете: *Prime Minister Thaci took a political risk – I know a little bit*

about political risks <...> We think that moving toward the European Union will give you the rewards for the hard work, the sacrifice of the people of this generation and the past and future generations to come (Пр.58). Посредством сочетаний ‘political risk’ и ‘the sacrifice of the people’ Клинтон указывает на трудности, с которыми столкнулась данная сторона конфликта, и выражает мнение, что такого рода «жертвенность» заслуживает награды в виде вступления в Евросоюз. Любопытно, что автор высказывания при этом не приводит конкретные примеры «смелых, тяжелых и самопожертвенных» действий косовской стороны.

Стратегия объединения, которая также имеет место в выступлении Хиллари Клинтон, направлена не столько на объединение конфликтующих сторон, сколько на демонстрацию близких отношений между медиатором-США и стороной конфликта – самопровозглашенным Косово. В рамках данной стратегии реализуется тактика рекомендации и пожеланий, которая выражается не напрямую (например, с помощью форм императива), а косвенно (за счет вводных конструкций ‘we believe’, ‘we think’): *But we believe in the United States that these steps taken by Kosovo are especially important for you. We think that moving toward the European Union will give you the rewards for the hard work (Пр.59)*...

Еще одной тактикой стратегии объединения является тактика помощника, которая осуществляется посредством перехода на личностный уровень общения. Такого рода тактика являет собой полное несоответствие принципу нейтральности и предвзятое отношение к одной из сторон конфликта. На языковом уровне данная тактика реализуется за счет местоимений первого лица, которые используются в сочетании с единицами, обозначающими намерения медиатора помочь конфликтующей стороне: *...that is our goal for you. We want to continue working with you to build and strengthen your democratic institutions and advance the economic welfare of your people. I believe in Kosovo’s future, and the United States remains deeply committed to your success (Пр.60)*. Вне всяких сомнений, Х. Клинтон напрямую заявляет о приверженности

Соединенных Штатов к развитию и процветанию Косова как отдельного государства, что противоречит не только принципам медиатора, но и международным конвенциям (в частности, упомянутой ранее Резолюции ООН 1244).

Отдельного внимания заслуживает использование глагола ‘to deserve’, который встречался и в проанализированном ранее выступлении Х. Клинтон в Белграде. С помощью данной лексемы медиатор вновь сообщает, что конфликтующие стороны (в особенности представители их молодого поколения) «заслуживают» быть странами-членами Евросоюза, однако, в отличие от выступления в Белграде, в своей речи в Приштине Клинтон сопровождает глагол ‘to deserve’ оценочными наречиями ‘fully’ и ‘richly’, выступающими в роли интенсификаторов. Тем самым она дает понять, что самопровозглашенное Косово имеет больше прав на вступление в ЕС: *The young men and women of Kosovo <...> fully deserve to be integrated into Europe; ...toward the future you so richly deserve (Пр.61)*. Интенсификаторы ‘fully’ и ‘richly’ в речи Х. Клинтон имеют очевидную эмотивную функцию, за счет которой выражается субъективное отношение говорящего [Моисеева 2015: 1192]. Сами категории эмотивности и интенсивности, как известно, могут выражаться языковыми средствами разных уровней [Сюткина, Шустова, Зубарева: 2025: 238]. В высказываниях Х. Клинтон они в основном актуализируются за счет более ярких эксплицитных языковых средств лексического уровня, а не, например, морфологического (ср. *undeserved, overestimated*).

Наряду с тактикой помощника, стратегию объединения актуализирует тактика обещания, в соответствии с которой медиатор-США обязуется как можно скорее помочь «молодому государству Косово» стать членом ЕС. Данная тактика проводится в жизнь с помощью экспрессивной лексемы ‘anxious’ и сравнительного оборота ‘as quickly as possible’: *Kosovo’s future lies in Europe, and we are anxious to see you move as quickly as possible in that direction (Пр.62)*. Также специфика реализации тактики обещания проявляется в использовании анафоры ‘We will stand with you’, посредством которой выражается мысль о

непрерывающейся и бескорыстной помощи со стороны США: *So we will stand with you as you make key reforms to improve governance that brings you closer to full Euro-Atlantic integration. We will stand with you as you work with Serbia to resolve practical problems and overcome obstacles, and we will be there for you as you take the necessary steps toward the future you so richly deserve* (Пр.63). Глагол ‘will’ в данных предложениях содержит модальный оттенок волеизъявления [Дружинин 2018: 48-49], в связи с чем можно сделать вывод, что высказывание Х. Клинтон как речевой акт приобретает обещательный характер (характер промисива).

Как видно, во всех рассмотренных в данном разделе коммуникативных тактиках присутствуют единицы речи, свидетельствующие о субъективном отношении медиатора-США к конфликтующей стороне – Косову. Хиллари Клинтон – как официальный представитель Соединенных Штатов, признавших в 2008 году «независимость» Республики Косово, – открыто выражает свою поддержку конкретной стороне конфликта, что ставит под сомнение легитимность ее выступления в качестве медиатора. Кроме того, нельзя забывать, что Хиллари Клинтон является не просто сторонником самопровозглашенного Косова, но и в некотором смысле участником Косовского конфликта 1990-х годов, поскольку в период вооруженного противостояния Освободительной армии Косова (ОАК) и Югославской армии (ВС СРЮ) в 1998-1999 гг. США оказывали военную поддержку косовским албанцам. Президентом США на тот момент являлся муж Хиллари Клинтон – Билл Клинтон. О связи семьи Клинтон с косовскими албанцами, как и о давних дружеских отношениях с правительством самопровозглашенного Косова, Хиллари Клинтон говорит и во время своего визита в Приштину 31 октября 2012 года: *Now for me and my family, and many of my fellow Americans, this is more than a matter of foreign policy. It is deeply personal. As I was driving in from the airport last evening, I saw that enormous statue of my husband – (laughter) – standing next to the store called Hillary. (Laughter.)* (Пр.64).

Поскольку Х. Клинтон сама заявляет о том, что как для ее семьи, так и для многих ее соотечественников, решение косовского конфликта является чем-то «большим, чем вопрос внешней политики», напрашивается вывод, что компетенции Хиллари Клинтон как медиатора не соответствуют тем, что были выделены нами при моделировании первичного фрейма «медиатор». Вследствие несоблюдения принципа нейтральности, выступление Х. Клинтон в Приштине характеризуется лишь двумя коммуникативными стратегиями, которые можно, хотя и с натяжкой, назвать конструктивными – стратегией презентации конфликтующей стороны и стратегией объединения. Причем последняя из них подразумевает не объединение субъектов переговорного процесса, а еще большее сближение одной конфликтующей стороны с медиатором-США.

Концепция **выступления верховного представителя ЕС Кэтрин Эштон в Приштине** соответствует концепции ее заявления в Белграде, однако, вслед за Х. Клинтон, Эштон прибегает к тактикам, направленным на акцентирование дружественных отношений именно с косовской стороной.

Так, например, особое отношение к самопровозглашенному Косово со стороны потенциального медиатора-ЕС выражается с помощью прилагательного ‘brave’, которое обозначает субъективный оценочный признак. Высокая степень градуируемого признака ‘brave’ достигается за счет наречия-интенсификатора ‘extremely’: *And I have to say to all of you that I believe your Prime Minister was extremely brave to come to Brussels and to be willing to come into the room and have that conversation (Пр.65)*. Используя определенный артикль ‘the’ (to come into the room) и указательное местоимение ‘that’ (have that conversation) в эмфатической функции, Эштон подчеркивает предельную смелость премьер-министра Косова, готового находиться в одном помещении со своим оппонентом (представителем сербской стороны) и вести с ним беседу. Очевидно, что с помощью тактики положительной оценки действий косовских властей вновь актуализируется стратегия презентации.

Для создания положительного образа непризнанного Косова также используется тактика поддержки и обещания, которая в данном дискурсивном высказывании направлена на то, чтобы убедить реципиентов в желании Евросоюза ускорить вступление Косова в ЕС: *I hope the Prime Minister can count on all the politicians and the people to go forward, and in doing so, to know that it's not only the European Union that will be working hard on this, but that we will be in close contact with our friends, our partners in the United States of America, who play such a vital role in supporting not just Kosovo, but actually the European Union as a whole* (Пр.66). Посредством инверсии 'not only..., but' создается позитивный образ «Республики Косово», которая заслуживает поддержки других государств и, по сути, уже попадает в круг европейского объединения. Формы будущего времени глаголов с модальным оттенком (*will be working hard on this, but that we will be in close contact*) свидетельствуют о твердых намерениях К. Эштон выполнить данные обязательства.

Еще одной стратегией, встречающейся в выступлении Кэтрин Эштон, является стратегия убеждения, которая реализуется с помощью тактики построения перспективы. Для того, чтобы убедить косовскую сторону продолжать свой путь к евроинтеграции, автор высказывания использует прилагательное 'strong' в сравнительной степени, а также такие экспрессивные средства, как лексический повтор (*stronger economically, stronger politically*) и синтаксический параллелизм: *But they're worth doing because at the end of it, you will have a country that is stronger economically, stronger politically, where the rule of law is observed correctly, where human rights are fully respected* (Пр.67). Как справедливо отмечает А. П. Чудинов, употребление синтаксического параллелизма в политическом дискурсе создает ощущение лозунговости. Лозунг в яркой форме передает руководящую идею, актуальную задачу или требование адресанта [Чудинов 2006: 39]. В рассмотренном нами фрагменте синтаксический параллелизм, как представляется, способствует стратегии активного убеждения.

В целом, выступление Кэтрин Эштон в Приштине отличает несоблюдение принципа нейтральности, идентичное тому, которое мы отметили в речи Хиллари Клинтон. Прежде всего оно характеризуется использованием лексем, свидетельствующих об «особом» отношении медиатора к конфликтующей стороне: *And I personally look forward to that day very much (Пр.68)*. Субъективная оценка наблюдается также в пожелании всевозможных успехов жителям края: *And to all of you, I wish this country every possible success (Пр.69)*. Отметим, что автономный край Косово и Метохия, в обход уставов ООН, Эштон вновь называет отдельным государством ('country').

Любопытно, что и в речи К. Эштон, и в высказывании Х. Клинтон отсутствует тактика апелляции к международным авторитетам (в частности, к Организации Объединенных Наций). Единственным «авторитетом», о котором говорит в своем выступлении К. Эштон, является сопровождающая ее в поездке по Балканам Хиллари Клинтон: *...especially delighted to be back with Secretary Clinton, my friend Hillary, who I know has a very special place in the hearts of the people of Kosovo (Пр.70)*.

Таким образом, небольшое по своей продолжительности выступление Кэтрин Эштон сочетает в себе две коммуникативные стратегии – стратегию презентации и стратегию убеждения. Реализацию каждой из названных стратегий нельзя считать успешной ввиду употребления речевых оборотов, свидетельствующих о предвзятом отношении Эштон к конфликтующей стороне. Очевидно несоответствие выступлений Х. Клинтон и К. Эштон ни одной пропозиции фрейма «Медиатор».

Таблица 5. Соответствие выступления 'Remarks With Kosovo Prime Minister Hashim Thaci and EU High Representative Catherine Ashton' пропозициям фрейма «Медиатор»

Нейтральность	Разработка плана урегулирования конфликта	Компетентность, правомочность медиатора брать на себя роль посредника
- Стратегия презентации конфликтующей	-	-

<p>стороны: тактика положительной оценки действий косовских властей (пример №57)</p> <p>тактика драматизации (пример №58)</p> <p>Стратегия объединения: тактика помощника (пример №60)</p> <p>лексемы, свидетельствующие об «особом» отношении медиатора к конфликтующей стороне (пример №68)</p> <p>пожелание всевозможных успехов одной из конфликтующих сторон (пример №69)</p>		
--	--	--

2.3.4. “Meeting with Embassy Pristina Staff and their Families” («Встреча с сотрудниками посольства в Приштине и членами их семей», 2012)

Заключительным заявлением в рамках официального визита Х. Клинтон и К. Эштон на Балканы стало выступление Клинтон перед сотрудниками американского посольства в Приштине и их семьями.

Несмотря на то, что подобная встреча с сотрудниками посольства США состоялась и в Белграде, посыл высказываний в Приштине несколько отличается от того, который имел место в столице Сербии. Прежде всего, обращает внимание позитивная тональность повествования. Тактика положительной оценки работников посольства не только высвечивает сильные стороны медиатора-США (подразумевается, что дипломатическая миссия Соединенных Штатов транслирует позицию государства), но и благоприятно сказывается на образе конфликтующей стороны – самопровозглашенного Косова: *This is the third time Ambassador Jacobson has been an ambassador, and your ears should have been burning in the car ride from the airport as she spoke glowingly about the team here and the work you’re doing, and how significant it is <...> And we’re delighted to have her husband David lending a hand in this very exciting post (Пр.71)*. Прилагательное ‘exciting’, дважды используемое в выступлении для описания работы посольства в Приштине, сильно контрастирует с лексемами, с помощью которых Клинтон говорила о службе

дипломатов в Белграде: *I know that there have been some difficult and risky moments in your service (Пр.72)*... Данное противопоставление способствует созданию положительного образа так называемой Республики Косово, поскольку получается, что работа американского посольства в Приштине является важной и увлекательной ('significant', 'exciting'), а работа в Белграде – сложной и рискованной ('difficult', 'risky'). Следовательно, тактика положительной оценки активизирует сразу две стратегии – стратегию презентации конфликтующей стороны и стратегию самопрезентации медиатора.

В рамках стратегии самопрезентации также выделяется тактика осведомленности, посредством которой Хиллари Клинтон заявляет о своем участии в работе посольства: *I already have had good reports from the Ambassador about all of the progress that we're seeing here and that we're helping to facilitate (Пр.73)*. Данная тактика осуществляется с помощью наречия времени 'already' и грамматической категории Continuous, которая придает действиям медиатора свойство непрерывности. Примечательно, что отчеты об успешной деятельности посольства в Приштине также характеризуются с помощью оценочного прилагательного 'good'.

К синтаксическому средству выражения тактики осведомленности относится использование анафоры 'I know...': *I know that you're working to promote that <...> I'm very proud of what you're doing. I know the significance of it (Пр.74)*. Широкое использование анафорических конструкций политическим медиатором-Клинтон (примеры №16, №35, №45, №46, №63, №74) говорит о релевантности отечественных и зарубежных работ, посвященных исследованию этой стилистической фигуры [Воронкова 2003; Данилова 2017; Garnham 2013; Sundaresan 2020]. Не случайно Е. Р. Данилова приходит к выводу, что анафора является одним из наиболее частотных средств референции к ситуациям политической реальности [Данилова 2017: 3-20]. Можно заключить, что употребление анафоры в политической речи с целью речевого воздействия на реципиента подтверждается и результатами нашего исследования.

Стратегия объединения в выступлении Хиллари Клинтон в Приштине строится по тому же принципу, что и в заявлении, сделанном в Белграде. «Общим знаменателем» для конфликтующих сторон является улучшение экономического состояния в регионе (*Пр.75 I want to also recognize how significant the economic growth has been*), а также результативная работа местного населения в посольстве США (*Пр.76 locally employed staff are the nerve center and the memory bank for every mission*).

Необходимо отметить, что выступление Х. Клинтон перед сотрудниками посольства отличает отсутствие нейтральности, соразмерное тому, что встречалось в ее заявлении, сделанном накануне (“Remarks With Kosovo Prime Minister Hashim Thaci and EU High Representative Catherine Ashton”). О своей симпатии к косовскому режиму и желании поддерживать именно эту сторону конфликта госсекретарь США говорит с помощью экспрессивной лексики: *I want to emphasize how important it is to have the interagency, whole of government approach, because that's what we're standing for in the State Department, that is, as the Ambassador said, the QDDR's call that diplomacy development work together, our colleagues, military and civilian alike, are part of this great effort to help support this new young country, and to a better future* (*Пр.77*). Упомянутой в конце высказывания «новой страной» является «Республика Косово», одностороннее провозглашение независимости которой состоялось в 2008 году. Готовность Клинтон обеспечить для «молодой страны» не только гражданскую, но и военную поддержку в очередной раз ставит под сомнение объективность медиатора-США. Само создание посольства в непризнанном государстве, как и выступление в нем официального лица, являются противозаконным и открыто-агитационным актом.

В целом, выступление Х. Клинтон перед сотрудниками посольства США в Приштине отличают несоблюдение принципа нейтральности и пристрастная позитивная настроенность, которые нашли выражение в трех стратегиях – стратегии презентации, стратегии самопрезентации и стратегии объединения. Стратегия самопрезентации в определенном смысле проявляет пропозицию

«Компетентность, правомочность медиатора брать на себя роль посредника» в первичном фрейме «Медиатор», в то время как тактика положительной оценки сотрудников посольства и выражение симпатии к конкретной стороне конфликта полностью нарушают фреймовый узел «Нейтральность».

Таблица 6. Соответствие выступления 'Meeting with Embassy Pristina Staff and their Families' пропозициям фрейма «Медиатор»

Нейтральность	Разработка плана урегулирования конфликта	Компетентность, правомочность медиатора брать на себя роль посредника
<p>-</p> <p>Стратегия презентации конфликтующей стороны: тактика положительной оценки работников посольства (пример №71)</p> <p>выражение симпатии медиатора к одной из конфликтующих сторон (пример №77)</p>	<p>-</p>	<p>+</p> <p>Стратегия самопрезентации: тактика положительной оценки работников посольства (примеры №71, №72)</p> <p>тактика осведомленности (пример №73, №74)</p>

2.3.5. Brussels Agreement. First Agreement of Principles Governing the Normalization of Relations” («Брюссельское соглашение. Первое соглашение о принципах, регулирующих нормализацию отношений», 2013)

Результатом переговоров госсекретаря США Хиллари Клинтон, верховного представителя ЕС Кэтрин Эштон, премьер-министра Сербии Ивицы Дачича и премьер-министра непризнанного Косова Хашима Тачи стало «Брюссельское соглашение» (Brussels Agreement. First Agreement of Principles Governing the Normalization of Relations), которое было парафировано 19 апреля 2013 в столице Бельгии.

Документ о нормализации отношений между Белградом и Приштиной («Брюссельское соглашение») состоит из 15 пунктов, в основном посвященных организации и полномочиям сербских муниципалитетов на севере Косово. Сразу после парафирования, против данного соглашения выступили многие сербские оппозиционные партии и движения, Сербская православная церковь,

косовские сербы. Албанское население Косова восприняло договор с энтузиазмом, так как он «выводит сербские муниципалитеты из-под юрисдикции Белграда и фактически передает их во власть албанских властей Косово, провозгласивших в одностороннем порядке независимость от Сербии в 2008 году» [Московский комсомолец 2013: электронный ресурс].

Текст соглашения отличает официально-деловой стиль речи, который подразумевает использование юридических терминов, речевых штампов и широкое употребление пассивных конструкций.

Несмотря на то, что соглашение было парафировано в рамках Европейского Союза, в тексте практически не наблюдается стратегии самопрезентации медиатора. Медиатор-ЕС не объясняет, почему берет на себя данную функцию, а лишь подчеркивает собственный авторитет, ссылаясь на официальные документы Европейского Союза (например, на Европейскую хартию местного самоуправления): *In accordance with the competences given by the European Charter of Local Self Government and Kosovo law (Пр.78)*... Интересно, что в рамках тактики апелляции к авторитету составители документа ссылаются не только на документацию Евросоюза и международные организации (в частности, ОБСЕ), но и на «законодательство Косова»: *...with the facilitation of the OSCE in accordance with Kosovo law and international standards (Пр.79)*. Формулировки такого рода нельзя считать нейтральными, поскольку они подразумевают «западную трактовку» Косовского конфликта: Косово считается отдельным государством, имеющим собственное законодательство, с которым должна считаться противоположная сторона конфликта – Сербия. Таким образом, за счет отсылки к законам самопровозглашенного Косова читателю навязывается определенная (выгодная медиатору) позиция относительно статуса данного края. Можно сделать вывод, что при помощи тактики апелляции к авторитету в тексте актуализируются одновременно три стратегии – стратегия презентации одной из сторон конфликта, стратегия манипуляции и в меньшей степени стратегия самопрезентации.

Отметим, что законодательные акты второго участника конфликта (Сербии), собственно, как и сама Республика Сербия, не упоминаются в тексте ни разу. В соглашении речь идет о «косовских сербах» (*Kosovo Serb*) или же о муниципалитетах с «сербским большинством» (*Serb majority municipalities in Kosovo*). Казалось бы, в определенной мере составители документа меняют уровень Косовского конфликта, статус которого снижается с международного до внутригосударственного. И все же, вопреки Резолюции ООН, «государством», где разворачивается конфликт, оказывается не Республика Сербия, а Республика Косово, в которой, по мнению авторов Брюссельского соглашения, проживают сербы и существуют муниципалитеты с «сербским большинством».

На основании подписанного соглашения, сербскому населению в Косово предлагается создание Ассоциации или Сообщества муниципалитетов с сербским большинством: *There will be an Association/Community of Serb majority municipalities in Kosovo (Пр.80)*. По второму пункту соглашения, данная Ассоциация будет создана в соответствии с уставом Косова: *The Community/Association will be created by statute (Пр.81)*. Здесь мы вновь сталкиваемся с манипулятивным воздействием на читателей, поскольку устав непризнанного Косова представлен как правомочный документ.

Наиболее явно в стратегии манипуляции проявляется тактика возложения обязательств, когда адресант налагает некие обязанности на конфликтующие стороны. С помощью этой тактики авторы текста сообщают о том, что на территории региона должно остаться только одно полицейское подразделение с названием «Полиция Косово», т.е. даже полиция в «муниципалитетах с сербским большинством» должна быть включена в структуру «Полиции Косово»: *There shall be one police force in Kosovo called the Kosovo Police. All police in northern Kosovo shall be integrated in the Kosovo Police framework. Salaries will be only from the KP (Пр.82)*. Используемый в данном пункте соглашения модальный глагол *shall* имеет семантическое значение

категоричного долженствования, которое усиливается за счет употребления лексем 'one' и 'only'.

Эти лексемы, по мнению З. И. Комаровой и Л. А. Запеваловой, обладают «коннотативным компонентом отдельности и индивидуальности существования» [Комарова 2007: 64]. Можно предположить, что в Брюссельском соглашении они используются для того, чтобы в очередной раз подчеркнуть идею «независимости Косова». При рассмотрении лексем в последовательной связности, мы видим, что они формируют устойчивое выражение *one and only*, т.е. один-единственный, уникальный. Например, 'one and only solution', 'one and only friend' и т.п. [Cambridge Dictionary].

Категорические формулировки в тексте смягчаются посредством тактики уступки, в рамках которой сотрудникам «сербских структур безопасности» предлагается перейти в аналогичные структуры самопровозглашенного Косово: *Members of other Serbian security structures will be offered a place in equivalent Kosovo structures (Пр.83)*. Определение 'equivalent' (*Cambridge Dictionary: equal to or having the same effect as something else*) создает ошибочное представление о создании равных условий для противоборствующих сторон, однако призвано актуализировать стратегию объединения.

Еще одна уступка, на которую готов пойти медиатор, – назначение регионального командующего полицией для четырех муниципалитетов, где проживают «северные сербы». В роли регионального командующего может выступить косовский серб, и, таким образом, будет отражен этнический состав населения четырех муниципалитетов: *There shall be a Police Regional Commander for the four northern Serb majority municipalities (Пр.84)*.

Пункты соглашения, касающиеся вопросов судебной системы в регионе, также соответствуют «западному» видению конфликта: судебные органы должны действовать согласно «косовскому законодательству». При этом апелляционный суд в Приштине вновь наделяется полномочиями большими, чем какой-либо государственный орган в Сербии, – именно апелляционному суду в Приштине надлежит сформировать коллегия для рассмотрения дел в

муниципалитетах с «сербским большинством»: *The judicial authorities will be integrated and operate within the Kosovo legal framework. The Appellate Court in Pristina will establish a panel composed of a majority of K/S judges to deal with all Kosovo Serb majority municipalities (Пр.85).*

Центральной коммуникативной стратегией Брюссельского соглашения является стратегия информирования, целью которой является предоставление в сжатом объеме максимально детальной информации о договоренностях. Реализация данной стратегии происходит в первую очередь за счет тактики разъяснения – в текст документа, при помощи таких словосочетаний как ‘for example’, вводятся различные уточнения: *will be established on the same basis as the existing statute of the Association of Kosovo municipalities e.g. President, vice President, Assembly, Council (Пр.86).*

Более точному пониманию текста Соглашения также способствуют вставные конструкции, вводимые с помощью скобок: *(There will be another Regional Commander for the municipalities of Mitrovica South, Skenderaj and Vushtrri) <...> in northern Mitrovica (Mitrovica District Court) (Пр.87).*

Еще одна тактика, реализующая стратегию информирования, – тактика повтора информации, которая заключается в повторении сути соглашения и привлечении к ней внимания. К примеру, мысль о создании «Ассоциации/Сообщества муниципалитетов с сербским большинством» повторяется в семи из пятнадцати пунктах соглашения: *There will be an Association/Community of Serb majority municipalities in Kosovo (Пр.88).*

К синтаксическому средству выражения стратегии информирования относится широкое употребление пассивных конструкций в простом будущем времени: *Legal guarantees will be provided by applicable law and constitutional law <...> Discussions on Energy and Telecoms will be intensified by the two sides and completed by June 15 (Пр.89).* Будущее время описывает события и действия, которые, по мнению медиатора, будут выполнены только после подписания Соглашения. В некотором смысле данная грамматическая категория придает динамичность дискурсивному высказыванию, поскольку подразумевает

продолжение коммуникации между конфликтующими сторонами и медиатором-ЕС.

Единственным пунктом соглашения, где пассивный залог используется не в будущем, а в настоящем времени, является пункт №14, в котором речь идет о главном объединяющем факторе для обеих конфликтующих сторон – о вступлении в Евросоюз: *It is agreed that neither side will block, or encourage others to block, the other side's progress in their respective EU path (Пр.90)*. С помощью настоящего времени информация преподносится как уже достигнутая договоренность. Прагматический эффект данного отрывка текста усиливается за счет прилагательного ‘neither’.

Таким образом, коммуникативные стратегии, встречающиеся в тексте Брюссельского соглашения, сводятся к стратегии информирования и стратегии манипуляции; в меньшей степени – к стратегии самопрезентации, стратегии презентации одной из сторон конфликта (самопровозглашенного Косово) и стратегии объединения. Обращают на себя внимание характерные для официально-делового стиля черты: отсутствие эмоционально-окрашенной лексики, употребление юридических терминов (*additional competences, monitoring function, security structures u m.д.*), активное употребление пассивных конструкций.

В количественном соотношении число пунктов об уступках, на которые должна пойти сербская сторона, значительно превышает число требований к албанской стороне. Несмотря на это, согласно официальным данным, Сообщество сербских муниципалитетов так и не было создано.

Говоря об успешности реализации Брюссельского соглашения, необходимо отметить, что с момента его подписания в 2013 году ни одна из конфликтующих сторон не стала членом Европейского Союза (напомним, что Соглашение рассматривалось как важный шаг на пути к членству в Евросоюзе для обоих субъектов переговорного процесса). Более того, через несколько лет после парафирования Соглашения (31 января 2020 года) Великобритания, – которую в рамках медиативной сессии представляла Верховный представитель

ЕС Кэтрин Эштон, – официально вышла из состава ЕС. Еще один участник переговорного процесса, премьер-министр самопровозглашенного Косово Хашим Тачи, в 2020 году был арестован по обвинению в военных преступлениях и преступлениях против человечности 1998-1999 гг. На данный момент Х. Тачи находится в Гаагской тюрьме в ожидании приговора по десяти пунктам обвинения, среди которых – убийство, насильственное исчезновение людей, преследование и пытки.

Учитывая изложенные выше внешнеполитические факторы, можно заключить, что Брюссельское соглашение не имеет действующей силы. Если вернуться к размышлению о соответствии текста Соглашения описанному в первой главе фрейму «Медиатор», то можно сделать вывод, что в документе отсутствует прямое обоснование, почему Европейский Союз взял на себя обязательства медиатора. Возможно, предполагается, что аргументы в пользу посредничества ЕС были высказаны ранее в выступлениях представителей глобального медиатора – Хиллари Клинтон и Кэтрин Эштон. К сожалению, нельзя говорить и о неукоснительном соблюдении принципа нейтральности: очевидно, что в документе представлена позиция государств-сторонников независимости Косова, в связи с чем адресатам предлагается решение конфликта, выгодное стороне косовских албанцев. Единственная пропозиция первичного фрейма «Медиатор», которая в полной мере находит отражение в Брюссельском соглашении, – это «разработка плана урегулирования конфликта», реализуемая с помощью структуры документа и ряда лексико-грамматических средств.

Таблица 7. Соответствие документа 'Brussels Agreement. First Agreement of Principles Governing the Normalization of Relations' пропозициям фрейма «Медиатор»

Нейтральность	Разработка плана урегулирования конфликта	Компетентность, правомочность медиатора брать на себя роль посредника
- Стратегия манипуляции:	+ Стратегия информирования:	-+ Стратегия самопрезентации:

тактика апелляции к авторитету (примеры №78, №79)	тактика разъяснения (примеры №86, №87)	тактика апелляции к авторитету (примеры №78, №79)
тактика возложения обязательств (примеры №82, №85)	тактика повтора информации (пример №88)	

2.4. “Remarks by President Trump, President Vučić of Serbia, and Prime Minister Hoti of Kosovo in a Trilateral Meeting” («Трехсторонняя встреча президента США Д. Трампа, президента Сербии А. Вучича и премьер-министра Косово А. Хоти», 2020)

Следующей попыткой урегулирования Косовского конфликта стало устное заявление Дональда Трампа (“Remarks by President Trump, President Vučić of Serbia, and Prime Minister Hoti of Kosovo in a Trilateral Meeting”), высказанное им 4 сентября 2020 года перед подписанием соглашения об экономическом сотрудничестве (подписывали президент Республики Сербия Александр Вучич и премьер-министр самопровозглашенного Косова Авдулла Хоти).

Наиболее явно в заявлении используется стратегия самопрезентации – самого Д. Трампа и его администрации – реализуемая с помощью личных и притяжательных местоимений первого лица: *I’m pleased to announce a truly historic commitment; my administration proposed a new way of bridging the divide; we’re going to be working with them...; We’ve also made additional progress; I want to thank you both (Пр.91)*. Характерно, что все высказывания объединяет исключительно позитивная самопрезентация.

Положительная оценка действий собственной администрации, наряду с которой встречается и дискредитация действий других посредников (*Пр.92 and years of failed negotiations*), служит обоснованием выдвижения США (т.е. президента Трампа и его администрации) на роль медиатора в данном конфликте.

В качестве еще одного довода, почему кабинет президента может заниматься урегулированием конфликта, приводится аргумент, который затрагивает сербов и албанцев, проживающих на территории США: *And I can say that Serbia and Kosovo have tremendous numbers of people in the United States (Пр.93)*. Данное утверждение можно отнести как к стратегии самопрезентации, так и к стратегии объединения, поскольку «глобальный медиатор»-США не просто выставляет себя как сильное государство, где проживают представители конфликтующих сторон, но и показывает, что они могут сосуществовать мирно, не конфликтуя.

В аспекте стратегии объединения обращает на себя внимание тактика отыскивания общего «знаменателя» для противоборствующих сторон, которым в данной ситуации выступает экономика: *Serbia and Kosovo have each committed to economic normalization...; By focusing on job creation and economic growth, the two countries were able to reach a major breakthrough...; And we're going to be working with them on economic cooperation (Пр.94)*.

Особо выделяется тактика поощрительной оценки политических руководителей, присутствующих на подписании соглашения. Обилие ярких эпитетов, которые характеризуют действия президента Республики Сербия Александра Вучича и премьер-министра самопровозглашенного Косова как смелые, правильные и способствующие безопасности в регионе, также помогают процессу объединения: *That's fantastic. That's a big thing. That's a very big statement <...> It's taken tremendous bravery by the President of Serbia and the President [Prime Minister] of Kosovo; two highly respected people; By doing so, they've made their countries, the Balkans, really, an incredible area of some of the most beautiful land in the world. <...> But they've made the world safer. <...> But we're very proud of these two great leaders and for getting this done. And their people are very proud of them, maybe more importantly (Пр.95)*.

Наряду со стратегиями самопрезентации и объединения в тексте имеет место и стратегия манипулирования, которая реализуется в речи теми же средствами, что встречались в проанализированном выше «Брюссельском

соглашении». Так, Дональд Трамп говорит о конфликтующих сторонах как об отдельных государствах: *And I can say that Serbia and Kosovo...; I look forward to seeing Serbia and Kosovo prosper (Пр.96)*... Тем самым, правительство США, признавшее «независимость Косова» в 2008 году, пропагандирует данную точку зрения на международной арене, что противоречит уставу ООН и косвенно защищает интерес албанской стороны.

В связи с этим вполне ожидаемым предстает отсутствие ссылок на правовые документы и постановления международных организаций, созданных для поддержания и укрепления международного мира и безопасности [Прийма 2026: 562]. Также в тексте не зафиксирована информация об истоках конфликта, отсутствуют ссылки на исторические факты. Единственным правомочным медиатором, имеющим право предлагать свою повестку для разрешения не только косовского кризиса (*Пр.97 I'm pleased to announce a truly historic commitment...; This is a truly historic day...*), но и других и международных конфликтов (*Пр.98 I think we're going to have great peace in the Middle East*) представлена администрация самого Дональда Трампа.

Однако упомянутые выше обобщения и отсутствие отсылок к историческому и геополитическому контексту (*Пр.99 They've been working on this for many, many years — decades, actually. After a violent and tragic history, and years of failed negotiations*), а также некоторые оговорки (премьер-министр самопровозглашенного Косова по ошибке назван “*President of Kosovo*”) ставят под сомнение наличие у автора высказывания фоновых знаний о «косовском вопросе» и участниках конфликта.

Отметим использование высокопарной лексики (*a truly historic day* и т.д.) в выступлении, что несколько противоречит принципу нейтральности медиации, однако объясняется устным характером выступления и индивидуальным стилем конкретного оратора. Данная коммуникативная особенность соотносима с использованием прилагательных-интенсификаторов в выступлениях Хиллари Клинтон, предваряющих Брюссельское соглашение.

Таким образом, основными медиаторными стратегиями в устном заявлении “Remarks by President Trump, President Vučić of Serbia, and Prime Minister Hoti of Kosovo in a Trilateral Meeting” являются стратегия самопрезентации, стратегия объединения и стратегия манипулирования, что вполне соответствует стратегиям, выявленным в предыдущих примерах. Выступление Д. Трампа в меньшей степени соответствует пропозициям первичного фрейма «Медиатор», что отражено в таблице ниже.

Таблица 8. Соответствие выступления ‘Remarks by President Trump, President Vučić of Serbia, and Prime Minister Hoti of Kosovo in a Trilateral Meeting’ пропозициям фрейма «Медиатор»

Нейтральность	Разработка плана урегулирования конфликта	Компетентность, правомочность медиатора брать на себя роль посредника
- Стратегия манипуляции: о конфликтующих сторонах говорится как об отдельных государствах (пример №96)	-	-+ Стратегия самопрезентации: (примеры №91, №92)

2.5. “Franco-German plan to resolve the Kosovo-Serbia dispute” («Франко-германский план урегулирования спора между Косово и Сербией, 2022)»

«Франко-германский план урегулирования спора между Косово и Сербией» (“Franco-German plan to resolve the Kosovo-Serbia dispute”, 2022) представляет собой более структурированный документ из 9 пунктов.

В качестве медиатора в данном случае выступают сразу два государства – Французская Республика и Федеративная Республика Германия, которые предлагают свой вариант решения конфликта. Необходимо отметить, что обоснования для выдвижения себя на роль посредника в документе не представлены, что не только не соответствует принципам сформированного на начальном этапе исследования фрейма, но и значительно снижает убедительность представленных в плане тезисов.

Единственным косвенным аргументом в пользу назначения себя медиаторами является упоминание в плане такого объединения как Европейский Союз, членство в котором, по мнению составителей документа, представляет интерес и для Сербии, и для самопровозглашенного «Косово». Скорее всего авторы уверены, что Германия и Франция как давние члены ЕС и исторически наиболее сильные европейские страны имеют право предлагать собственные пути решения конфликта, а участники конфликта должны прислушаться к ним, поскольку априори стремятся в этот союз вступить. Таким образом, медиатор использует тактику создания образов союзников – противоборствующие стороны объединены общим стремлением: *Kosovo and Serbia will be guided by their mutual aspirations to EU membership (Пр.100)*.

Однако данную тактику можно отнести не только к стратегии объединения, но и к стратегии манипулирования – то есть к игре на потребностях конфликтующих сторон принадлежать к какой-либо значимой группе, «закрытому клубу» (в данной ситуации – к Европейскому Союзу) [Прийма 2025а: 770].

Манипуляционные тактики зримо прослеживаются во всех пунктах Плана, поскольку в каждом из них Косово и Сербия упоминаются как отдельные государства (*Пр.101 Kosovo and Serbia shall develop normal..., Kosovo and Serbia will be guided..., Kosovo and Serbia proceed on the assumption...*). С помощью такой тактики преднамеренного искажения фактов составители Плана воздействуют на реципиентов, представляя территориальный раздел Косова и Сербии как общепризнанный, юридически закрепленный, факт. Выше мы уже говорили о том, что это противоречит международному праву и резолюциям ООН.

Можно предположить, что именно поэтому в анализируемом Плане отсутствует тактика апелляции к конкретному авторитету. В документе ни разу не упоминается Организация Объединенных Наций, которая при решении споров международного характера играет решающую роль.

Кроме того, манипулятивный потенциал наблюдается в самом названии документа (**Пр.102** “*Franco-German plan to resolve the Kosovo-Serbia dispute*”), где при помощи глагола ‘*to resolve*’ вводится указание на готовность Франции и Германии окончательно решить существующий политико-территориальный спор. Указанный глагол имеет семантический оттенок, свидетельствующий, что «принятие решения сопровождается его реализацией, а также началом действия как такового» [Куцевич 2013: 17]. В документах аналогичной тематики и медиативной направленности (например, «Заявление МИД России по косовскому урегулированию», «Позиция Китая по политическому урегулированию украинского кризиса») обнаруживаем менее категоричный посыл медиатора и меньший градус его вовлеченности (ср. глагол ‘*to resolve*’ с глаголом ‘*to settle*’ и его производным – существительным ‘*settlement*’): “Statement by Russia's Ministry of Foreign Affairs on Kosovo Settlement”, “China’s Position on the Political Settlement”. Франция и Германия же, как увидим далее, считают себя правомочными медиаторами, чья вовлеченность в процесс решения конфликта является значительно более глубокой.

Используемый на протяжении всего документа модальный глагол *shall* (**Пр.103** *Kosovo and Serbia shall exchange Permanent Missions..., They shall be established at the respective Government’s seat*) семантически отличается категоричным долженствованием, что еще раз подтверждает уверенность медиаторной стороны в правильности предлагаемых ею действий по урегулированию конфликта.

С другой стороны, в анализируемом Плате немалое место занимает и упомянутая выше стратегия объединения. Она реализуется посредством используемых на протяжении всего документа лексем, апеллирующих к «общности интересов», осуществлению совместных действий и равноправному сотрудничеству: *each other based on equal rights, mutual aspirations, by both parties, mutual respect, cooperation* (**Пр.104**).

Помимо этого, в документе активно используется и тактика отсылки к достигнутым ранее договоренностям, причем в качестве договорной базы План

навязывает не те соглашения, что относятся к конкретному конфликту, а те, которые каждая из сторон подписала с Евросоюзом для получения статуса кандидата. Так, например, Евросоюз в лице Франции и Германии требует от конфликтующих сторон обоюдного воздержания от угрозы применения силы: *In conformity with the SAA [Stabilisation and Association Agreements] signed by both parties, Kosovo and Serbia shall settle any disputes between them exclusively by peaceful means and refrain from the threat or use of force (Пр.105)*. Таким образом, в планируемое будущее соглашение о нормализации отношений вводятся все новые и новые пункты.

Отметим, что проанализированная ранее тактика преднамеренного искажения фактов не только соблюдается авторами Плана, но и получает более хитросплетенные формы. Так, в отличие от ряда предыдущих соглашений, данный План на первый взгляд «равноправен», т.е. требует от одной стороны точно того же, что и от другой. Но уже с 4 пункта для объективного исследователя очевиден перекокс: *Kosovo and Serbia proceed on the assumption that neither of the two parties can represent the other in the international sphere nor act on its behalf; Kosovo and Serbia proceed on the mutual respect of each party's jurisdiction (Пр.106)*.

Вполне понятно, что никому не известное и далеко не всеми признанное Косово не смогло бы представлять всю Сербию на международной арене, то есть с принятием этого пункта Плана Косово ничего не теряет. В то время как Сербия окончательно теряет даже формальное право на Косово, не имея возможности ни в каком виде числить его своим. «Равноправие» договора оборачивается бесцеремонным требованием дальнейших уступок от одной Сербии.

Таким образом, основными дискурсивными стратегиями, применяемыми в документе “Franco-German plan to resolve the Kosovo-Serbia dispute”, являются стратегия объединения и стратегия манипулирования, которые пересекаются между собой и зачастую реализуются посредством идентичных тактик.

Если говорить о соответствии текста описанному нами фрейму «медиатор», то обращает на себя внимание, что за внешним соблюдением в документе существенного медиационного принципа «нейтральности» выявляется скрытая тенденциозность и прагматика: с помощью разнообразных языковых средств адресату «навязывается» такой исход конфликта, который выгоден данному медиатору. Кроме того, в тексте отсутствует открытое обоснование, почему Франция и Германия могут выступать в роли медиатора и предлагать свои способы решения косовского конфликта.

Таблица 9. Соответствие документа 'Franco-German plan to resolve the Kosovo-Serbia dispute' пропозициям фрейма «Медиатор»

Нейтральность	Разработка плана урегулирования конфликта	Компетентность, правомочность медиатора брать на себя роль посредника
- Стратегия манипуляции: тактика преднамеренного искажения фактов (примеры №101, №106)	+	-+ Упоминание Европейского Союза (пример №100)

“Декларација о реинтеграцији Косова и Метохије у уставно-правни поредак Србије” («Декларация о реинтеграции Косова и Метохии в конституционно-правовой порядок Сербии»), опубликованная 4 октября 2022 года, является ответной реакцией на рассмотренный ранее «Франко-германский план урегулирования спора между Косово и Сербией». Данный документ предложен сербским оппозиционным движением “Покрет за одбрану Косова и Метохије” и, в отличие от рассмотренных ранее в настоящей работе заявлений, опубликован на сербском языке. На наш взгляд, анализ сербоязычного материала поможет высветить некоторые лингвокультурные особенности англоязычного дискурса медиации или выявить их отсутствие. Кроме того, представляется важным охватить всю массу однотипных медиационных документов по Косовскому конфликту с целью изучения полной «медиационной картины» и понимания исторической перспективы.

Перед нами любопытный пример медиатора, который напрямую соотносится с одной из сторон конфликта (Сербией), однако наделяет себя медиаторными полномочиями на правах юридически нейтрального участника. При этом очевидна его лингвокультурная детерминированность [Прийма 2025б: 1096].

Текст изобилует отсылками к юридическим категориям, первая из которых упоминается в заголовке: *Декларација о реинтеграцији Косова и Метохије у уставно-правни поредак Србије (Пр.107)*. Как видно, медиатор предлагает способы решения конфликта иного порядка, чем в рассмотренных ранее примерах. Для авторов документа не стоит вопрос территориальной принадлежности Косова – речь идет о конституционно-правовом регулировании Сербией положения в этом крае. То есть в аспекте конфликта глобального уровня (Кому принадлежит Косово?) применяется тактика аксиоматичности (Косово – это Сербия), относящаяся к стратегии убеждения.

Сохранению принципа нейтральности и созданию благоприятного образа медиатора способствует упомянутая ранее тактика апелляции к авторитету, при помощи которой также реализуется стратегия убеждения. Отметим, что в качестве авторитета в Декларации представлена не только резолюция Организации Объединенный Наций, но и нормативно-правовые акты, такие как Конституция Сербии: *Полазећи од Резолуције 1244 и Устава Републике Србије / русск. Исходя из Резолюции 1244 и Конституции Республики Сербия (Пр.108)*. Отсылка к Конституции Сербии косвенно объясняет, почему сербское движение «Покрет за одбрану Косова и Метохије» претендует на роль посредника.

Любопытно, что сторонние силы – внешние участники конфликта (такие как Европейский Союз, США, страны-члены НАТО) – в отличие от предыдущих документов, не упоминаются в тексте Декларации. В этом случае также используется тактика апелляции к авторитету и нормам права: *Нико нема ни право ни легитимитет да потписује било какве међународно обавезујуће документе супротне Уставу Србије / русск. Никто не имеет ни права, ни*

легитимности подписывать какие-либо международные, юридически-обязывающие, документы, противоречащие Конституции Сербии (Пр.109).

Наряду с отсылками к правовым нормам, авторы Декларации апеллируют к такому лингвокультурологическому феномену как «Косовский завет»: *...верни Косовском завету, истичемо да је једино прихватљиво решење за државу Србију / верные Косовскому завету, подчеркиваем, что единственное приемлемое решение для государства Сербия (Пр.110).* Под Косовским заветом понимается предание о Святом князе Лазаре – предводителе сербского войска во время Косовского сражения 28 июня 1389 года. Согласно этому преданию, перед сражением князю было открыто, что он может выбрать либо царство земное, либо Царство Небесное. При выборе царствия земного, сербское войско выигрывает битву, и Сербия будет процветать до тех пор, пока князь Лазарь жив. В случае выбора Царствия Небесного, «Сербия будет побеждена, но никогда не потеряет православную веру и сохранит свое место в Царствии Небесном» [Гаркавенко 2012: 3]. Очевидно, что выбор Царствия Небесного определил «духовный путь» Сербии как государства, который на протяжении всей истории подразумевался как единственно верный и который в рассматриваемом документе представлен как не менее значимый, чем резолюция ООН и Конституция Республики Сербии.

Знание исторического контекста и отсылки к юридическим документам придают убедительность аргументам, приводимым в Декларации. Также обращает на себя внимание использование нейтрального стиля и отсутствие оценочной лексики по отношению к противоположной стороне конфликта, что, отметим, не всегда наблюдается даже в текстах, составленных третьей стороной.

Стоит, однако, отметить наличие литературных эпитетов, посредством которых описывается текущее состояние конфликта: *тежина тренутка, одсудни час, слободна Србија, праведно решење (серьезность момента, решающий час, свободная Сербия, праведное решение) (Пр.111)...* Такая

лексика придает известную пафосность теме и подчеркивает ее значимость в глазах читателя.

Наряду со стратегией убеждения в Декларации присутствует стратегия объединения, которая реализуется при помощи тактики описания совместного будущего и способов сосуществования конфликтующих сторон. Подразумевается решение конфликта путем сохранения региона Косово и Метохия в составе Республики Сербии, поэтому противоположная сторона конфликта именуется посредством сочетания «косовские албанцы». Албанское население края включается в ряд равноправных граждан, которые в составе Республики Сербии имеют те же права, что и сербское население: *отварање дијалога са представницима косовских Албанаца / начало диалога с представителјима косовских албанцав (Пр.112).*

Противоборствующей стороне предлагается налаживание диалога об установлении верховенства права, который повлияет на «общее будущее» всех этнических групп: *Спремни смо за отварање дијалога са представницима косовских Албанаца о изградњи поретка владавине права за све етничке заједнице и све грађане и начинама на који ће се уставно-правна реинтеграција обавити на заједничку будућност / Мы готовы начать диалог с представителјима косовских албанцав о построении порядка верховенства закона для всех этнических общин и всех граждан и о способах осуществления конституционно-правовой реинтеграции – на благо общего будущего (Пр.113).*

Следовательно, основными стратегиями, применяемыми в «Декларации о реинтеграции Косова и Метохии в конституционно-правовой порядок Сербии», является стратегия убеждения и стратегия объединения. Важно отметить, что несмотря на субъективное отношение к конфликту, авторам Декларации удалось сохранить позицию нейтральности и, предлагая свой вариант разрешения противоречий, избежать прямого использования манипулятивных стратегий и тактик.

Таблица 10. Соответствие документа 'Декларација о реинтеграцији Косова и Метохије у уставно-правни поредак Србије' пропозицијам фрейма «Медиатор»

Нейтральность	Разработка плана урегулирования конфликта	Компетентность, правомочность медиатора брать на себя роль посредника
+	+	-+

Выводы к главе 2

Вторая глава диссертации посвящена исследованию языковой репрезентации медиаторных стратегий и тактик при урегулировании Косовского конфликта. В главе приводится дискурсивный анализ четырех письменных заявлений и семи устных (в общей сложности – 113 дискурсивных элементов; полные тексты письменных заявлений и транскрипты устных выступлений представлены в разделе «Приложения»), посвященных решению Косовского конфликта. Исследование языковых механизмов реализации медиаторного воздействия позволяет сделать следующие выводы:

1. Основными дискурсивными инструментами медиатора в ситуации урегулирования конфликта в Косово являются стратегия объединения (консолидации), стратегия дискредитации, стратегия манипуляции, стратегия самопрезентации, стратегия убеждения, стратегия презентации конфликтующей стороны, стратегия информирования. Данные стратегии актуализируются с помощью разнообразных тактик, среди которых – тактика призыва к коллективной ответственности, тактики описания потенциальных угроз, тактика авторитетного заявления, тактика выдвигания условий, тактика положительной оценки и другие. Для большей наглядности все тактики, выявленные в ходе анализа, продемонстрированы в Таблице №11.

Таблица 11. Тактики дискурса медиации в ситуации урегулирования Косовского кризиса

Название документа/ выступления	Statement by Russia's Ministry of Foreign Affairs on Kosovo Settlement	Meeting With Staff and Families of Embassy Belgrade	Joint Press Statements by Secretary of State Hillary Rodham Clinton, Serbian Prime Minister Ivica Dacic, and EU High Representative Cathy Ashton (C.Ashton)	Joint Press Statements by Secretary of State Hillary Rodham Clinton, Serbian Prime Minister Ivica Dacic, and EU High Representative Cathy Ashton (H.Clinton)	Remarks With Kosovo Prime Minister Hashim Thaci and EU High Representative Catherine Ashton (H.Clinton)	Remarks With Kosovo Prime Minister Hashim Thaci and EU High Representative Catherine Ashton (C.Ashton)	Meeting with Embassy Pristina Staff and their Families	Brussels Agreement. First Agreement of Principles Governing the Normalization of Relations	Remarks by President Trump, President Vučić of Serbia, and Prime Minister Hoti of Kosovo in a Trilateral Meeting	Franco-German plan to resolve the Kosovo-Serbia dispute	Декларација о реинтеграцији Косова и Метохије у уставно-правни поредак Србије
Тактики											
статусно-ролевая тактика				+							
тактика (пред)намеренного искажения фактов				+							
тактика авторитетного заявления		+									
тактика аксиоматичности											+
тактика апелляции к авторитету	+							+			+
тактика возложения обязательств								+			
тактика всеобщей заинтересованности в разрешении конфликта			+								
тактика выдавания частного за целое		+									
тактика выдвижения условий		+									
тактика драматизации			+		+						
тактика критики альтернативных медиаторов	+								+		
тактика маскировки тенденциозности медиатора				+							
тактика обещания + тактика поддержки					+	+					
тактика осведомленности							+				
тактика отсылки к достигнутым ранее договоренностям										+	
тактика переакцентуации		+									
тактика повторения			+								
тактика подмены информации				+							
тактика		+			+	+	+		+		

положительной оценки												
тактика помощника					+							
тактика построения перспективы						+						
тактика поэтапного навязывания своих целей				+								
тактика призыва к коллективной ответственности	+											
тактика противопоставления	+											
тактика разъяснения								+				
тактика рекомендации и пожеланий					+							
тактика собственной вовлеченности в медиаторный процесс				+								
тактика создания образов союзников + тактики описания совместного будущего + тактика отыскивания общего «знаменателя» для противоборствующих сторон+ тактика проектирования благоприятного совместного будущего				+					+	+	+	
тактика создания имиджа друга				+								
тактика умолчания		+										
тактика уступки				+				+				
тактики описания потенциальных угроз	+											

2. Репрезентация выявленных коммуникативных стратегий и тактик осуществляется за счет разных языковых средств, среди которых наиболее распространены: использование оценочных лексем в сочетании с интенсификаторами (примеры №15, 61, 65); употребление экспрессивных средств на разных уровнях языковой системы (экспрессивная лексика, лексический повтор и синтаксический параллелизм – пример №67); использование анафорических высказываний (примеры №16, 35, 45, 46, 63, 74); употребление модальных глаголов со значением строгой необходимости и категоричного долженствования (примеры №7, 17, 36, 82, 103).

3. Несмотря на то, что медиаторные стратегии и тактики реализуются разными способами у авторов высказываний, языковые механизмы их реализации зачастую повторяются у одного и того же медиатора в рамках различных выступлений. Так, одним из наиболее частых способов вербализации коммуникативных тактик в выступлениях Х. Клинтон являются анафорические высказывания.

4. Соответствие проанализированных высказываний узлам смоделированного нами в первой главе первичного фрейма «Медиатор» частично подтвердилось при рассмотрении примеров посредством дискурс-анализа. В Таблице №12 отображено, за счет каких тактик реализуется «соответствие» или «несоответствие» той или иной пропозиции фрейма.

Таблица 12. Соответствие медиационных сессий, посвященных урегулированию Косовского конфликта, узлам первичного фрейма «Медиатор»

Узлы первичного фрейма	Statement by Russia's Ministry of Foreign Affairs on Kosovo Settlement	Meeting With Staff and Families of Embassy Belgrade	Joint Press Statements by Secretary of State Hillary Rodham Clinton, Serbian Prime Minister Ivica Dacic, and EU High Representative Cathy Ashton (C.Ashton)	Joint Press Statements by Secretary of State Hillary Rodham Clinton, Serbian Prime Minister Ivica Dacic, and EU High Representative Cathy Ashton (H.Clinton)	Remarks With Kosovo Prime Minister Hashim Thaci and EU High Representative Catherine Ashton (H.Clinton)	Remarks With Kosovo Prime Minister Hashim Thaci and EU High Representative Catherine Ashton (C.Ashton)	Meeting with Embassy Pristina Staff and their Families	Brussels Agreement. First Agreement of Principles Governing the Normalization of Relations	Remarks by President Trump, President Vučić of Serbia, and Prime Minister Hoti of Kosovo in a Trilateral Meeting	Franco-German plan to resolve the Kosovo-Serbia dispute	Декларација о реинтеграцији Косова и Метохије у уставно-правни поредак Србије
позиция нейтральности	+ тактика апелляции к авторитету	-	- тактика драматизации	- тактика намеренного искажения фактов; тактика маскировки тенденциозности медиатора; тактика подмены информации; тактика поэтапного навязывания своих целей	- тактика положительной оценки	- тактика положительной оценки	- тактика положительной оценки	- тактика возложения обязательств	+	-	+ тактика апелляции к авторитету
разработка плана урегулирования конфликта	+	-	-	-	-	-	-	+	-	+	+
компетентность/ правомочность	+	-	+ тактика всеобщей заинтересованности	+ тактика собственной вовлеченности	-	-	-+ тактика осведомленности	-+ тактика апелляции к критическим альтернативным	тактика критики альтернативных	-	+

медиатора брать на себя роль посредника			ванности в разрешении конфликта	ности в медиаторный процесс тактика создания имиджа друга				автори тету	медиа торов		
---	--	--	---------------------------------	---	--	--	--	-------------	-------------	--	--

5. Дискурсивный инструментарий, встречающийся в примерах, схож, несмотря на лингвокультурную принадлежность медиатора. Данный тезис подтверждается с помощью анализа сербоязычного материала («Декларация о реинтеграции Косова и Метохии в конституционно-правовой порядок Сербии»), в рамках которого выделяются те же коммуникативные стратегии, что и при анализе англоязычного материала.

6. Экстралингвистические факторы, такие как внешнеполитическая идеология государства (политической партии), представителем которого является медиатор, определенным образом влияют на выбор медиатором коммуникативных стратегий и тактик.

7. Если говорить о результативности проанализированных медиационных сессий с точки зрения полного урегулирования Косовского конфликта, то ни одно из высказываний нельзя считать «успешным», т.к. ни одно из них не привело к окончательному решению кризиса. Даже подписанные двумя конфликтующими сторонами соглашения (например, «Брюссельский договор» и «Франко-германский план урегулирования спора между Косово и Сербией») не имеют действующей силы. Фреймовая модель «Медиатор», при всей своей «идеалистичности», позволяет нам увидеть успехи и недочеты медиаторов.

ГЛАВА 3. ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МЕДИАТОРНЫХ СТРАТЕГИЙ И ТАКТИК ПРИ УРЕГУЛИРОВАНИИ УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА

Для анализа языковых особенностей реализации медиаторных стратегий и тактик в сфере урегулирования Украинского конфликта нами был отобран ряд англоязычных заявлений медиационного характера, сделанных в период с 24 февраля 2022 года до 1 декабря 2025 года. Хочется подчеркнуть, что автор данного исследования полностью поддерживает внешнюю политику Российской Федерации, использует в работе цитаты исключительно для полноценного анализа высказываний потенциальных медиаторов и осуждает любую дискриминацию российской истории и армии. Приведенные цитаты из англоязычных заявлений ранее были опубликованы на сайтах государственных информационных агентств России и в данной работе имеют не декларативный, а чисто информативный характер.

3.1. Публикации И. Маска (2022)

Попытки урегулирования Украинского конфликта, острая фаза которого началась 24 февраля 2022 года, осуществлялись практически с самого начала Специальной военной операции.

Первым в публичном поле со своим предложением выступил Илон Маск. Его публикации в социальной сети Twitter появились 3 октября 2022 года – за два года до того, как Маск поддержал президентскую кампанию Дональда Трампа и кампанию Республиканской партии США. Можно предположить, что уже в 2022 году Илон Маск намеревался выдвинуть идею о США как о глобальном медиаторе в Украинском конфликте.

Несмотря на то, что высказывания в социальных сетях не ограничены формально-структурными особенностями, в публикациях И. Маска октября 2022 года наблюдается определенная структура подачи материала: в первой публикации представлен четкий список предложений по урегулированию конфликта. План Маска включает 4 пункта, а также опрос для подписчиков касательно того, поддерживают ли они такой вариант решения конфликта.

В первом пункте медиатор-Маск предлагает повторное проведение выборов в четырех регионах, вошедших в состав Российской Федерации 30 сентября 2022 года (Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская и Херсонская области): *Redo elections of annexed regions under UN supervision. Russia leaves if that is will of the people (Пр.114)*. Следует отметить, что при помощи оценочной лексемы ‘annexed’ медиатор выражает свое отношение к статусу этих регионов после их воссоединения с Россией и уже состоявшихся внутренних референдумов о вхождении в ее состав. Как справедливо отмечает С. А. Маник, семантика глагола ‘to annex’ всегда несет в себе аспект идеологической оценки [Маник 2015: 127]. Однако предвзятость И. Маска некоторым образом компенсируется за счет отсылки к такому авторитету как Организация Объединенных Наций. Подразумевается, что если повторное голосование под наблюдением ООН продемонстрирует те же результаты, что и прошедшие внутренние референдумы, то четыре названных региона будут признаны частью Российской Федерации со стороны мирового сообщества. Отметим также, что в первом пункте своего плана И. Маск делает упор на волеизъявление народа ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей. Тактику отсылки к демократическим ценностям (таким как воля народа) совместно с тактикой апелляции к авторитету (ООН) можно отнести к стратегии убеждения, которая находит проявление и во втором пункте плана.

Второй пункт плана затрагивает такой важный аспект, как статус Республики Крым. В качестве предложения выносится на обсуждение вопрос об официальном признании республики частью России. Напомним, что после воссоединения Крыма с Россией, большинство западных государств отказалось признавать его равноправным субъектом Российской Федерации. Илон Маск в своем плане апеллирует к историческому контексту, указывая на то, что полуостров Крым был частью России с 1783 года: *Crimea formally part of Russia, as it has been since 1783 (until Khrushchev's mistake) (Пр.115)*. Осведомленность медиатора-Маска проявляется не только в указании даты присоединения

Крымского ханства к Российской империи манифестом Екатерины II, но и в оценке советского периода: в 1954 году Указом Президиума ВС СССР была осуществлена передача Крымской области из состава РСФСР в состав УССР. Первым секретарем ЦК КПСС и одним из инициаторов указа был Н. С. Хрущев, действия которого И. Маск с помощью лексемы 'mistake' расценивает как «ошибку» (*until Khrushchev's mistake*).

Следует отметить, что далеко не в каждом выступлении или заявлении медиаторного характера наблюдается знание исторического контекста со стороны медиатора. В рассмотренных в предыдущей главе высказываниях отсылка к фактам истории встречается лишь единожды – в документе «Декларация о реинтеграции Косова и Метохии в конституционно-правовой порядок Сербии» (пример №110), где упоминание такого лингвокультурологического феномена как «Косовский завет» придает большую убедительность приводимым аргументам и повышает статус посредника. Напрашивается вывод, что тактика отсылки к историческому контексту не просто поднимает значимость сказанного в разбираемом нами тексте, но и демонстрирует компетентность потенциального медиатора (в данном случае – Илона Маска). Следовательно, посредством данной тактики актуализируются коммуникативная стратегия убеждения и в меньшей степени – стратегия самопрезентации.

Третий пункт предложения И. Маска также касается Республики Крым, а именно – обеспечения нормальных условий жизнедеятельности в данном регионе: *Water supply to Crimea assured (Пр.116)*. С момента присоединения Крыма к России украинские власти неоднократно перекрывали поступление пресной воды на Крымский полуостров из реки Днепр через Северо-Крымский канал. Информированность Маска относительно такой детали как водоснабжение в Крыму, а также защита общечеловеческих потребностей, положительно сказываются на создании образа компетентного и участливого медиатора. Как видим, даже без прямого упоминания «заслуг» США как потенциального глобального медиатора и без перечисления собственных

регалий и достижений, Маску удастся реализовать стратегию самопрезентации в качестве адекватного посредника, которая состоит лишь в демонстрации ключевых знаний относительно зон напряженности в конфликте, где он претендует на медиаторную роль.

Наконец, последний пункт мини-плана И. Маска касается «внеблокового» статуса Украины: *Ukraine remains neutral (Пр.117)*. Поскольку медиатор использует именно глагол ‘remain’ в значении «оставаться» [Oxford Learner’s Dictionary] (а не такие лексемы как ‘become’, ‘stay’ и т.п.), следует понимать, что он знаком с утвержденной в 1990 году Декларацией о государственном суверенитете Украины, которая предусматривает отказ от участия в военных альянсах и размещения иностранных баз на своей территории. Понимание геополитической обстановки, а также скрытое подтверждение того, что медиатору-Маску известен официально признанный нейтральный (внеблоковый) статус Украины, – вновь свидетельствуют о тактике ссылки на исторический контекст. Нельзя сказать, что данная тактика выражается имплицитно, однако ее присутствие, так же как и актуализация с ее помощью стратегий убеждения и самопрезентации, – очевидны.

С точки зрения языковых особенностей публикацию И. Маска отличает использование обезличенных конструкций со значением предписания, приказа и необходимости (*Redo elections of annexed regions under UN supervision; Water supply to Crimea assured*), а также использование придаточного условия для отсылки к демократическим ценностям (волеизъявлению народа): *Russia leaves if that is will of the people*.

Принцип «демократичности» соблюдается и в самом формате публикации Илона Маска: подписчикам предлагается выразить свое мнение – проголосовать «за» или «против» предложенного медиатором плана.

Таким образом, в краткой по своей сути публикации в социальной сети потенциальный медиатор-Маск не только затрагивает ряд важных вопросов, имеющих целью урегулирование Украинского конфликта, но и привлекает к данной проблеме общественность.

Вовлечение пользователей социальных сетей в процесс обсуждения украинского кризиса наблюдается и в следующей публикации И. Маска, которая была выпущена также 3 октября 2022 года, спустя несколько часов после обнародования Плана. Эта публикация вновь состоит из опроса: *Let's try this then: the will of the people who live in the Donbas & Crimea should decide whether they're part of Russia or Ukraine (Пр.118)*. Отметим, что вторая попытка объединения мнений читателей в опросе вновь содержит отсылку к таким демократическим ценностям, как право выбора. Поскольку привлечение общественности к медиаторному процессу не является частой ситуацией, можно предположить, что данный прием используется И. Маском лишь с целью продвижения своего аккаунта в социальных сетях и увеличения охватов. Однако существует вероятность, что мы имеем дело с первыми попытками применения в медиаторной сессии новых возможностей социальных медиа, которые не были доступны в традиционных средствах массовой информации.

В заключительной на момент 3 октября 2022 года публикации, касающейся решения Украинского конфликта, И. Маск высказывает свое мнение в более категоричной форме. С помощью тактики угрозы, которая реализуется посредством условного предложения, он сообщает, что в России будет объявлена полная военная мобилизация, в случае если под угрозой окажется территория Крымского полуострова: *They go to full war mobilization if Crimea is at risk (Пр.119)*. Предполагается, что, используя метод запугивания, И. Маск преследует цель убедить адресата выполнить конкретное действие – заключить перемирие.

Обращает на себя внимание еще одна тактика, используемая в рамках стратегии убеждения, – тактика описания потенциальных последствий: *Death on both sides will be devastating. Russia has >3 times population of Ukraine, so victory for Ukraine is unlikely in total war (Пр.120)*. Обращение к «чувственной стороне» конфронтации, к наивысшей нравственной ценности – жизни, направлено на то, чтобы донести до реципиентов мысль о бессмысленности конфликта, несущего массовую гибель людей.

Ценность человеческой жизни подчеркивается и в последнем предложении рассматриваемой публикации, где с помощью придаточного условия и формы императива И. Маск призывает стремиться к мирному урегулированию конфликта: *If you care about the people of Ukraine, seek peace (Пр.121).*

Таким образом, в высказываниях И. Маска имеют место две стратегии – стратегия убеждения и самопрезентации. Несмотря на то, что предложение Илона Маска выдвинуто в нетипичной для медиации форме (посредством публикаций в социальных сетях), оно в целом соответствует узлам смоделированного нами фрейма «Медиатор». В трех публикациях И. Маска фигурирует определенный план действий для решения конфликта, скрытое обоснование, почему автор плана может выступать в качестве медиатора, а также относительно нейтральная позиция составителя плана. Отметим также, что в рассматриваемых примерах медиаторная сессия впервые включает в себя обращение к широкой общественности (в основном – к гражданам США) и имитацию их прямого участия в решении конфликта. Безусловно, «поддержка» со стороны пользователей интернета укрепляет позицию медиатора, который из «индивидуального» (только Маск) становится «глобальным» (Маск и большая часть населения США). Кроме того, количество подписчиков и участников опроса является еще одним косвенным обоснованием, почему И. Маск может претендовать на роль медиатора – по причине его широкой известности.

Однако нельзя забывать и о некоторых внешних факторах, которые в определенном смысле подрывают авторитет И. Маска как медиатора в Украинском кризисе. И. Маск является основателем, генеральным директором и главным инженером компании SpaceX, которая занимается программой “Starlink”. Вскоре после начала Специальной военной операции И. Маск предоставил украинской стороне доступ к системе спутникового интернета “Starlink” и отправил в страну две партии терминалов “Starlink”, аккумуляторы, адаптеры питания для автомобильных зажигалок, солнечные батареи и генераторы [ТАСС 2022: электронный ресурс]. На сегодняшний день, система

искусственных спутников “Starlink” используется украинскими подразделениями для коммуникации в зоне боевых действий. Прямая помощь одной из сторон конфликта, безусловно, ослабляет нейтральный статус медиатора-Маска и ставит под сомнение его «объективную» позицию по решению украинского кризиса.

Таблица 13. Соответствие публикаций Илона Маска пропозициям фрейма «Медиатор»

Нейтральность	Разработка плана урегулирования конфликта	Компетентность, правомочность медиатора брать на себя роль посредника
+	+	+ Стратегия самопрезентации: тактика апелляции к историческому контексту (пример №115, №116, №117)

3.2. “China’s Position on the Political Settlement of the Ukraine Crisis” (Позиция Китая по политическому урегулированию Украинского кризиса, 2023)

Следующее предложение, направленное на урегулирование Украинского конфликта, было опубликовано 24 февраля 2023 года, спустя год с момента начала Специальной военной операции. План по решению украинского кризиса выдвинуло Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики, выступившее в качестве коллективного медиатора.

Важно отметить, что уже само изложение рассматриваемого документа (“China’s Position on the Political Settlement of the Ukraine Crisis”/«Позиция Китая по политическому урегулированию Украинского кризиса») является «медиаторным». В названии плана актуализируется стратегия информирования, а именно – сообщение китайской стороны, взявшей на себя роль медиатора, о своем видении конфликта. Тема конфликта вводится при помощи лексемы ‘*crisis*’, которая позволяет медиатору занять нейтральную позицию, не принимая ничью сторону в конфликте. Как справедливо отмечает О. А.

Тремаскина, существительное 'crisis' синонимично существительному 'conflict', однако имеет беспристрастный семантический оттенок – «закономерное следствие развития конфликта» [Тремаскина 2019: 64].

Структура текста «Позиция Китая по политическому урегулированию украинского кризиса» представляет собой последовательно и тезисно изложенные пункты.

Наиболее ярко, и с помощью разнообразных тактик, в документе используется коммуникативная стратегия убеждения. Одним из распространенных приемов в границах этой стратегии выступает тактика «мягкого призыва» и отсылки к коллективным ценностям: *All parties should jointly uphold the basic norms governing international relations and defend international fairness and justice. <...> All parties should, following the vision of common, comprehensive, cooperative and sustainable security and bearing in mind the long-term peace and stability of the world, help forge a balanced, effective and sustainable European security architecture (Пр.122)*. «Мягкость» призыва медиатора достигается за счет использования модального глагола 'should', имеющего семантическое значение рекомендации, дружеского совета. Данный глагол, даже в случае употребления его в общественно-политическом дискурсе, редко имеет значение приказа или «жесткой безапелляционной формы побуждения» [Червяков 2011: 52].

Наряду с *should*, в анализируемом документе часто используется и другой модальный глагол – *must*, с помощью которого тональность «мягкого призыва» сменяется «безоговорочным». Любопытно, что данная лексема, в отличие от *should*, используется в тактике описания потенциальных последствий и угроз: *Nuclear weapons must not be used and nuclear wars must not be fought. Nuclear proliferation must be prevented and nuclear crisis avoided. <...> The safety of civilians must be effectively protected (Пр.123)*.

Данная тактика реализуется и с помощью иных средств, в частности – компаратива, приёма нарастания смысловой значимости: *preventing a*

humanitarian crisis on a larger scale; prevent the crisis from deteriorating further or even spiraling out of control (Пр.124).

Среди тактик, используемых в стратегии убеждения, есть и апеллирование к «чувственной стороне» конфликта – в частности, обращение к таким темам, как незащищенность женщин, детей и, в целом, мирного населения: *...protect women, children and other victims of the conflict (Пр.125).*

Одной из оригинальных и, пожалуй, неожиданных для документов подобного формата тактик в аспекте стратегии убеждения являются аксиомы, которые структурно похожи на «обобщения в стиле пословиц». Так, например, выражения “conflict and war benefit no one” и “there is no simple solution to a complex issue” (Пр.126) по стилю напоминают восточные мудрости и поучения. Эти краткие, в определенном смысле афористичные выражения можно отнести к коммуникативным максимам. На сегодняшний день исследователи отмечают взаимодействие в политическом дискурсе двух коммуникативных максим: максимы *релевантности* (связанной с отношением оратора к теме подаваемой информации и предлагающей постулаты: не отклоняться от темы и говорить по существу) и максимы *манеры* (подразумевающей выбор *способа* передачи информации и предлагающей постулат: выражаться четко и лаконично) [Гнатюк 2009: 23]. Лаконичные обобщения-аксиомы в рассматриваемом документе демонстрируют взаимосвязь именно этих коммуникативных максим.

Наряду с «отсылками» к исторической мудрости, в Планах имеет место и тактика апелляции к конкретному авторитету. На языковом уровне она реализуется посредством отсылок к международному праву (*universally recognized international law*), к международным организациям, их подразделениям и уставам: *...the purposes and principles of the United Nations Charter must be strictly observed <...> The UN should be supported in playing a coordinating role in channeling humanitarian aid to conflict zones <...> All parties need to implement the Black Sea Grain Initiative fully and effectively in a balanced manner, and support the UN in playing an important role in this regard (Пр.127).* Обращает на себя внимание факт, что практически каждое упоминание

Организации Объединенных Наций сопровождается использованием модальных глаголов (*must, should, need*).

В роли авторитета (близкого по уровню к ООН) и деятельного посредника выступает в документе и сам медиатор – Китай: *China opposes armed attacks against nuclear power plants or other peaceful nuclear facilities, and calls on all parties to comply with international law including the Convention on Nuclear Safety. <...> China will continue to play a constructive role in this regard. <...> China supports the exchange of POWs between Russia and Ukraine, and calls on all parties to create more favorable conditions for this purpose. <...> China opposes the research, development and use of chemical and biological weapons by any country under any circumstances. <...> China opposes unilateral sanctions unauthorized by the UN Security Council. <...> China stands ready to provide assistance and play a constructive role in this endeavor (Пр.128)*. Как видим, медиатор, сохраняя нейтралитет по отношению к двум сторонам конфликта, всё же выражает своё позитивное или негативное отношение к тем или иным действиям сторон. Свою основную роль медиатор-Китай видит в налаживании конструктивного сотрудничества между сторонами.

Необходимо отметить, что в китайском Плане по урегулированию Украинского кризиса ни разу не упоминается действующий председатель Китайской Народной Республики, ее правящая партия или какой-либо политик. Речь идет об «истинном» коллективном медиаторе, который стремится отыскать эффективные способы решения конфликта, а не использовать его для приобретения или укрепления собственного авторитета. Стратегия самопрезентации реализуется лишь с помощью глаголов, которые в данном контексте формируют декларативные высказывания: ‘to support’, ‘to oppose’ и т.п.

Стратегия объединения также занимает важное место в анализируемом Плане. Она реализуется посредством используемых на протяжении всего документа лексем, апеллирующих к общности, равенству и совместным действиям (*Пр.129 jointly, work together, equal and uniform, all parties, all*

countries, comprehensive). Примечательно, что конфликтующие стороны не упоминаются порознь ни в одном из пунктов Плана, в каждом из них речь идет об «обеих сторонах»: *All parties should jointly uphold..., All parties should oppose the pursuit of one's own security at the cost of others' security..., All parties must stay rational and exercise restraint..., All parties should earnestly maintain the existing world economic system and oppose using the world economy as a tool or weapon for political purposes. <...> All parties should support Russia and Ukraine in working in the same direction (Пр.130)*. Как видно из последнего примера, ко «всем сторонам» авторы Плана относят не только субъекты конфликтного процесса, но и другие государства. Получается, что в рамках стратегии объединения медиатор-Китай объединяет между собой не только конфликтующие стороны, но и другие страны, которые, безусловно, являются представителями разных политических блоков и могут выступать союзниками той или иной стороны в конфликте [Прийма 2023: 143].

Консолидация участников переговорного процесса со всеми представителями международного сообщества происходит и с помощью антонимического ряда: *All countries, big or small, strong or weak, rich or poor, are equal members of the international community (Пр.131)*. При этом стратегия объединения направлена не только на решение основного конфликта, которому посвящен анализируемый документ, – медиатор-Китай призывает к объединению и по таким смежным проблемам, как продовольственный, энергетический и финансовый кризис, а также по вопросу восстановления нормальной жизни в зоне конфликта по его окончании: *All parties should earnestly maintain the existing world economic system <...> Joint efforts are needed to mitigate the spillovers of the crisis and prevent it from disrupting international cooperation in energy, finance, food trade and transportation and undermining the global economic recovery. <...> The international community needs to take measures to support post-conflict reconstruction in conflict zones. China stands ready to provide assistance and play a constructive role in this endeavor (Пр.132)*.

Таким образом, «медиаторный» по своей сути документ “China’s Position on the Political Settlement of the Ukraine Crisis” построен на двух глобальных коммуникативных стратегиях – убеждения и объединения, и разнообразии тактик в рамках данных стратегий. Из рассмотренных ранее устных и письменных заявлений медиаторного характера План, предложенный Министерством иностранных дел Китая, можно считать наиболее «успешным» с точки зрения вербализации первичного фрейма «Медиатор». Прежде всего, структура документа полностью соответствует узлу фрейма «разработка плана урегулирования конфликта»: перед нами – подробный план, состоящий из двенадцати пунктов. Также в документе присутствует обоснование выдвижения Китаем себя на роль посредника: медиатор-Китай берет на себя эту функцию ввиду того, что играет важную роль на международной арене, не является членом военного блока, поддерживающего какую-либо из конфликтующих сторон, а также стремится объединить не только субъектов переговорного процесса, но и все заинтересованные политические силы. Наконец, наиболее значимый узел первичного фрейма «Медиатор» – принцип нейтральности – соблюдается во всех пунктах рассматриваемого Плана. В тексте отсутствуют оценочные суждения по отношению к конфликтующим сторонам и, что немаловажно, не наблюдается манипулятивных тактик.

Таблица 14. Соответствие документа ‘China’s Position on the Political Settlement of the Ukraine Crisis’ пропозициям фрейма «Медиатор»

Нейтральность	Разработка плана урегулирования конфликта	Компетентность, правомочность медиатора брать на себя роль посредника
+ Стратегия информирования (название документа)	+	+ Стратегия самопрезентации: тактика апелляции к авторитету (пример №128)

3.3. Интервью Д. Трампа телеканалу “Fox News Channel” (2023)

Спустя полгода с момента публикации Китайского плана по урегулированию Украинского кризиса, 19 июля 2023 года, впервые о своих

намерениях выступить в качестве медиатора заявил Дональд Трамп, не являющийся на тот момент президентом США (первый президентский срок Д. Трампа завершился в 2021 году, второй начался в 2025).

Во время интервью телеканалу “Fox News” при ответе на вопрос ведущего “You have said very boldly that you could end this Ukrainian-Russian war in 24 hours. How?” Трамп сразу обозначил свои сильные стороны как потенциального медиатора.

Первым и, по мнению самого Д. Трампа, наиболее весомым аргументом в пользу назначения на роль медиатора, являются его близкие отношения с президентами государств-сторон конфликта: *So, I know Zelenskyu very well <...> And, as you know, I get along very well with Putin (Пр.133)*. В обоих предложениях лексическая единица ‘well’ усиливает свою эмоционально-экспрессивную нагруженность с помощью наречия ‘very’, что в свою очередь актуализирует тактику создания имиджа друга.

Отметим, однако, что в высказывании Д. Трампа приводится обоснование его «дружественных отношений» с действующим президентом Украины – потенциальный медиатор-Трамп рассказывает о разразившемся в 2019 году политическом скандале по поводу его телефонного разговора с президентом Украины и дает положительную характеристику последнему: *I know Zelenskyu very well, because he was very honorable with the fake phone call impeachment hoax number one <...> He is very honorable. He could have done grandstanding and said “I felt threatened. I felt threatened”. He didn't do that (Пр.134)*.

Поскольку Д. Трамп так подробно описывает хорошие отношения только с главой одной из конфликтующих сторон (о российском лидере он говорит лишь ‘I get along very well with Putin’), встает вопрос: является ли сосредоточение на более близких взаимоотношениях с президентом Украины случайным, или же это намеренная демонстрация своей приверженности конкретной стороне конфликта? Можно предположить, что акцент на дружественных отношениях с президентом Украины делается для того, чтобы «обезопасить» себя от критики сторонников демократической партии США, в

кругу которых Д. Трамп именуется как 'Russian asset'. Возможно, автор высказывания лишь балансирует на внутривластной площадке и пытается привлечь электорат демократической партии.

В целом, тактика создания имиджа друга обоих участников конфликта (*mutual friend*) направлена на реализацию стратегии самопрезентации: медиатор-Трамп предстает как сильный лидер, способный устранить конфронтацию за счет своих лидерских качеств и уже налаженных добрых взаимоотношений.

В рамках стратегии самопрезентации также осуществляется тактика приказа и выдвижения условий: *I would tell Putin: "you have got to settle". I would tell Zelensky: "you have got to settle". I would tell one: "you are going to load up with money", I would tell another: "you are not going to get any money". I would get a settlement in 24 hours (Пр.135)*. Модальное выражение 'have (got) to' используется со значением обязанности и необходимости обеих сторон урегулировать конфликт. Такого рода модальность, сочетающая в себе и долженствование и потребность, «передает безальтернативное и неременное превращение потенциального в актуальное» [Хузина 2011: 149]. Как условие заключения мира звучит заверение Трампа о том, что одна сторона конфликта (предположительно российская) «получит много денег» (*you are going to load up with money*), т.е. выиграет в финансовом плане, уладив конфликт. К другой стороне (предположительно украинской) относится предостережение, и в некотором смысле даже угроза, что она «не получит никаких денег» (*you are not going to get any money*). По-видимому, Трамп таким образом предупреждал о возможности прекращения финансовой помощи США украинской стороне.

Тактика приказа и выдвижения условий, совместно с тактикой угрозы, актуализируют не только стратегию самопрезентации медиатора (Трамп стремится представить себя «могущественным» политиком, чьи условия и предложения будут беспрекословно выполняться), но и стратегию убеждения. При помощи анализируемых тактик медиатор-Трамп убеждает конфликтующие

стороны в том, что урегулирование конфликта – единственно правильное решение.

Схожую цель (убедить участников конфликта в необходимости привести его к концу) имеет и тактика критики альтернативных медиаторов и действующего (на момент интервью Трампа) президента США – Джо Байдена. Данная тактика реализуется имплицитно за счет употребления модального глагола ‘should’ в сочетании с перфектным инфинитивом: *It should have never happened (Пр.136)*. Данная грамматическая конструкция используется для выражения упрека [Хлебникова 1994] и сожаления о том, что действие не было совершено в прошлом. Подразумевается, что острая фаза Украинского конфликта не наступила бы, если бы президентом США был Дональд Трамп.

Тактика описания последствий также играет важную роль в реализации стратегии убеждения. Достигается она с помощью такого стилистического приема как градация: *You have thousands, hundreds of thousands of dead people right now. Hundreds of thousands. <...> No, hundreds of people and thousands of people were killed. You are going find out when this whole thing is over that the number of people killed are far greater than they tell you. Many, many thousands, hundreds of thousands of people are dying (Пр.137)*. За счет повторения градационного элемента ‘thousands’ не просто усиливается выразительность речи говорящего, но и создается эффект преумножения, как и определенный эффект драматизации.

Обращение к «чувственной стороне» конфликта (к важности сохранения жизни людей) напоминает рассмотренный ранее документ «Позиция Китая по политическому урегулированию Украинского кризиса». Помимо большого числа жертв, в качестве страшного последствия конфликта Д. Трамп также называет разрушенные города: *You have cities that are obliterated. <...> You have cities with no building standing. It looks like just a demolition zone. It is so horrible. These cities are being obliterated (Пр.138)*.

В заключении своего выступления Д. Трамп, используя тактику обещания, возвращается к стратегии самопрезентации: *...basically they say: what*

is your stance: are you for Russia, are you for [Ukraine]... I am for one thing very simple: I want to stop people from getting killed and I will have it stopped very fast (Пр.139). Примечательно, что именно под конец заявления медиатор пытается подчеркнуть свою нейтральную позицию: он выступает не на чьей-либо стороне, а намеревается предотвратить гибель людей. Серьезность намерения Трампа вербализируется с помощью конструкции ‘have something done’, которая в данном контексте предполагает завершение действия к определенному моменту в будущем.

Таким образом, в небольшом ответе в рамках одного интервью Дональду Трампу удастся заявить о себе как о потенциальном медиаторе, реализуя практически все узлы смоделированного нами первичного фрейма «медиатор». Обоснование выдвигания себя на роль медиатора осуществляется с помощью стратегии самопрезентации, а позиция нейтральности находит выражение в тактике обещания. Наименее представленным в тексте выступления оказывается узел «разработка плана урегулирования конфликта»: Д. Трамп сообщает лишь о возможности установить контакт с представителями конфликтующих сторон и не упоминает конкретные шаги, необходимые для решения ситуации.

Таблица 15. Соответствие интервью Дональда Трампа телеканалу “Fox News Channel” пропозициям фрейма «Медиатор»

Нейтральность	Разработка плана урегулирования конфликта	Компетентность, правомочность медиатора брать на себя роль посредника
- Стратегия самопрезентации: тактика создания имиджа друга (пример №134)	-+	+ Стратегия самопрезентации: тактика создания имиджа друга (пример №133)
+ Стратегия самопрезентации: тактика обещания (пример №139)		тактика приказа и выдвигания условий (пример №135) тактика угрозы (пример №135)

3.4. Summit on Peace in Ukraine (Мирная конференция по Украине в июне 2024 года)

Через год после интервью Дональда Трампа, 15-16 июня 2024 года, в Швейцарии состоялась «Мирная конференция по Украине» (“Summit on Peace in Ukraine”). Целью конференции, организованной президентом Швейцарии Виолой Амерд, было проведение дискуссии о «всеобъемлющем, справедливом и прочном мире для Украины», а также разработка плана по достижению мира [Swiss federal authorities 2024: электронный ресурс]. Несмотря на то, что в конференции приняло участие большое количество представителей разных стран и международных организаций (по официальным данным, на мероприятие прибыли представители 92 стран и 8 международных организаций), состав симпозиума нельзя считать беспристрастным или сбалансированным: большая часть участников саммита представляла «западный мир». Кроме того, на конференцию была позвана лишь одна сторона конфликта – украинская; Россия не была приглашена для участия в «международном саммите мира». По мнению, представителей ряда стран, принимавших участие в конференции, «план достижения мира без участия России» не имеет действующей силы [Регнум 2024: электронный ресурс].

Тем не менее, конференция завершилась подписанием «итогового документа» (здесь и далее в параграфе – Соглашение), в котором изложены пункты плана по завершению конфликта. Поскольку формально Соглашение имеет медиаторный характер, представляется важным проанализировать реализованные в нем коммуникативные стратегии, несмотря на односторонний порядок его подписания.

Уже в первом пункте Соглашения обращает на себя внимание нарушение главного медиаторного принципа – принципа нейтральности: *The ongoing w** of the Russian Federation against Ukraine continues to cause large-scale human suffering and destruction, and to create risks and crises with global repercussions (Пр.140)* [РИА Новости 2024: электронный ресурс]. Используя оценочный коннотативный ряд (*ongoing w** of the Russian Federation, large-scale human*

suffering and destruction), глобальный медиатор заведомо принимает украинскую сторону. Вместо типичной для медиационного процесса стратегии объединения, перед нами возникает пример еще большего разобщения конфликтующих сторон (медиатор открыто осуждает одну из сторон конфликта и поддерживает другую).

Отсутствие нейтральной позиции по отношению к участнику конфликта (России) авторы документа пытаются компенсировать при помощи тактики апелляции к авторитету, в роли которого выступает Организация Объединенных Наций: *We reiterated resolutions A/RES/ES-11/1 and A/RES/ES-11/6 adopted at the UN General Assembly and underscored our commitment to upholding international law including the United Nations Charter (Пр.141)*. Отметим, однако, что резолюции Генассамблеи ООН (A/RES/ES-11/1 и A/RES/ES-11/6), упомянутые в тексте, были приняты в 2022 и 2023 году. Соавторами данных резолюций выступили 96 стран – в основном те же государства, чьи представители подписали анализируемое Соглашение «Мирной конференции по Украине». На наш взгляд, отсылка именно к этим резолюциям ООН представляет собой не столько апелляцию к авторитету Организации Объединенных Наций, сколько самоцитирование авторов Соглашения. Данный тезис косвенно подтверждается употреблением лексемы ‘to reiterate’ в значении «повторно заявить о своей позиции» [Cambridge Dictionary].

Тактика апелляции к авторитету, актуализирующая стратегию убеждения, встречается в тексте Соглашения несколько раз: *We had a fruitful, comprehensive and constructive exchange of various views on pathways towards a framework for a comprehensive, just and lasting peace, based on international law, including the United Nations Charter (Пр.142)*. Свои действия глобальный медиатор соотносит с международным правом и Уставом ООН; кроме того, он усиливает собственный авторитет, ссылаясь на «конструктивный обмен мнениями» с представителями разных государств. На языковом уровне это реализуется с помощью синонимических рядов ‘fruitful, comprehensive and constructive’ и ‘comprehensive, just and lasting peace’.

Дальнейшая структура Соглашения представляет собой последовательно изложенные пункты, первый из которых касается использования ядерной энергии: *any use of nuclear energy and nuclear installations must be safe, secured, safe-guarded and environmentally sound (Пр.143)*. Употребление модального глагола ‘must’ в сочетании с определениями ‘safe, secured, safe-guarded’ направлено на создание определенной напряженности вокруг сложившейся обстановки, что актуализирует тактику драматизации.

Усиление драматизации в рамках одноименной тактики также наблюдается во втором пункте Соглашения, где речь идет о глобальной продовольственной безопасности: *Secondly, global food security depends on uninterrupted manufacturing and supply of food products. In this regard, free, full and safe commercial navigation, as well as access to sea ports in the Black and Azov Seas, are critical (Пр.144)*. Примечательно, что реализация тактики драматизации происходит с помощью тех же языковых средств, что и в первом пункте Соглашения. Ряд прилагательных, расположенных по мере возрастания их «требовательности», создает драматический эффект.

Из дальнейшего текста Соглашения следует, что обеспокоенность составителей документа о глобальной продовольственной безопасности связана не столько с желанием урегулировать Украинский конфликт, сколько с заботой медиаторов о собственных экономиках: *Food security must not be weaponized in any way. Ukrainian agricultural products should be securely and freely provided to interested third countries (Пр.145)*. Высокая степень обеспокоенности выражается с помощью модальных глаголов ‘must’ и ‘should’, первый из которых используется в отрицательной форме в значении строгого запрета. Как видим, тактика драматизации используется для воплощения стратегии манипулирования: медиатор маскирует желание получить выгоду от сельскохозяйственной продукции конфликтного региона своим намерением обеспечить «глобальную продовольственную безопасность».

Третий и последний пункт Соглашения, подобно первым двум, посвящен лишь одной из сторон конфликта (украинской) – речь идет об «освобождении

украинских военнопленных» и «возвращении украинских детей и гражданских лиц» (Пр.146) [РИА Новости 2024: электронный ресурс]. Наиболее явно в данном отрывке проявляется тактика безадресного обвинения – такого, при котором «виновник» осуждаемого действия не указывается. Медиатор предполагает, что слушатели поверят его лживым обвинениям и станут считать, что за «необмененных военнопленных» и за «незаконно перемещенных детей» отвечает российская сторона. Используя оценочную лексику по отношению к ее действиям (*unlawfully displaced, unlawfully detained*), авторы Соглашения сознательно не называют субъекта действия, что помогает им создать не только образ «жертвы», но и «образ врага», усиливая эффект противопоставления конфликтующих сторон. Очевидно, что тактика безадресного обвинения направлена не на сближение позиций участников конфликта, а на их еще большее обособление. Поэтому данную тактику можно отнести к стратегии разобщения, которая выделяется в рамках нашего исследования впервые. Необходимо отметить, что сама по себе тактика обвинений, безусловно, противоречит принципу нейтральности, которым должен руководствоваться медиатор.

Как уже было отмечено ранее, в швейцарском Соглашении ни разу не упоминается Россия как одна из равноправных сторон конфликта. Смягчить такого рода субъективное отношение авторы пытаются в последних абзацах Документа, где сообщают о своем намерении привлечь к миротворчеству «все стороны» конфликта (предположительно, и российскую): *We believe that reaching peace requires the involvement of and dialogue between all parties. We, therefore, decided to undertake concrete steps in the future in the above-mentioned areas with further engagement of the representatives of all parties* (Пр.147).

Заканчивается Соглашение повторной отсылкой к Уставу Организации Объединенных Наций: *The United Nations Charter, including the principles of respect for the territorial integrity and sovereignty of all states, can and will serve as a basis in achieving a comprehensive, just and lasting peace in Ukraine* (Пр.148). Тактика повторения, реализующая прежде всего стратегию убеждения, в

данном случае направлена на объединение всех государств – и конфликтующих, и подписавших Соглашение. Принцип уважения территориальной целостности и суверенитета всех государств, о котором говорится в документе, должен служить основной для «достижения мира» в регионе. Любопытно, что в рамках решения Косовского конфликта ни один из медиаторов «западного мира» не упоминал о данном принципе Устава ООН.

Таким образом, основными коммуникативными стратегиями Соглашения, подписанного в результате «Мирной конференции по Украине в июне 2024 года», являются стратегия манипулирования и стратегия разобщения. Отметим, что такой набор стратегий сам по себе ставит под сомнение «успешность» медиационной сессии. Если говорить о соответствии текста Соглашения описанному нами фрейму «медиатор», то обращает на себя внимание лишь формальное соблюдение одного из узлов фрейма, а именно – «разработка плана урегулирования конфликта». Подписанный представителями разных государств План направлен не на решение конфликтной ситуации, а, скорее, на обозначение их позиции по украинскому кризису. Также обращает на себя внимание отсутствие какого-либо обоснования выдвижения себя на роль посредника со стороны подписавших Соглашение. Возможно, поскольку медиатор в данном случае является поистине коллективным (в качестве потенциальных посредников выступают не представители одного государства, а целый «коллектив» государств), его самопрезентация достигается не за счет той или иной коммуникативной тактики, а за счет количества подписавших.

Таблица 16. Соответствие документа 'Summit on Peace in Ukraine' пропозициям фрейма «Медиатор»

Нейтральность	Разработка плана урегулирования конфликта	Компетентность, правомочность медиатора брать на себя роль посредника
- Стратегия разобщения: (пример №140) тактика псевдо-безадресного обвинения (пример №146)	+	-

3.5. Предвыборная кампания Д. Трампа (2024)

В рамках своей предвыборной кампании нынешний президент США Дональд Трамп неоднократно сообщал о своем намерении выступить в роли медиатора в украинском конфликте. Более того, разрешение этого конфликта Трамп сделал одним из главных пунктов своей предвыборной программы. Именно поэтому проанализированное нами в разделе 3.3. намерение Д. Трампа «урегулировать конфликт в течение 24 часов» было озвучено им во время президентской гонки 53 раза [CNN 2025: электронный ресурс].

Суть заявлений Д. Трампа сводится к уже известному нам тезису: Трамп хорошо знаком с главами конфликтующих государств, поэтому сможет урегулировать конфликт в течение суток (сразу после избрания на пост президента США; еще до того, как окажется в «Овальном кабинете»): *And before I even arrive at the Oval Office, shortly after I win the presidency, I will have the disastrous war between Russia and Ukraine settled.* <...> *Before I even arrive at the Oval Office, shortly after we win the presidency, I will have the horrible war between Russia and Ukraine settled* (Пр.149). Придаточные предложения времени, встречающиеся во всех 53 выступлениях Д. Трампа, используются с целью показать связь между двумя событиями, а точнее, обусловленность одного события другим: только в случае победы Д. Трампа на президентских выборах, Украинский конфликт будет разрешен.

Поскольку анализируемые в данном разделе выступления Трампа состоялись в ходе предвыборной кампании, неудивительно, что наиболее явно в них проявляется стратегия самопрезентации. В каждом из 53 выступлений будущий президент США старается убедить слушателей в том, что он лучший и единственно возможный медиатор. Для этого он обращается в том числе к «Заповедям блаженства» из Евангелия от Матфея: *As the Bible says, 'Blessed are the peacemakers'. See that? And I will be your peacemaker* (Пр.150). Сравнивая себя с библейскими миротворцами, Д. Трамп попытался воздействовать не столько на конфликтующие стороны, сколько прежде всего на про-республикански настроенный электорат США. Обращение к библейским

авторитетам встречается в нашем исследовании впервые и требует некоторого комментария. В сегодняшнем медиаторном дискурсе подобные отсылки имеют случайный характер, что свидетельствует либо о недостаточных познаниях медиаторов в Священном Писании, либо об их нежелании рассматривать конфликты с религиозной (или конкретно с христианской) точки зрения.

При этом в других ситуациях некоторые из рассматриваемых ораторов (Д. Трамп, Х. Клинтон) охотно говорят о Боге, упоминают свою принадлежность к христианской религии, рассуждают о ее основных заповедях [Halper 2016; Woodward 2020]. Однако серьезность подобных речей требует проверки, в том числе постановки в более широкий исторический контекст. Нужно помнить, что еще во второй половине 19 века при урегулировании конфликтов с участием славянских народов (какими можно считать и рассматриваемые нами косовские и украинские события) немалая часть англоязычных посредников основывала свои аргументы на Библии и истории Церкви. Так, мировую известность во время Большого Восточного кризиса и Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. получили британские политики Вильям Гладстон [Gladstone 1876; 1877: 24-25] и Эдвард Фримен [Freeman 1877: 875-878]; американский публицист Янурий Мак-Гахан [Macgahan 1876], чьи медиаторные выступления по уровню библейских и церковных знаний стояли на порядок выше нынешних заявлений Д. Трампа.

Стратегия самопрезентации Д. Трампа в его предвыборных выступлениях достигается в том числе и критикой альтернативных медиаторов. Реализуется данная тактика несколькими способами: прежде всего за счет использования оценочных наречий ‘needlessly’ и ‘stupidly’ с интенсификатором ‘so’ при описании действующего положения в конфликтующем регионе и усилий предыдущих «миротворцев»: *People being killed so needlessly, so stupidly. And I will get it settled, and I'll get it settled fast before I take office (Пр.151)*. Из этого проистекал и следующий вывод: президент США, на срок правления которого пришлась острая фаза Украинского конфликта (Джо Байден), виновен в том, что в нем «бессмысленно» и «глупо» гибнут люди.

Осуждение сложившейся обстановки проводится с использованием оценочных лексем ‘disastrous’ и ‘horrible’: *I will have the disastrous war between Russia and Ukraine settled (Maryland, 2023). <...> And before I even arrive at the Oval Office, shortly after I win the presidency, I will have the disastrous war between Russia and Ukraine settled (Texas, 2023) <...> Before I even arrive at the Oval Office, shortly after we all together win the presidency, I will have the horrible war between Russia and Ukraine settled (Pennsylvania, 2023). <...> Before I even arrive at the Oval Office, shortly after we win the presidency, because we are going to win it, I will have the horrible war between Russia and Ukraine settled (Alabama, 2023) (Пр.152).* Поскольку сочетания ‘disastrous war’ и ‘horrible war’ употребляются по отношению к Украинскому конфликту в каждом из 53 выступлений Д. Трампа, можно говорить, что они приняли форму постоянных эпитетов.

Прямая критика администрации Джо Байдена также способствует созданию благоприятного образа Д. Трампа – «единственного», кто уважаем главами конфликтующих сторон и способен уладить конфликт: *I know Zelensky very well, and I know Putin very well; I have a good relationship, and they respect your president, play? They respect me. They don't respect Biden. How would you respect him? Why? For what reason? He hasn't even made a phone call in two years to Putin. He hasn't spoken to anybody. They don't even try and get it. That is a war that's dying to be settled. I will get it settled before I even become president (Presidential debate against then-Vice President Kamala Harris, 2024) (Пр.153).* Критика в данном случае строится на антитезе: ‘They respect me. They don't respect Biden’, а также постановке риторических вопросов. Упомянутая антитеза является одним из способов актуализации оппозиции «свой-чужой» [Стрельцова 2022: 158], которая в выступлениях Д. Трампа имеет двойную природу. В рамках предвыборной кампании политик противопоставляет себя: 1) партии демократов, во главе которой стоит Д. Байден; 2) лидерам других государств (в примере №156 Д. Трамп будет говорить о мировых лидерах в целом). То есть «своим» противостоят две группы «чужих». При этом к «своим» Д. Трамп причисляет про-республикански настроенный электорат, который

(предположительно) поддержит «сильного лидера», будущего президента, в его миротворческой деятельности. Мы наблюдаем достаточно распространенное для политического дискурса поддержание оппозиции «свои-чужие» с помощью сразу нескольких бинарных противопоставлений [Карасик 2018: 37].

На таком контрасте Дональд Трамп высвечивает собственные преимущества как потенциального медиатора. Актуализируя тактику обещания, он уверяет избирателей и других слушателей, что завершение конфликта (который бы ни за что не случился в случае его правления) не составит для него труда: *I'd have that war – it would have never happened under me, never ever, would have never happened – but I'll have that war settled in 24 hours. And it won't even be a tough one by comparison to other things* (Пр.154).

Тактика обещания поддерживается использованием наречий времени и образа действий, которыми характеризуется скорость решения конфликта при посредничестве Д. Трампа: *I'll get it solved very, very quickly (South Carolina, July 2023). <...> It will be done very quickly (Pennsylvania, 2023). <...> but we will get it settled immediately, and fairly settled (South Carolina, August 2023). <...> It'll get settled very fast (California, 2023)* (Пр.155).

Для демонстрации собственного могущества Трамп прибегает и к тактике угроз, посредством которой пытается поставить себя выше других участников медиационного процесса (конфликтующих сторон): *But this whole Russia thing: nobody was tougher on Russia, in history, than Trump. And the person that knows that better than anyone is President Vladimir Putin. He knows it better than anyone. And I'll tell you what: I will have that war finished and done and settled before I get to the White House* (Пр.156). Усиление прагматического эффекта происходит за счет употребления сравнительного оборота 'nobody was tougher on Russia, in history, than Trump' и приема градации 'finished and done and settled'.

Таким образом, «медиаторные» выступления Дональда Трампа в рамках предвыборной кампании направлены, в большей степени, на усиление авторитета политика, в связи с чем основной коммуникативной стратегией, выявленной в рамках анализа, является стратегия самопрезентации. Данная

стратегия в полной мере актуализирует узел «обоснования, приводимые для получения роли посредника» в рамках смоделированного нами фрейма «Медиатор». Остальные узлы первичного фрейма («нейтральность», «разработка плана урегулирования конфликта») реализуются в высказываниях Д. Трампа в меньшей степени.

Таблица 17. Соответствие выступлений Д. Трампа в рамках предвыборной кампании пропозициям фрейма «Медиатор»

Нейтральность	Разработка плана урегулирования конфликта	Компетентность, правомочность медиатора брать на себя роль посредника
-+	-	+ Стратегия самопрезентации: тактика критики альтернативных медиаторов (пример №151) тактика обещания (примеры №154, №155) тактика угроз (пример №156)

3.6. Публикация Д. Трампа “I’m not looking to hurt Russia...” (2025)

Публикация президента США Дональда Трампа “I’m not looking to hurt Russia...”, увидевшая свет 22 января 2025 года (через два дня после его инаугурации) также имеет медиаторный потенциал. Рассматриваемый фрагмент коммуникации представляет собой не какой-либо официальный, структурно выверенный план действий по урегулированию конфликта, а публикацию в социальной сети «Твиттер».

В анализируемом тексте Трамп пользуется тактикой переакцентуации: говоря о конфликте, который надо прекратить, он не называет его виновников, но поскольку речь идет исключительно о России, слушатель поневоле начинает ассоциировать ее с виновником конфликта: *I’m not looking to hurt Russia; ...and this despite the Radical Left’s Russia, Russia, Russia HOAX; I’m going to do Russia...; ...anything being sold by Russia to the United States (Пр.157)*. В публикации обращает на себя внимание и отсутствие категории нейтральности, что выражается в использовании оценочной лексики *this ridiculous War*.

С целью компенсировать отсутствие нейтральности Д. Трамп говорит о своей любви к жителям России: *I love the Russian people, and always had a very good relationship with President Putin (Пр.158)*... Однако создается впечатление, что расположенность к русскому народу и хорошие взаимоотношения с действующим президентом России упоминаются в основном для обоснования выдвижения себя на роль медиатора, а также с целью расположить к себе одну из конфликтующих сторон. Таким образом, тактика создания имиджа друга актуализирует сразу две стратегии – стратегию самопрезентации и стратегию манипулирования.

Вслед за комментарием о дружелюбном отношении к Российской Федерации следует отсылка к совместному прошлому двух государств – США, которые в украинском конфликте позиционируют себя как медиатора, и России, которая является участником конфликта: *We must never forget that Russia helped us win the Second World War, losing almost 60,000,000 lives in the process (Пр.159)*. С точки зрения фактологии, данный комментарий содержит в себе очевидную ошибку, поскольку «помощь» в победе во Второй мировой войне оказывала не Россия (на тот момент – СССР) Соединенным Штатам Америки, а наоборот – США, которые вступили в открытую конфронтацию с гитлеровцами на территории Европы лишь в июне 1944 года, при открытии Второго Фронта.

Однако перелицованная историческая информация (тактика намеренного искажения фактов) в определенной степени нивелируется, поскольку включает отсылку к «чувственной стороне» одного из участников конфликта, для чего упомянуты советские жертвы в борьбе с фашизмом, причем число их заметно преувеличено. Скорее всего, в данном высказывании мы сталкиваемся с фактологическим манипулированием, которое, согласно А. Б. Недзельской и О. О. Борискиной, «характеризуется намеренным сокрытием и искажением информации, введением ложной информации, затушевыванием нежелательной информации, изменением фокуса освещения события» [Недзельская, Борискина 2021: 76].

Можно предположить, что подобного рода фактологический «вброс» совершается Трампом ради усиления собственного авторитета. То есть Россия и США – давние партнеры, сражавшиеся с общим врагом. Но при этом, по мнению Трампа, Россия была лишь «помощницей» США, которые исконно сильнее и явились главным «гарантом» победы во Второй мировой войне, а потому на сегодняшний день могут претендовать на роль медиатора.

Демонстрация силы медиатора (США) в данной ситуации реализуется при помощи модального глагола *'must'*, используемого для выражения обязательств, которые нужно беспрекословно выполнить, а также за счет личного местоимения первого лица *we*.

Заявив о себе как о сильном лидере и притом давнем союзнике одной из конфликтующих сторон, а, следовательно, имеющем все права на роль посредника, медиатор-Трамп переходит к выдвижению требований: *Settle now, and STOP this ridiculous War! (Пр.160)* Закономерно использование в данном случае императива, дискурсивная функция которого повышается за счет написания глагола *'to stop'* крупным шрифтом. Такого рода паралингвистическое средство встречается в тексте публикации четыре раза. Оно, как известно, применяется для «акцентирования» внимания читателя на конкретных эмоциональных значениях изложенного в тексте [Артемова 2002: 168].

Любопытно, что при помощи использования заглавных букв автором публикации вводится информация, связанная с действиями США: *I'm going to do Russia, whose Economy is failing, and President Putin, a very big FAVOR <...> IT'S ONLY GOING TO GET WORSE. If we don't make a 'deal,' and soon, I have no other choice but to put high levels of Taxes, Tariffs, and Sanctions on anything being sold by Russia to the United States, and various other participating countries (Пр.161)*. Можно предположить, что данный прием также является элементом стратегии самопрезентации: Д. Трамп демонстрирует, какой мощью, по его мнению, обладают США, в чьих силах остановить Украинский конфликт.

Манипулирование сознанием реципиента происходит посредством тактики выдвижения условий, которая на языковом уровне реализуется при помощи придаточных предложений условия: *If we don't make a 'deal,' and soon, I have no other choice but to put high levels of Taxes... Let's get this war, which never would have started if I were President, over with!* (Пр.162) Последний пример, помимо призыва к завершению конфликта, также содержит в себе упоминание о том, что медиатор-Трамп никогда бы не позволил случиться данному конфликту, если бы его острая фаза началась во время его президентства. То есть стратегия манипулирования в очередной раз сочетается со стратегией самопрезентации.

Заключительное предложение публикации вновь содержит обращение к «чувственной стороне конфликта»: *NO MORE LIVES SHOULD BE LOST!!!* (Пр.163) В данном случае впервые упомянут общий интерес участников конфликта, ради чего актуализирована тактика отыскания общего «знаменателя» для противоборствующих сторон. Можно предположить, что таким образом в тексте скрыто реализуется стратегия объединения.

Таким образом, в высказывании Д. Трампа имеют место три коммуникативные стратегии: стратегия манипулирования, стратегия самопрезентации и в меньшей степени стратегия объединения. Несмотря на то, что публикация Д. Трампа изначально имеет медиаторную направленность, за счет использования автором ряда манипулятивных тактик, создается впечатление, что основной целью медиатора-Трампа является не урегулирование украинского кризиса, а извлечение собственной выгоды: Д. Трамп хочет создать образ сильного государства-США, именно поэтому в своей речи он применяет и тактику угрозы, и тактику выдвижения условий, и тактику переакцентуации. Что касается соответствия анализируемого текста пропозициям фрейма «Медиатор», нельзя сказать, что медиаторная сессия отвечает заданным узлам. Д. Трамп не предлагает конкретного плана решения конфликта и лишь скрыто обосновывает, почему намеревается выступать в качестве посредника.

Таблица 18. Соответствие публикации Д. Трампа “I’m not looking to hurt Russia...” пропозициям фрейма «Медиатор»

Нейтральность	Разработка плана урегулирования конфликта	Компетентность, правомочность медиатора брать на себя роль посредника
- Стратегия манипуляции: тактика переакцентуации (пример №157) тактика создания имиджа друга (пример №158) тактика выдвижения условий (пример №162)	-	+- Стратегия самопрезентации: тактика создания имиджа друга (пример №158) тактика намеренного искажения фактов (пример №159) тактика выдвижения условий (пример №162)

3.7. “Trump’s 28-point Ukraine peace plan” («Мирный план Трампа по Украине», 2025)

Результатом многочисленных устных выступлений Трампа, публикаций в социальных сетях и ряда встреч с лидерами конфликтующих сторон стал план по урегулированию Украинского конфликта, опубликованный 21 ноября 2025 года. Отметим, что это – первый документ, который имеет официальный характер и выглядит юридически обдуманым, и анонсирован он был лишь спустя 8 месяцев с момента вступления Дональда Трампа в должность президента США. Таким образом, разобранные в разделах 3.3 и 3.5 настоящего исследования заявления Д. Трампа, в которых содержатся обещания завершить конфликт в течение 24 часов (‘to end this Ukrainian-Russian war in 24 hours’; примеры №135, №154) не только нельзя считать реалистичными, но следует расценивать как манипулятивную тактику, направленную на привлечение американского электората в предвыборной кампании и на убеждение международного сообщества в своей сильной позиции на мировой арене.

Опубликованный 21 ноября 2025 года «Мирный план по Украине» состоит из 28 пунктов, касающихся разных вопросов: суверенитета Украины, принадлежности территорий, ядерного вооружения, замороженных активов Москвы и т. п [РБК 2025: электронный ресурс]. Предположительно, авторство

плана принадлежит не одному Дональду Трампу, но и его администрации, следовательно, мы вновь имеем дело с коллективным медиатором (администрацией действующего президента США).

В первом пункте плана обращает на себя внимание тактика обещания, реализуемая посредством употребления простого будущего времени в сочетании с пассивом: *Ukraine's sovereignty will be confirmed* (Пр.164). Данная грамматическая конструкция, безусловно, часто используется в юридических документах для придания тексту объективности и формальности. Однако следует отметить, что в пункте №1 страдательный залог в некотором смысле помогает составителям плана обезопасить себя как медиатора, поскольку в тексте напрямую не указывается «исполнитель» данного пункта плана: непонятно, кем и на каком уровне будет подтвержден суверенитет Украины как государства. Таким образом, внимание читателя акцентируется не на исполнителе, а на конкретном действии.

Второй пункт «Мирного плана Д. Трампа» содержит в себе отсылку не только к сторонам-участницам конфликта, но и к такому экономико-политическому объединению, как Европейский Союз: *A comprehensive non-aggression agreement will be concluded between Russia, Ukraine and Europe* (Пр.165). Любопытно, что медиатор-США в данном случае ставит себя выше ЕС, который также готов был выступать в роли посредника (см. раздел 3.4 диссертационного исследования – Summit on Peace in Ukraine).

Следовательно, данное высказывание можно отнести как к стратегии самопрезентации (США демонстрируют свою силу в решении «глобального» конфликта, неявным участником которого является весь Европейский союз), так и к стратегии манипулирования (за счет объединения России, Украины и других государств Европы как сторон, нуждающихся во «всеобъемлющем соглашении о ненападении», медиатор-США приобретает статус мирного и нейтрального посредника, который не участвует в конфликте напрямую и способствует примирению сторон). Определенную манипулятивность можно видеть и в том, что Соединенные Штаты Америки, будучи основателями и крупнейшей

страной-членом Североатлантического альянса (НАТО) являются ничуть не меньшими участниками Украинского конфликта, чем страны Европейского Союза.

Манипулятивный характер второго пункта плана заметен и в следующем заявлении: *All ambiguities of the last 30 years will be considered settled (Пр.166)*. Поскольку в данном предложении не указаны конкретные стороны, чьи «спорные моменты последних 30 лет будут считаться урегулированными», можно предположить, что речь идет не только об украинском кризисе, но и о других территориальных конфликтах Европы конца 20 – начала 21 века. В таком случае, тактика умолчания, с помощью которой актуализируется стратегия манипулирования, может расцениваться как попытка навязывания американского сценария: с подписанием окончательного мирного соглашения по Украине, все замороженные конфликты на территории Европы (в том числе и рассматриваемый в нашем исследовании Косовский конфликт) будут считаться урегулированными. Усиление манипулятивного потенциала происходит при помощи определения ‘all’, которое имеет обобщающее значение [Merriam-Webster Dictionary].

Третий пункт Плана также вводится при помощи свойственного юридическим документам пассивного залога: *It is expected that Russia will not *** neighbouring countries and NATO will not expand further (Пр.167)* [РБК 2025: электронный ресурс]. В данном абзаце обращает на себя внимание тактика уравнивания, которую можно отнести к стратегии объединения. Россия и Североатлантический альянс уравниваются с точки зрения военных полномочий, т.е. будут соблюдать определенные (можно предположить, что идентичные) договоренности. Примечательно, что в рассматриваемом отрывке авторы документа уравнивают стороны не двух напрямую конфликтующих сторон (России и Украины), а России и целого военно-политического блока, чем невольно признают участие НАТО в Украинском конфликте.

Косвенное подтверждение этого участия содержится и в четвертом пункте Плана, где Соединенные Штаты Америки, актуализируя стратегию

самопрезентации, заявляют о готовности стать медиатором и в организации диалога между Россией и НАТО: *A dialogue will be held between Russia and NATO, mediated by the United States, to resolve all security issues and create conditions for de-escalation in order to ensure global security and increase opportunities for cooperation and future economic development (Пр.168)*. Создание подобного диалога, на первый взгляд, направлено на объединение конфликтующих сторон и является собой тактику отсылки к демократическим ценностям (to resolve all security issues; to ensure global security). Однако достижение каких-либо договоренностей между Россией и НАТО под эгидой США в известном смысле подразумевает несоблюдение принципа нейтральности: Соединенные штаты как страна-член Североатлантического блока не могут иметь беспристрастную позицию по данному вопросу.

Тем не менее, за счет тактики отсылки к общемировым ценностям, которая на синтаксическом уровне реализуется с помощью инфинитива цели (*to resolve all security issues and create conditions for de-escalation in order to ensure global security and increase opportunities for cooperation and future economic development*) в сочетании с лексемами с положительной коннотацией (security, cooperation, development) авторы документа пытаются убедить реципиента в правильности и необходимости создания подобного диалога. Таким образом, тактику отсылки к общемировым ценностям можно отнести сразу к нескольким стратегиям: стратегии самопрезентации (США предстают как сильный посредник, способный обеспечить глобальную безопасность и экономическое развитие); стратегии манипулирования (сосредотачивая внимание читателей на демократических ценностях, составители Плана нивелируют/умалчивают тот факт, что планируют выступать в качестве медиатора в диалоге, где одна из конфликтующих сторон – они сами); и стратегии убеждения (читателей убеждают в необходимости диалога между Россией и НАТО, обращаясь к таким глобальным потребностям, как безопасность, деэскалация, сотрудничество и экономическое развитие).

Пункты №5, 6, 7, и 8 касаются гарантий безопасности, которые будут предоставлены украинской стороне в обмен на ряд уступок относительно членства Украины в НАТО. На языковом уровне гарантии, обещания и уступки реализуются посредством простого будущего времени: *Ukraine will receive reliable security guarantees; The size of the Ukrainian Armed Forces will be limited to 600,000 personnel; Ukraine agrees to enshrine in its constitution that it will not join NATO, and NATO agrees to include in its statutes a provision that Ukraine will not be admitted in the future (Пр.169).*

Некоторые пункты плана касаются конфликта лишь опосредованно. Так, пункт №9 звучит следующим образом: *European fighter jets will be stationed in Poland* (Пр.170). Можно предположить, что это известная гарантия России, поскольку европейские истребители будут размещены в Польше, а не на Украине. Десятый пункт Плана посвящен гарантиям США и включает в себя четыре подпункта, три из которых вводятся при помощи условных предложений:

- *If Ukraine invades Russia, it will lose the guarantee;*
- *If Russia *** Ukraine, in addition to a decisive coordinated military response, all global sanctions will be reinstated, recognition of the new territory and all other benefits of this deal will be revoked;*
- *If Ukraine launches a missile at Moscow or St Petersburg without cause, the security guarantee will be deemed invalid* (Пр.171).

Любопытно, что несмотря на главную цель всего Плана – установить долгосрочный мир, данные грамматические конструкции актуализируют тактику угрозы: Соединенные Штаты в роли «всемогущего медиатора» угрожают конфликтующим сторонам, сообщая, что ждет каждую из них в случае несоблюдения договоренностей, предложенных посредником. Характерно, что угрозы в адрес российской стороны гораздо более серьезные, чем в адрес Украины. Так, синтаксически схожие придаточные условия ‘If Ukraine invades Russia...’ и ‘If Russia invades Ukraine’ имеют абсолютно разные главные предложения: Украина в случае вторжения в Россию лишь утратит

гарантии безопасности, в то время как российской стороне при «вторжении на территорию Украины» грозит военный ответ (следует предполагать, что со стороны НАТО), а также восстановление мировых санкций в сочетании с отменой признания «новых территорий». Усиление угрозы в адрес России происходит при помощи таких прагматически заряженных определений как ‘decisive’, ‘global’, ‘all’.

Как видим, принцип нейтральности, который должен соблюдать медиатор, нарушается за счет приложения ‘in addition to a decisive coordinated military response’. Помимо этого, предвзятое отношение к сторонам конфликта наблюдается также в попытке «обезопасить» украинскую сторону. Так, в предложении ‘*If Ukraine launches a missile at Moscow or St Petersburg without cause*’, на наш взгляд, неслучайно вводится наречное выражение ‘without cause’. Возникает вопрос, кто наделен полномочиями решать, была ли обоснованной причина для ракетной атаки со стороны Украины или нет. Если предполагается, что такими полномочиями будут наделены Соединенные Штаты, то нет никакой гарантии, что их мнение не будет субъективным. Кроме того, это оставляет за Украиной право подвергать ракетным атакам другие российские города, при которых западная помощь за ней сохраняется.

Тем не менее, несмотря на очевидное пренебрежение принципом нейтральности в пункте №10, в данном разделе авторы текста продолжают реализовывать стратегию самопрезентации: медиатор-США, используя метод запугивания, демонстрирует свою «всесильность» и намерен убедить адресата заключить перемирие именно на предложенных медиатором условиях.

Пункт №11 анализируемого Плана касается членства Украины в Европейском союзе: *Ukraine is eligible for EU membership and will receive short-term preferential access to the European market while this issue is being considered* (Пр.172). Право украинской стороны на вступление в ЕС реализуется посредством тактики обещания, которая в свою очередь поддерживается использованием будущего времени в сочетании с прилагательными позитивной оценки: ‘short-term’ и ‘preferential’. Тактику обещания можно отнести к

стратегии самопрезентации: медиатор-США, якобы, вновь обладает столь высокими полномочиями, что может воздействовать на вступление конфликтующей стороны в ЕС.

Необходимо отметить, что в пункте №11 придирчивый наблюдатель также может найти тактику умолчания. Как помним, в пункте №7 упор делается на внеблоковом статусе Украины. При этом, когда речь заходит об ускоренном вступлении Украины в ЕС, то внимание заостряется только на экономических аспектах такого вступления (access to the European market) и обходится вниманием один из наиболее важных пунктов Договора о Европейском Союзе, 42-я статья которого устанавливает следующий принцип взаимопомощи («солидарности»): если государство-член ЕС подвергается вооруженному нападению, другие члены обязаны оказать ему помощь «всеми имеющимися в их распоряжении средствами» [Consolidated Version Of The Treaty On European Union 2012: 38]. Если учесть, что большинство стран Европейского Союза являются членами НАТО, то данный пункт разбираемого «Мирного плана» вступает в определенное противоречие с рассмотренным ранее пунктом №7, в котором речь идет о невступлении Украины в НАТО.

В пункте №12 представлено подробное описание мер по восстановлению Украины. Любопытно, что стратегия объединения, к которой в данном разделе прибегают авторы документа, направлена не на объединение конфликтующих сторон, а на объединение самого медиатора-США с одной из них – с Украиной. Схожую коммуникативную стратегию мы разбирали во второй главе нашего исследования при анализе выступления Хиллари Клинтон в Сербии в 2012 году (примеры №24, №44).

В рамках стратегии объединения конфликтующей стороны с медиатором выделяется тактика обещания, которая на языковом уровне реализуется при помощи разнообразных средств. Прежде всего, это использование простого будущего времени в сочетании с глаголами, имеющими положительную коннотацию и значение общности действия ('to cooperate', 'to develop') [Oxford

Learner's Dictionaries]: *The United States will cooperate with Ukraine...*; *The World Bank will develop a special financing package (Пр.173)*.

Эмоциональное воздействие на реципиента в рамках тактики обещания происходит также за счет многократных перечислений: *...to invest in fast-growing industries, including technology, data centres, and artificial intelligence; ...to jointly rebuild, develop, modernise, and operate Ukraine's gas infrastructure; ...for the restoration, reconstruction and modernisation of cities and residential areas (Пр.174)*. Однородные члены предложения, объединяющиеся в синонимические ряды, создают эффект динамики и позволяют авторам Плана подчеркнуть масштабность предполагаемой помощи США украинской стороне.

Акцентирование внимания на безграничной помощи медиатора осуществляется и через определения, подчеркивающие уникальность этой помощи: *a powerful global package, fast-growing industries, a special financing package (Пр.175)*. Отметим, что ни в одном другом пункте рассматриваемого документа не наблюдается подобных оценочных лексем. В связи с этим, можно сделать вывод о нарушении принципа нейтральности медиатора, показывающего особое отношение к одной из сторон конфликта.

Отсутствием такого отношения медиатора можно охарактеризовать тринадцатый пункт Плана, в котором речь идет о реинтеграции России в мировую экономику. Тактика обещания, которая также задействована в этом пункте, носит весьма размытый характер: *Russia will be reintegrated into the global economy; The lifting of sanctions will be discussed and agreed upon in stages and on a case-by-case basis (Пр.176)*. Дефицит конкретики (неясно, кем, на каком уровне и в какие сроки будет обсуждаться снятие санкций) на языковом уровне реализуется при помощи пассивных конструкций 'will be reintegrated', 'will be discussed'. Та же конструкция используется в подразделе, посвященном членству России в форуме «Большой восьмерки»: *Russia will be invited to rejoin the G8 (Пр.177)*.

Гораздо более конкретным, и в то же время спорным в плане выгод России как конфликтующей стороны, видится подпункт, касающийся

экономического сотрудничества США и России: *The United States will enter into a long-term economic cooperation agreement for mutual development in the areas of energy, natural resources, infrastructure, artificial intelligence, data centres, rare earth metal extraction projects in the Arctic, and other mutually beneficial corporate opportunities (Пр.178)*. Перечисленные области сотрудничества позволяют сделать вывод, что составители документа больше заинтересованы в извлечении собственной выгоды, а не в восстановлении экономического положения российской стороны.

Прямая финансовая заинтересованность Соединенных Штатов в решении украинского кризиса проявляется в четырнадцатом пункте «Мирного плана», где говорится о судьбе замороженных российских активов. США напрямую заявляют о желании получить половину прибыли от организованной сделки, чем активно подрывают собственный авторитет как посредника: *\$100bn (£76bn) in frozen Russian assets will be invested in US-led efforts to rebuild and invest in Ukraine; The US will receive 50% of the profits from this venture (Пр.179)*. Можно отметить, что в пункте №14 активно реализуется тактика подмены понятий, относящаяся к стратегии манипулирования. Составители документа выдают использование замороженных российских средств на восстановление Украины за собственный вклад в процветание конфликтующих сторон. «Маскировка» происходит за счет использования лексем, апеллирующих к общности, равенству и совместным действиям: *The remainder of the frozen Russian funds will be invested in a separate US-Russian investment vehicle that will implement joint projects in specific areas. This fund will be aimed at strengthening relations and increasing common interests to create a strong incentive not to return to conflict (Пр.180)*. США намерены получить моральный капитал и как «восстановители» Украины», и как «развиватели экономики России», тогда как их реальное участие сведется к тому, что они «позволят разморозиться» российским активам (которые сами же заморозили) и через совместные фонды будут контролировать их применение.

Таким образом, можно утверждать, что и 13-й, и 14-й пункты Плана содержат в себе манипулятивную стратегию, реализуемую с помощью нескольких тактик: тактики обещания и тактики подмены понятий.

Пункт №15 вновь обнаруживает стратегию объединения медиатора-США с одной из конфликтующих сторон, на этот раз – с Россией: *A joint American-Russian working group on security issues will be established to promote and ensure compliance with all provisions of this agreement (Пр.181)*. Любопытно, что объединение медиаторной группы и российской стороны предполагается не для развития экономического потенциала или модернизации инфраструктуры России (в пункте №12 подобное обещалось украинской стороне), а для контроля соблюдения соглашений, предложенных Д. Трампом. Таким образом, прибегая к тактике подмены, авторы документа ставят решения о мире в зависимость от американских политико-экономических интересов.

Шестнадцатый пункт также видится в известной степени дискриминационным для российской стороны: *Russia will enshrine in law its policy of non-aggression towards Europe and Ukraine (Пр.182)* [РБК 2025: электронный ресурс]. Как видно, составители Плана ожидают законодательное закрепление политики ненападения в одностороннем порядке, только от российской стороны. Сама же Россия, согласно данному пункту, не получает никаких ответных гарантий о ненападении со стороны Европы и Украины. В пресуппозиции высказывания содержится скрытая оценка российской стороны – ‘non-aggression’. Можно предположить, что изначально действия одной из конфликтующих сторон расценивались как «агрессия», в связи с чем этой стороне необходимо закрепить в своем законодательстве политику «неагрессивности».

Пункты №17, №18 и №19 анализируемого соглашения затрагивают проблему использования ядерного оружия и атомной энергии:

17. The United States and Russia will agree to extend the validity of treaties on the non-proliferation and control of nuclear weapons, including the START I Treaty.

18. *Ukraine agrees to be a non-nuclear state in accordance with the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons.*

19. *The Zaporizhzhia Nuclear Power Plant will be launched under the supervision of the IAEA, and the electricity produced will be distributed equally between Russia and Ukraine – 50:50 (Пр.183).*

В данном фрагменте активно реализуется тактика апелляции к авторитету, в роли которого выступают соглашения START I Treaty (Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений, СНВ-1), the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons (Договор о нераспространении ядерного оружия) и такая международная организация, как IAEA (Международное агентство по атомной энергии, МАГАТЭ). Данные авторитеты, которые можно отнести к стратегии объединения, известным образом сплачивают конфликтующие стороны и уравнивают их в правах. Прагматический эффект отрывка усиливается за счет наречия ‘neither’.

Двадцатый пункт Плана посвящен решению социальных вопросов. Доминирующей стратегией в этом отрывке является стратегия объединения, которая реализуется посредством лексем, апеллирующих к «общности интересов», осуществлению совместных действий и равноправию: *Both countries undertake to implement educational programmes in schools and society aimed at promoting understanding and tolerance of different cultures and eliminating racism and prejudice <...> Both countries will agree to abolish all discriminatory measures and guarantee the rights of Ukrainian and Russian media and education (Пр.184).*

Заявление ‘*All Nazi ideology and activities must be rejected and prohibited*’ (Пр.185) – единственное в тексте Плана, в котором используется глагол строгой модальности ‘must’. Однако несмотря на оценочную лексему ‘Nazi’ и глаголы категорического запрета ‘to reject’ и ‘to prohibit’ [Cambridge Dictionary], в этом отрывке проявляется тактика умолчания. Не исключено, что составители плана намеренно не конкретизировали, какая из конфликтующих сторон следовала

нацистской идеологии, хотя мировому сообществу хорошо известно, что нацистская политика проводилась исключительно Украиной.

Та же манипулятивная тактика умолчания распространяется и на пункт №25 соглашения, в котором речь идет о президентских выборах в Украине: *Ukraine will hold elections in 100 days (Пр.186)*. На наш взгляд, детальный план того, как будут проходить выборы на территории Украины, не оговаривается умышленно. Не упоминаются также какие бы то ни было ограничения в области выдвижения партий и лидеров. При этом известно, что в программах как минимум трех политических партий, входящих в состав Верховной рады Украины, закреплена нацистская идеология. Можно предположить, что в случае сохранения прежней политической системы никаких изменений в идеологической повестке (после предусмотренных в плане Д. Трампа выборов) на Украине не произойдет.

Пункт №21 анализируемого документа касается территориального спора между российской и украинской сторонами. В данном фрагменте наиболее явно проявляет себя стратегия информирования: медиатор-США сообщает о том, каким ему видится территориальное деление в зоне конфликта: - *Crimea, Luhansk and Donetsk will be recognised as de facto Russian, including by the United States.*

- *Kherson and Zaporizhzhia will be frozen along the line of contact, which will mean de facto recognition along the line of contact.*

- *Russia will relinquish other agreed territories it controls outside the five regions.*

- *Ukrainian forces will withdraw from the part of Donetsk Oblast that they currently control, and this withdrawal zone will be considered a neutral demilitarised buffer zone, internationally recognised as territory belonging to the Russian Federation. Russian forces will not enter this demilitarised zone (Пр.187).*

В ходе сравнения различных фрагментов коммуникации, посвященных урегулированию украинского кризиса, нами обнаружено, что во многих из них для решения территориальной принадлежности того или иного региона медиаторы предлагают опираться на волеизъявление народа, проживающего на

этих территориях (ср. публикации Илона Маска, раздел 3.1 настоящего исследования). На этом фоне выделяется отсутствие подобной тактики в плане, предложенном администрацией Д. Трампа.

Лаконичное обращение к «чувственной стороне» конфликта, а именно – к вопросам пленных, политических заключенных, гражданского населения и жертв конфликта, – наблюдается и в 24-м пункте соглашения, где сообщается о создании гуманитарного комитета для решения подобных вопросов:

- *All remaining prisoners and bodies will be exchanged on an 'all for all' basis.*

- ***

- *A family reunification program will be implemented.*

- *Measures will be taken to alleviate the suffering of the victims of the conflict (Пр.188).*

Использование пассивных конструкций в данном отрывке, на наш взгляд, демонстрирует отстраненное отношение медиатора к вопросам гуманитарного характера (сравним, к примеру, с использованием активного залога в пунктах №13 и №14, где шла речь о финансово выгодных для США сделках).

Последние три пункта Плана (№26, №27, №28) касаются условий выполнения соглашения и актуализируют стратегию самопрезентации медиатора: *This agreement will be legally binding. Its implementation will be monitored and guaranteed by the Peace Council, headed by President Donald J Trump. Sanctions will be imposed for violations (Пр.189).* Любопытно, что в роли авторитета, контролирующего выполнение соглашения, выступает не такая международная организация, как ООН, а некий «Совет» под началом самого медиатора – Дональда Трампа. Следует отметить, что такая позиция серьезно нарушает принцип нейтральности медиатора.

Таким образом, в документе “Trump's 28-point Ukraine peace plan” наиболее ярко проявляются стратегии самопрезентации, манипулирования, объединения, объединения медиатора с одной из конфликтующих сторон; в меньшей степени – стратегия информирования. Если говорить о соответствии рассмотренного текста пропозициям фрейма «Медиатор», можно утверждать,

что План в полной мере отвечает заданному узлу «разработка плана урегулирования конфликта»: соглашение состоит из 28 пунктов и освещает разные аспекты для достижения долгосрочного мира. Что касается узла «компетентность, правомочность медиатора брать на себя роль посредника», нельзя сказать, что он реализован в полной мере. Стратегия самопрезентации, к которой прибегают авторы текста, направлена не столько на демонстрацию компетенций медиатора, сколько на пояснение, почему медиатор-США призван получить определенные привилегии от заключения сделки. Наконец, нейтральность медиатора снижается ввиду того, что США проявляют свою заинтересованность в конкретных пунктах сделки (в особенности, финансовых), а также приверженность одной из сторон конфликта (Украине).

Таблица 19. Соответствие публикации 'Trump's 28-point Ukraine peace plan' пропозициям фрейма «Медиатор»

Нейтральность	Разработка плана урегулирования конфликта	Компетентность, правомочность медиатора брать на себя роль посредника
- Стратегия манипуляции: (пример №165) тактика угрозы (пример №171) тактика обещания (пример №175) тактика подмены понятий (пример №179)	+	+ Стратегия самопрезентации: (примеры №165) тактика угрозы (пример №171) тактика отсылки к демократическим ценностям (пример №168) тактика обещания (пример №172)

Выводы к главе 3

Третья глава диссертации посвящена исследованию языковой репрезентации медиаторных стратегий и тактик при урегулировании Украинского конфликта. В главе приводится дискурсивный анализ пяти письменных заявлений и двух устных (в общей сложности – 76 дискурсивных элементов), связанных с решением Украинского конфликта. Исследование

языковых механизмов реализации медиаторного воздействия позволяет сделать следующие выводы:

1. Основными дискурсивными инструментами медиатора в ситуации урегулирования конфликта на Украине являются стратегия самопрезентации, стратегия убеждения, стратегия информирования, стратегия объединения, стратегия манипулирования и стратегия разобщения. В рамках данных стратегий реализуется ряд тактик: тактика отсылки к демократическим ценностям, тактика апелляции к авторитету, тактика описания потенциальных последствий, тактика угрозы и др. Для наглядности все тактики, выявленные в ходе анализа, представлены в Таблице №20. В таблице «Тактики дискурса медиации в ситуации урегулирования Украинского кризиса» отражена способность одной и той же тактики реализовывать разные стратегии.

Таблица 20. Тактики дискурса медиации в ситуации урегулирования Украинского кризиса

Название документа Тактики	Публикации Илона Маска	Позиция Китая по политическому урегулированию Украинского кризиса	Интервью Дональда Трампа для телеканала "Fox News Channel"	Мирная конференция по Украине в июне 2024 года	Предвыборная кампания Трампа (53 выступления)	Публикация Д. Трампа "I'm not looking to hurt Russia..."	Мирный план Трампа по Украине
тактика «мягкого призыва» и отсылки к коллективным ценностям		+					
тактика «обобщения в стиле пословиц»		+					
тактика апелляции к «чувственной стороне» конфликта		+					
тактика апелляции к авторитету	+	+		+			+
тактика выдвижения условий			+			+	
тактика драматизации				+			
тактика критики альтернативных			+		+		

медиаторов							
тактика намеренного искажения фактов						+	
тактика обещания			+		+		+
тактика описания потенциальных последствий	+	+					
тактика отсылки к демократическим ценностям	+						+
тактика отсылки к историческому контексту	+						
тактика отыскивания общего «знаменателя»						+	
тактика переакцентуации						+	
тактика повторения				+			
тактика подмены понятий							+
тактика приказа			+				
тактика псевдо-безадресного обвинения				+			
тактика создания имиджа друга			+			+	
тактика угрозы	+		+		+		+
тактика умолчания							+
тактика уравнивания							+

2. Репрезентация выявленных коммуникативных стратегий и тактик осуществляется за счет разных языковых средств, среди которых наиболее распространенными являются: использование оценочных лексем в сочетании с интенсификаторами (пример №151); употребление придаточных условия в сочетании с императивными конструкциями (примеры №114, 121, 149, 162); использование модальных глаголов в значении строгой необходимости (примеры №123, 135, 143, 145, 159, 185).

3. Соответствие проанализированных в главе примеров узлам смоделированного нами первичного фрейма «Медиатор» отображено в Таблице №21. В ней же отображено, за счет каких тактик реализуется «соответствие» или «несоответствие» той или иной пропозиции.

Таблица 21. Соответствие медиационных сессий, посвященных урегулированию Украинского конфликта, узлам первичного фрейма «Медиатор».

Название документа Узлы фрейма	Публикации Илона Маска	Позиция Китая по политическому урегулированию Украинского кризиса	Интервью Дональда Трампа для телеканала "Fox News Channel"	Мирная конференция по Украине в июне 2024 года	Предвыборная кампания Трампа (53 выступления)	Публикации Д. Трампа "I'm not looking to hurt Russia..."	Мирный план Трампа по Украине
позиция нейтральности	+	+	+/-	- тактика псевдо-безадресного обвинения	+	- тактика переакцентования и тактика намеренного искажения фактов	- тактика угрозы, тактика обещания
разработка плана урегулирования конфликта	+	++	-	+/-	-	-	+
компетентность/ правомочность медиатора брать на себя роль посредника	+ тактика отсылки к историческому контексту	+ тактика апелляции к конкретному авторитету	+ тактика создания имиджа друга и тактика критики альтернативных медиаторов	-	+ тактика критики альтернативных медиаторов	+ тактика создания имиджа друга	+/- тактика обещания, апелляции к авторитету

Как видно из Таблицы №5, единственным документом, который в полной мере соответствует всем пропозициям фрейма «Медиатор», является план «Позиция Китая по политическому урегулированию Украинского кризиса». В остальных выступлениях наблюдается частичное соблюдение предложенных в первичном фрейме узлов.

4. Для конфликта, который находится в острой фазе (Украинский конфликт), характерны заявления разного формата: официальные письменные заявления

(«Позиция Китая по политическому урегулированию Украинского кризиса»); соглашения, подписанные в рамках межгосударственных конференций («Мирная конференция по Украине в июне 2024 года»); устные выступления в рамках предвыборной кампании или интервью (предвыборная кампания Д. Трампа, интервью Д. Трампа для телеканала “Fox News Channel”); публикации в социальных сетях. Такое разнообразие в типах высказываний свидетельствует о новой роли, которую начинают занимать средства массовой информации и социальные сети сегодня. Примечательно, что несмотря на разнородность анализируемых высказываний, практически каждое из них имеет структуру, свойственную классическим медиаторным сессиям.

5. Одной из наиболее распространённых тактик, выявленных в ходе анализа материалов, посвященных урегулированию Украинского конфликта, является тактика апелляции к авторитету. Данная тактика используется чаще, чем в медиационных сессиях, направленных на решение Косовского конфликта, но претерпевает некоторые трансформации. Вместо реального авторитета, который должен подкреплять тезисы медиатора, нередко упоминаются документы, «выгодные» конкретному посреднику (пример №143). Таким образом, тактика апелляции к авторитету употребляется не столько для урегулирования конфликта, сколько для самопрезентации и усиления авторитета медиатора.

6. При урегулировании конфликтов, находящихся в острой фазе (Украинский конфликт), характерно использование тактик «на понижение» – т.е. тех, которые формируют у реципиентов чувство неполноценности, растерянности, страха и заставляют выполнять условия, не совпадающие с их намерениями (тактика угрозы, тактика выдвижения условий, тактика обвинений). Употребление таких тактик несет в себе скрытую прагматику: медиатор хочет добиться такого исхода конфликта, который выгоден именно ему.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе предложен анализ коммуникативных стратегий и тактик в англоязычном дискурсе медиации, а также рассмотрены возможные способы усовершенствования медиационных сессий, направленных на решение геополитических конфликтов.

В первой главе исследования «Современный дискурс медиации» представлен анализ подходов к определению понятия «дискурс», рассмотрены актуальные направления в области изучения типологии дискурса (общественно-политический дискурс и дискурс медиации). Также определены основные параметры дискурса медиации, показан его бытовой и институциональный характер, описана структура дискурсивной модели медиации. Дискурс медиации подразумевает переход от конфликтного взаимодействия к кооперативному с помощью языковой коммуникации, в которой значимую роль играет медиатор. В задачи медиатора входит организация переговорного процесса для конфликтующих сторон, а также содействие урегулированию конфликта мирным путем.

Помимо этого, значительная часть первой главы исследования посвящена фреймовому подходу в лингвистике. Данный подход основывается на предположении, что различные типы знаний хранятся в человеческой памяти в виде определенных структур, содержащих информацию о стереотипных ситуациях. В лингвистических исследованиях фрейм изучается как структура представления знания в форме «сети», состоящей из узлов и связей между ними: узел являет собой определенное понятие, которое может быть задано в явном виде. Применение фреймового анализа в дискурсе ведет к формированию определенной модели, в которой совокупность знаний о конкретном явлении рассматривается с позиции речевого контекста.

На основании анализа теоретической литературы по вопросам урегулирования конфликтов и поведения посредника в ситуации общественно-политических разногласий нами был смоделирован первичный фрейм «Медиатор». В данном фрейме сосредоточены обобщенные, стабильные для

ситуации геополитического кризиса медиационные признаки. Узлы первичного фрейма «Медиатор» соответствуют пропозициям «нейтральность», «разработка плана урегулирования конфликта» и «правомочность медиатора брать на себя роль посредника». Релевантность данных признаков для материала нашего исследования проверена во второй и третьей главах работы. Материалом исследования послужили тексты медиаторной направленности, относящиеся к двум глобальным конфликтам, а именно – косовского вопроса, касающегося статуса сербского автономного края Косово и Метохия, и Украинского кризиса, повлекшего за собой Специальную военную операцию.

Для активизации первичного фрейма на эмпирическом материале и для полноценного анализа языковых средств, используемых в ситуации медиативного подхода, необходимо изучение экстралингвистических факторов, в число которых входит информация о конфликте и его участниках. В связи с этим в первой главе диссертационного исследования представлены краткие лингвострановедческие справки, где изложены исторические предпосылки Косовского и Украинского конфликтов.

В нашем исследовании активизация фрейма происходит на материале конкретных сценариев (определенных ситуаций) – т.е. на анализе устных и письменных выступлений последних 20 лет, посвященных урегулированию обозначенных конфликтов. Во второй и третьей главах диссертации исследуется языковая репрезентация предложенного фрейма, а также коммуникативные стратегии и тактики в рамках данных стратегий.

Во второй главе – «Языковая репрезентация медиаторных стратегий и тактик при урегулировании Косовского конфликта» – представлен анализ четырех письменных и семи устных заявлений (в общей сложности – 113 дискурсивных элемента). В третьей главе – «Языковая репрезентация медиаторных стратегий и тактик при урегулировании Украинского конфликта» – приводится дискурсивный анализ четырех письменных и двух устных заявлений (в общей сложности – 76 дискурсивных элементов).

При изучении данного эмпирического материала обращает на себя внимание тот факт, что в ситуации геополитической нестабильности функцию посредника берет на себя коллективный медиатор, в роли которого выступает целое государство или государственный орган (например, Французская Республика и Федеративная Республика Германия, Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики и т.д.), или же индивидуальный медиатор, который представляет коллективного. Очевидно, что такие индивидуальные медиаторы как Дональд Трамп, Хиллари Клинтон, Кэтрин Эштон представляют идеологию конкретной политической партии или политического объединения.

Как показал анализ разнопланового языкового материала, основными дискурсивными инструментами медиатора в ситуации урегулирования политического конфликта являются стратегия объединения, стратегия убеждения, стратегия самопрезентации, стратегия манипулирования, стратегия презентации (конфликтующей стороны), стратегия дискредитации, стратегия информирования и стратегия разобщения, в рамках которых реализуются тактики апелляции к авторитету, тактика призыва к коллективной ответственности, тактика описания потенциальных угроз и др. Для наглядности все стратегии и тактики, выявленные в ходе анализа, представлены в Таблице №11 и Таблице №20.

Стратегии, на которых строится дискурс медиации в ситуации геополитической нестабильности, более или менее идентичны вне зависимости от уровня или стадии конфликта. Так, в нашем диссертационном исследовании проводился анализ конфликтов двух категорий: конфликта «внутригосударственного», острая фаза которого считается завершенной, но который, несмотря на его «замороженное состояние», имеет продолжение (Косовский конфликт); и конфликта «межгосударственного», который находится в острой фазе, когда продолжаются боевые действия, а противоречия проявляются в открытом виде, при этом сам конфликт имеет четкие формы (Украинский конфликт).

Помимо этого, данные стратегии во многом повторяют друг друга вне зависимости от формата медиаторного выступления: это может быть устное заявление в интервью, выступление в рамках предвыборной кампании, письменное заявление в средствах массовой информации или в социальных сетях, официальное соглашение, подписанное в конце медиационной сессии. Единственное отличие коммуникативных стратегий конфликта, находящегося в острой фазе, от «замороженного» конфликта заключается в их реализации: в ситуации острого конфликта наблюдается более частотное использование тактик «на понижение» – тактик, ведущих к скрытому возбуждению у реципиентов намерений, которые не совпадают с их существующими желаниями.

Набор коммуникативных тактик, участвующих в актуализации вышеназванных стратегий, варьируется для каждого отдельного конфликта, но схож для каждого конкретного медиатора. Так, в высказываниях Дональда Трампа наиболее ярко проявляется тактика критики альтернативных медиаторов, в то время как в заявлениях Хиллари Клинтон наблюдается частое употребление тактики положительной оценки одной из конфликтующих сторон.

Реализация выявленных коммуникативных стратегий и тактик осуществляется за счет разных языковых средств, среди которых наиболее распространенными являются: использование оценочных лексем в сочетании с интенсификаторами; употребление экспрессивных средств на разных уровнях языковой системы; использование анафорических высказываний; использование придаточных условия в сочетании с императивными конструкциями; употребление модальных глаголов со значением строгой необходимости и категоричного долженствования. Тенденция приверженности к частому использованию одного и того же дискурсивного элемента одним и тем же медиатором прослеживается и на примере избираемых языковых средств. Так, в заявлениях Х. Клинтон чаще всего встречается использование синтаксических анафор, а в выступлениях К. Эштон – использование синтаксического параллелизма.

Речевые особенности англоязычного дискурса медиации, на наш взгляд, заключаются не только в употреблении типичных для официальных текстов безличных конструкций, вводных предложений и устойчивых оборотов, но и в использовании художественных средств выразительности: анафоры, параллелизма, инверсии, риторических вопросов и т.д. Данные стилистические фигуры, наряду со встречающимися эмоционально-оценочной лексикой и различными изобразительно-выразительными средствами, играют важную роль в создании нужного медиатору прагматического эффекта.

Также большое значение в формировании английской медиативной коммуникации имеют модальные глаголы, которые помимо того, что выражают отношение медиатора к тому или иному положению, зачастую определяют вектор всего высказывания.

В то же время медиационный стиль англоязычных ораторов можно характеризовать как упрощенный, сниженный, разговорный. В нем почти полностью отсутствуют отсылки к культурно-литературным авторитетам, к мировой классике.

Языковая репрезентация коммуникативных стратегий и тактик, выявленных в ходе исследования, представлена не только во второй и третьей главах работы, но и в специальных таблицах в разделе «Приложения» (приложения №1-17), где упорядочены и наглядно продемонстрированы все языковые средства, обнаруженные в рамках анализа фрагментов коммуникации медиационного характера. На наш взгляд, такого рода способ организации данных может послужить основой для создания пособия по стратегиям межкультурной коммуникации в рамках урегулирования общественно-политических конфликтов. Дополнением к подобному пособию может стать информация о невербальных средствах общения (внешних факторах), свойственных конкретной лингвокультуре (в нашем случае – англоязычной).

Экстралингвистические факторы (прямая помощь одному из участников конфликта, признание «независимости» одной из сторон конфликта, или же, наоборот, внеблоковый статус медиатора и отсутствие поддержки одной из

конфликтующих сторон) определенным образом влияют на выбор медиаторных стратегий и тактик. Так, ввиду того что Китайская Народная Республика не является членом военного блока, поддерживающего какую-либо из конфликтующих сторон в Украинском конфликте, в китайском Плане по урегулированию кризиса на Украине актуализируются такие стратегии, как стратегия убеждения и объединения. Тогда как оказание военной помощи Украине со стороны государств, подписавших соглашение в рамках «Мирной конференции по Украине в Швейцарии», усиливает и учащает использование авторами соглашения стратегий дискредитации и манипуляции.

Как показал анализ, в случае общественно-политической медиации языковая коммуникация призвана не только обеспечить согласованное взаимодействие сторон конфликта, но и достичь такого разрешения конфликта, которое выгодно самому медиатору. Данное утверждение вполне подтверждается результатами нашего исследования: из 189 рассмотренных примеров манипулятивный потенциал замечен в 126 (в 74 примерах зафиксирована прямая манипуляция, в 52 – скрытая), что составляет 67% всего практического материала. Отсутствие манипуляции обнаружено лишь в 63 дискурсивных элементах (33% от общего числа примеров).

Данные, представленные в графике выше, высвечивают специфику дискурса медиации в ситуации геополитической нестабильности и еще раз подчеркивают разницу функций классического медиатора (например, в суде) и медиатора на политической арене.

Именно поэтому, говоря о соответствии проанализированных высказываний смоделированному нами первичному фрейму «Медиатор» (который сформирован в первой главе работы на основании теоретического материала) можно заключить, что в рассмотренных посредством дискурс-анализа примерах (подробнее – в Таблице №12 и Таблице №21) подтверждается релевантность узлов фрейма, но лишь частично. Все примеры коммуникации имеют разную структуру, однако во многих из них приводится предлагаемый план действий, которыми, по мнению медиаторов, можно достичь решения конфликта. В некоторых случаях, сам документ представляет собой изложенный по пунктам перечень шагов («Франко-германский план урегулирования спора между Косово и Сербией», «Позиция Китая по политическому урегулированию Украинского кризиса»); в остальных же случаях – план либо излагается менее структурированно, описательным способом, либо анонсируется как следующий шаг на пути решения конфликта. Также, в соответствии с фреймом, в большинстве примеров встречается обоснование выдвижения автора высказывания на роль медиатора. Оно носит прямой или скрытый характер.

Наконец, наиболее неоднозначно проявил себя такой существенный медиаторный признак, как нейтральность. В целом можно утверждать, что в ряде рассмотренных примеров осуществляется попытка соблюсти нейтральность позиции, нейтральность коммуникативной подачи и т. д., но в каждом примере наблюдаются значительные и разнообразные отклонения от данной нормы. В ряде случаев они заключаются в использовании коммуникативных средств, нехарактерных для документов такого рода. В некоторых случаях встречается неявное содействие одной из конфликтующих сторон с использованием различных манипулятивных тактик. В связи с этим

можно сделать вывод, что на материале общественно-политического дискурса в целом невозможен абсолютно нейтральный статус медиатора, если в его роли выступает политический субъект – игрок международной арены. Это в полной степени подтверждается дискурсивным анализом рассмотренных фрагментов коммуникации. Примечательно, что в каждом из них медиатор занимает «разнонаправленное» положение относительно участников конфликта.

В этой связи представляется необходимым скорректировать структуру первичного идеализированного фрейма «Медиатор», изменив статус верхнего узла «позиция нейтральности» и «понижив» его до уровня нижнего слота, где могут присутствовать как национально-культурные компоненты той или иной лингвокультуры, так и универсальные. В качестве дополнительных слотов фрейма могут быть выделены политическая приверженность и идеология медиатора (членство в политической партии, религиозная принадлежность), а также отношение к конкретному конфликту того государства, которое представляет медиатор.

Скорректированная модель фрейма «Медиатор» представлена ниже в Таблице №22, где нашли отражение подтвержденные дискурс-анализом узлы фрейма – «разработка плана урегулирования конфликта», «компетентность, правомочность медиатора брать на себя роль посредника»; а также дополнительный верхний узел – «формат медиации и этап решения конфликта». На наш взгляд, данный узел включает в себя особые черты, свойственные геополитической медиации: устный или письменный формат посредничества, а также попытки посредничества на разных этапах разрешения конфликта.

С помощью фигурных стрелок в таблице демонстрируется взаимосвязь нижних слотов фрейма «Медиатор», таких как: нейтральная позиция, политические убеждения медиатора и поддержка собственной позиции.

Также в таблице курсивом представлены названия коммуникативных стратегий, которыми можно подвергнуть проверке тот или иной узел фреймовой структуры: указанные стратегии актуализировали соответствующие

узлы и слоты фрейма в рассмотренном во второй и третьей главах работы эмпирическом материале.

Таблица 22. Скорректированная модель фрейма «Медиатор»

Узлы фрейма	<p>Разработка плана урегулирования конфликта</p> <p><i>Коммуникативные стратегии, направленные на «проверку» узла фрейма: стратегия информирования</i></p>	<p>Компетентность, правомочность медиатора брать на себя роль посредника</p> <p><i>Коммуникативные стратегии, направленные на «проверку» узла фрейма: стратегия самопрезентации</i></p>	<p>Формат медиации и этап решения конфликта:</p> <p>1)устное или письменное заявление 2)начало переговорного процесса (первые инициативы по урегулированию) или подписание соглашения (мирного договора) между конфликтующими сторонами</p> <p><i>Коммуникативные стратегии, направленные на «проверку» узла фрейма: стратегия информирования и стратегия объединения</i></p>
Слоты	<p>Позиция нейтральности</p> <p><i>Коммуникативные стратегии, направленные на «проверку» слота: стратегия манипулирования и стратегия дискредитации</i></p>	<p>Политические убеждения медиатора:</p> <p>1)членство в партии 2)религиозная принадлежность 3)отношение к конфликту на момент его возникновения 4)прямая или косвенная помощь одной из сторон конфликта государством, которое представляет медиатор</p> <p style="text-align: center;">←→</p> <p><i>Коммуникативные стратегии, направленные на «проверку» слота: стратегия самопрезентации и стратегия манипулирования</i></p>	<p>Поддержка собственной позиции: обращение к теме урегулирования конфликта через «сторонних посредников» (например, общественных деятелей, представляющих интересы политической партии, в которой состоит сам медиатор)</p> <p style="text-align: center;">←→</p> <p><i>Коммуникативные стратегии, направленные на «проверку» слота: стратегия убеждения и стратегия объединения</i></p>

Проделанная работа, как нам представляется, открывает целый ряд перспектив для дальнейших исследований в этой области. В частности,

полученную фреймовую модель можно расширить и детализировать за счет привлечения большего количества эмпирического материала, посвященного другим геополитическим конфликтам. Особый интерес, на наш взгляд, может представлять и привлечение для сопоставления данных иноязычных общественно-политических дискурсов (например, русского, сербского и испанского). Изучение материалов медиаторного характера на других языках позволит осуществить углубленный сравнительно-сопоставительный анализ стратегий и тактик дискурса медиации.

Также перспективным видится моделирование системы, общей для всех видов медиации, поскольку, как было отмечено в первой главе исследования, процедура медиации протекает по-разному в зависимости от сферы применения. Так, медиация может:

- проходить публично и непублично (на примере нашего исследования можно отметить, что публичная медиация свойственна общественно-политическому дискурсу);
- иметь бытовой или институциональный характер (медиацию в ситуации геополитической нестабильности отличает смешанный характер);
- иметь разные сферы применения (семейная медиация, коммерческая медиация, политическая медиация, медиация в социальной сфере и т.д.).

Несмотря на очевидную дихотомию, во все перечисленные виды медиации заложены одинаковые принципы (добровольность, равноправие сторон, сотрудничество). В связи с этим представляется возможным формирование целостной системы, объединяющей характеристики всех видов медиации. Для дальнейшего исследования в области языкознания перспективным видится создание классификации «Медиаторная коммуникативная деятельность», в основу которой лягут данные из сформированной системы и которая охватит не только рассмотренную в данной работе общественно-политическую медиацию, но и другие сферы посредничества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абдусаламов, М. М. Насколько «Глобален» и управляем английский язык в современном мире? / М. М. Абдусаламов // Мир науки, культуры, образования, 2020. – №3 (82) – С. 518-520.
2. Айдогдыева, С. Я., Мухаммедова, Т. Английский язык в современном образовательном процессе / С. Я. Айдогдыева, Т. Мухаммедова // Наука и мировоззрение, 2025. – №31. – С. 1-6.
3. Аллахвердова, О. В. Медиация – новая коммуникативная практика в разрешении конфликтов / О. В. Аллахвердова // ЖССА, 2006. – №4. – С. 31-49.
4. Алферьева-Термсикос, В. Б. Методологические основы технологии фрейминга / В. Б. Алферьева-Термсикос // Эпоха науки, 2024. – №40. – С. 203-208.
5. Альшевская, В. А., Медведева, Е. В. Типы каузаторов в семантической структуре высказываний со значением необходимости (на материале французского языка) / В. А. Альшевская, Е. В. Медведева // Вопросы общего языкознания, семасиологии и лингвистики текста, 2019. – С. 221-225.
6. Андреев, М. В. Современные проблемы взаимодействия СБ ООН с региональными организациями в сфере обеспечения международного права и безопасности / М. В. Андреев // Вестник ТИСБИ, 2001. – №.1 – С. 1-4.
7. Артемова, О. Г. Использование графических и паралингвистических средств в создании семантики художественного образа персонажа (на материале рассказов Р. Брэдли) / О. Г. Артемова // Язык, коммуникация и социальная среда. – Воронеж: ВГТУ, 2002. – Вып. 2. – С. 164-177.
8. Архипова, А. А. Особенности стратегий различных типов институционального дискурса / А. А. Архипова // Вестник МГЛУ, 2016. – Вып. 12 (751) – С. 14-25.
9. Аствацатурова, М. А., Чекменев, Д. С. Субъекты и акторы общественно-политического дискурса в пространстве публичной политики / М. А. Аствацатурова, Д. С. Чекменев // Вестник экспертного совета, 2018. – Вып. 1-2 (12-13). – С. 126-131.

10. Баребина, Н. С. Когнитивный механизм контраргументации в дискурсе медиации: дисс. ... канд. филол. наук. 10.02.19 / Н. С. Баребина; Байкальский государственный университет экономики и права. – Иркутск, 2012б. – 189 с.
11. Баребина, Н. С. Когнитивный механизм контраргументации в дискурсе медиации: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. 10.02.19 / Н. С. Баребина; Байкальский государственный университет экономики и права. – Иркутск, 2012а. – 22 с.
12. Беляевская, Е. Г. Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах: дисс. ... д-ра. филол. наук. 10.02.19 / Е. Г. Беляевская; Московский ордена Дружбы народов государственный лингвистический университет. – Москва, 1992. – 401 с.
13. Беляевская, Е. Г. Фрейм «Политик» в англоязычном биографическом дискурсе / Е. Г. Беляевская // Политическая лингвистика, 2012. – №2. – С. 21-26.
14. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – Москва: Из-во «Прогресс», 1974. – 448 с.
15. Бесемер, Х. Медиация. Посредничество в конфликтах / Х. Бесемер. – Калуга: «Духовное познание», 2004. – 176 с.
16. Богдановић, Д. Косовска битка у историји и свести српског народа / Д. Богдановић // Косово 1389-1989: Земља живих. Ћелија Пиперска, 1989. – С. 196-199.
17. Болдырев, Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики, 2004. – №1. – С. 18-36.
18. Болдырев, Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка / Н. Н. Болдырев. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. – 480 с.
19. Борисова, А. М., Кабанова, И. Н. Стратегии и тактики манипулирования при освещении миграционного кризиса на границе Белоруссии и Польши (на материале англоязычных СМИ) / А. М. Борисова,

И. Н. Кабанова // Стратегии и тактики в различных регистрах общения (на материале современных индоевропейских языков), 2022. – С. 26-33.

20. Буряк, Н. Ю. Роль английского языка в глобальной коммуникации / Н. Ю. Буряк // Международный журнал гуманитарных и естественных наук, 2025. – Вып. 4-2. – С. 77-81.

21. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русское слово, 1996. – 416 с.

22. Ветловская, В. Е. Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» / В. Е. Ветловская. – СПб.: изд-во «Пушкинский Дом», 2007. – 640 с.

23. Волосухина, Н. В. К вопросу о трактовке понятий «концепт» и «фрейм» в современной лингвистике / Н. В. Волосухина // Университетские чтения, 2010. – С. 41-46.

24. Воронкова, А. В. Стратегии когнитивной обработки дискурсивной анафоры пропозитивно-именного типа: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01, 10.02.19 / А. В. Воронкова; Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева. – Орёл, 2003. – 276 с.

25. Гавришина, И. Н. Аргументативный политический дискурс: характеристика экстралингвистического контекста функционирования / И. Н. Гавришина // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания, 2018. – №3 (12). – С. 24-30.

26. Гаркавенко, О. Косовский завет Сербии [Электронный ресурс] / О. Гаркавенко // Русская народная линия, 2012. – URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2012/06/28/kosovskij_zavet_serbii (дата обращения: 22.04.25).

27. Гафнер, К. Е. Медиация как социо-коммуникативная технология конфликто разрешения: автореф. дисс. ... канд. соц. наук: 22.00.06 / К. Е. Гафнер; Санкт-Петербургский государственный университет, 2019. – 27 с.

28. Гнатюк, Л. Взаимодействие коммуникативных максим в условиях межличностного общения / Л. Гнатюк // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2009. – №1. – С. 23-26.

29. Голенищев-Кутузов, И. Н. Эпос сербского народа / И. Н. Голенищев-Кутузов. – М.: Издательство АН СССР, 1963. – 360 с.
30. Головкин, Б. Н. Интертекст в массмедийном дискурсе / Б. Н. Головкин. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 264 с.
31. Гордеева, Е. М. Фреймы в дискурс-анализе / Е. М. Гордеева // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2015. – Вып. 2. – С. 39-43.
32. Греймас, А. Ж. Размышления об актантных моделях / А. Ж. Греймас // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму, 2000. – С. 158-163.
33. Грудева, Е. А., Кизилова, Н. И. Лексический фрейм как тип лексического концепта (на примере фрейма «вооруженное столкновение») / Е. А. Грудева, Н. И. Кизилова // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2017. – С.95-98.
34. Грушевский, М. С. Украинцы / М. С. Грушевский // Формы национального движения в современных государствах, 1910. – С. 309-330.
35. Гусельникова, О. В. Терминологический аппарат структуры фрейма / О. В. Гусельникова // Вестник ЮУрГГПУ. – 2010. – №9. – С. 137-149.
36. Гуськова, Е. Ю. Сербь в необъявленной войне конца XX века. «Сохраняйте улыбку – это стиль Белграда» / Е. Ю. Гуськова // Славянский мир в третьем тысячелетии, 2015. – № 10. – С. 136-137.
37. Гуськова, Е. Ю. История югославского кризиса (1990-2000) / Е. Ю. Гуськова. – М.: Русское право. Русский Национальный Фонд, 2001. – 720 с.
38. Данилова, Е. Р. Особенности функционирования комплексной анафоры в политическом дискурсе: когнитивно-референциальный и лингвопрагматический аспекты: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е. Р. Данилова; Кубанский государственный университет, 2017. – 24 с.
39. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – М.: Из-во «Прогресс», 1989. – 310 с.

40. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В. З. Демьянков // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования, 2002. – №3. – С. 32-43.
41. Демьянков В. З. Фрейм / В. З. Демьянков // Когнитивные аспекты лексикографии: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – С. 187-189.
42. Джуретич, В. Развал Югославии: исторические предпосылки 1918-2003 гг. / В. Джуретич – М.: Кристи инженеринг, Кобекс интернешнл, 2002. – 656 с.
43. Дондо, С. А. Основные принципы определения общественно-политического дискурса / С. А. Дондо // Политическая лингвистика, 2015. – № 1 (51). – С. 87-91.
44. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1972-1990. – Т 24. – 518 с.
45. Дробышева, Т. В. Украинский конфликт: истоки и динамика / Т. В. Дробышева // Политика и общество, 2018. – №3. – С. 59-68.
46. Дружинин, А. С. Английский глагол will: вспомогательный или модальный? / А. С. Дружинин // Иностранные языки в школе, 2018. – № 1. – С. 47-50.
47. Ерохина, Е. Г. К содержанию понятия «речевая стратегия» в исследовании письменного дискурса / Е. Г. Ерохина // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета, 2014. – №2 (27). – С. 277-281.
48. Желтухина, М. Р. Комическое в политическом дискурсе конца XX века. Русские и немецкие политики / М. Р. Желтухина. – Волгоград: Изд-во В. Ф. МУПК, 2000 – 267 с.
49. Зайцева, Л. И. Медиация как альтернативный способ разрешения споров в международном публичном праве / Л. И. Зайцева // Известия БГУ, 2013. – №5. – С. 89-96.

50. Запрудский, Ю. Г. Социальный конфликт (политологический анализ): автореф. дисс. ... д-ра. филос. наук: 09.00.10 / Ю. Г. Запрудский; Ростовский государственный университет. – Ростов-на-Дону, 1992. – 41 с.

51. Ивашкевич, И. Н. Фрейм как структура представления знаний в когнитивном аспекте / И. Н. Ивашкевич // Вестник РУДН, серия Лингвистика, 2011. - №2. – С. 77-81.

52. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 288 с.

53. Кабанова, И. Н., Колобова И. С. Язык военного конфликта в аспекте лингвистической безопасности // И. Н. Кабанова, И. С. Колобова // Языковая политика и лингвистическая безопасность, 2018. – С. 61-67.

54. Карасик, В. И. Адресатная специализация в публичном политическом дискурсе / В. И. Карасик // Вестник РУДН. Серия: теория языка, семиотика, семантика, 2018. – Вып. 9 (№1). – С. 32-49.

55. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 476 с.

56. Карасик, В. И. Манипуляция как объект семиотического анализа / В. И. Карасик // Язык и культура в эпоху глобализации: сборник научных трудов, 2015. – Ч. 1. – С. 64-67.

57. Карасик, В. И. О категориях дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. – Волгоград, Саратов, 1998. – С. 185-197.

58. Карасик, В. И. Структура институционального дискурса / В. И. Карасик // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2000. – С. 25-33.

59. Кашкин, В. Б. Введение в теорию коммуникации / В. Б. Кашкин. – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. – 175 с.

60. Кибрик, А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов / А. А. Кибрик // Вопросы языкознания, 2009. – № 2. – С. 3-21.

61. Киндеркнехт, А. С. Языковая личность медиатора: дискурсивные аспекты, ценностные ориентиры, речевая практика: автореф. дисс. ... д-ра.

филол. наук: 5.9.8 / А. С. Киндеркнехт; Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. – Москва, 2025. – 40 с.

62. Киндеркнехт, А. С. Языковая личность медиатора: дискурсивные аспекты, ценностные ориентиры, речевая практика: дисс. ... д-ра. филол. наук: 5.9.8 / А. С. Киндеркнехт; Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. – М., 2025. – 461 с.

63. Кленюшина, В. А. Английский язык как средство международного общения / В. А. Кленюшина // Международный научный журнал «Вестник науки», 2025. – Вып. 10 (Том 2). – С. 538-543.

64. Клюев, Ю. В. Уровни, модели, элементы публичного дискурса: коммуникативный подход / Ю. В. Клюев // Вестник Санкт-Петербургского университета, 2008. – Вып. 4, Ч. II. – С. 331-338.

65. Кобозева, К. М. Лингвистическая семантика: учебное пособие / К. М. Кобозева. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.

66. Ковић, М. Косовски завет и национални идентитет Срба / М. Ковић // Уметничко наслеђе српског народа на Косову и Метохији. Историја, идентитет, угроженост, заштита. Галерија САНУ, 2017. – С. 113-147.

67. Комарова, З. И., Запевалова, Л. А. Лексемы «One/Один»: ограниченность и безграничность / З. И. Комарова, Л. А. Запевалова // Вестник ЧелГУ, 2007. – №22. – С. 63-68.

68. Коннова, М. Н. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие / М. Н. Коннова. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. – 313 с.

69. Костюшкина, Г. М., Колмогорова, А. В., Нешева, Т. В. и др. Концептуальная систематика аргументации: коллективная монография / Г. М. Костюшкина, А. В. Колмогорова, А. В. Нешева [и др.]. – М.: Флинта: Наука, 2016. – 588 с.

70. Кочетова, Л. А. Динамика стратегии саморепрезентации в рекламном дискурсе / Л. А. Кочетова // Современные исследования социальных проблем, 2012. – №3. – С. 52.

71. Кравцов, Н. И. Сербский эпос в 2-х томах / Н. И. Кравцов. – М.: Художественная литература, 1960. – 652 с.

72. Красильникова, Н. А. Общество и неинституциональный политический дискурс в сети интернет / Н. А. Красильникова // Политическая лингвистика, 2012. – №4. – С. 130-138.

73. Куликова, Л. В. Дискурс межкультурной медиации: концептуальная модель исследования / Л. В. Куликова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература, 2019 – №16 (2). – С. 245-258.

74. Куликова, Л. В., Прохорова, О. А. Исследовательские подходы к дискурсу медиации в фокусе междисциплинарности / Л. В. Куликова, О. А. Прохорова // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2016. – №2 (56): в 2-х ч. Ч. 2. – С. 100-104.

75. Кусовац, Н., Фотић, А., Милошевић, Д. Илустрована историја Срба у 4 тома. Пропаст српског царства 1371-1389 / Н. Кусовац, А. Фотић, Д. Милошевић. – Београд: Литера, 1991. – Т. 4. С. 5-7.

76. Куцевич, Ю. А. Семантическая классификация факторных интенциональных глаголов в современном английском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Ю. А. Куцевич; Смоленский государственный университет, 2013. – 23 с.

77. Лакан, Ж. Ж. Изнанка психоанализа / Ж. Ж. Лакан. – М.: Логос, 2008. – 272 с.

78. Литвишко, О. М., Черноусова, Ю. А. Лингвокультурная медиация как компонент глокального подхода в обучении профессионально-ориентированному английскому языку / О. М. Литвишко, Ю. А. Черноусова // Вестник ВГУ, серия: лингвистика и межкультурная коммуникация, 2016. – №2. – С. 111-115.

79. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.

80. Макаров, М. Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе / М. Л. Макаров. – Тверь: Издательство Твер. ун-та, 1998. – 200 с.

81. Малявин, С. Г. Прагмемы как инструмент манипуляции сознанием в английских медиатекстах / С. Г. Малявин // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2025. – Том 18, Выпуск 6. – С. 2444-2451.

82. Малязина, М. А. Основные категории теории фреймов в трактовке И. Гофмана / М. А. Малязина // Журнал «Apriori. Серия: гуманитарные науки», 2015. – №3. – С. 1-16.

83. Манаенко, Г. Н. Дискурс в его отношении к речи, тексту и языку / Г. Н. Манаенко // Стереотипность и творчество в тексте, 2008. – Вып. 12. – С. 48-61.

84. Маник, С. А. Идеологические аспекты оценочной семантики (на материале употребления слов 'to annex' и 'annexation' в английских медиатекстах) / С. А. Маник // Вестник КГУ имени Н. А. Некрасова, 2015. – №6. – С. 123-128.

85. Минский, М. Фреймы для представления знаний / М. Минский. – М.: Энергия, 1979. – 152 с.

86. Михалева, О. Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия / О. Л. Михалева. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.

87. Моисеева, И. Ю., Ремизова, В. Ф. Интенсификаторы в английском языке: функционально-стилистический и грамматический аспекты / И. Ю. Моисеева, В. Ф. Ремизова // Современные проблемы науки и образования, 2015. – №1. – С. 1192.

88. Моногарова, А. Г. Современный англоязычный дискурс медиации: терминологическая составляющая и система прагматических стратегий: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А. Г. Моногарова; Пятигорский государственный университет. – Пятигорск, 2017. – 30 с.

89. Мурай, Е. В. Фрейм «Политик» в англоязычном биографическом и автобиографическом дискурсах / Е. В. Мурай // Политическая лингвистика, 2012. – №1. – С. 1-4.

90. Недзельская, А. Б., Борискина, О. О. Манипулятивные стратегии в англоязычном медиaprостранстве / А. Б. Недзельская, О. О. Борискина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2021. – Вып. №2. – С. 73-82.

91. Нигматуллина, Т. А., Терновая, Л. О. Политическая медиация: учебное пособие / Т. А. Нигматуллина, Л. О. Терновая. – Уфа: Издательство Башкирского института социальных технологий (филиала) Образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений», 2016. – 370 с.

92. Никитин, М. В. Развернутые тезисы о концептах / М. В. Никитин // Вопросы когнитивной лингвистики, 2004. – № 1. – С. 53-64.

93. Никонова, Ж. В. Лингвокогнитивная природа фрейма / Ж. В. Никонова // Вестник Университета Российской академии образования, 2008. – № 5. – С. 38-41.

94. Никонова, Ж. В. Фреймовый анализ как метод лингвистического описания вербальных структур / Ж. В. Никонова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки, 2007. – Вып. 6 (50). – С. 229-234.

95. Новикова, А. М. Фреймовый анализ как метод построения медиакартины города / А. М. Новикова // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики, 2021. – Т. 7, №3. – С. 28-39.

96. Павић, М. Кратка историја Косова: шест векова после Косовске битке / М. Павић // Теолошки погледи, 1989. – Број 1-2. 1989. – С. 1-6.

97. Пестова, В. В. Лингвокультурология: учебно-методическое пособие / В. В. Пестова. – Самара: СФ ГАОУ ВО МГПУ, 2022. – 48 с.

98. Петрушова, Е. В. Фреймовый подход к организации и репрезентации знаний / Е. В. Петрушова // Культурная жизнь Юга России, 2012. – №2. – С. 60-62.

99. Пишкова, Е. Ю. К вопросу о переводе оценочной лексики в политическом дискурсе / Е. Ю. Пишкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2016. – С. 128-130.

100. Подгорбунская, И. Г., Синев, А. Д. / Функционально-прагматические особенности идиом с компонентом 'hand' // И. Г. Подгорбунская, А. Д. Синев // БГЖ, 2018. – №4 (25). – С. 106-109.
101. Попова, З. Д., Стернин, И. А. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: «Истоки», 2003. – 191 с.
102. Почепцов, Г. Г. Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов. – М.: Рефлбук, 1999. – 210 с.
103. Прийма, Т. И. Особенности дискурса медиации в ситуации общественного раскола (на примере документа «Franco-German plan to resolve the Kosovo-Serbia dispute») / Т. И. Прийма // Когнитивные исследования языка, 2025а. – Вып. №1 (62). – С. 769-771.
104. Прийма, Т. И. Специфика реализации коммуникативных стратегий в английском и сербском дискурсе медиации / Т. И. Прийма // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2025б. – №3. – С. 1090-1099.
105. Прийма, Т. И. Медиаторные стратегии в ситуации общественного раскола / Т. И. Прийма // Когнитивные исследования языка, 2023. – Вып №4 (55). – С. 142-144.
106. Прийма, Т. И. Стратегии урегулирования политического конфликта в дискурсе медиации (на примере устного выступления Д. Трампа “Remarks by President Trump, President Vučić of Serbia, and Prime Minister Hoti of Kosovo in a Trilateral Meeting”) / Т. И. Прийма // LIII Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой. Сборник тезисов. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2026. – С. 561-562.
107. Прийма, Ф. Я. Шевченко и русская литература XIX века / Ф. Я. Прийма – М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1961. – 410 с.
108. Прохорова, О. А. Дискурс медиации: стратегии и тактики речевого поведения медиатора / О. А. Прохорова // Магия ИННО: новые измерения в лингвистике и лингводидактике: сб. науч. Трудов, 2017. – С. 120-125.

109. Рельић, М. Српска гробља на Косову и Метохији: уништена споменичка и језичка баштина / М. Рельић. – Нови Сад: Матица српска, 2020. – 598 с.
110. Рюкова, А. Р. К вопросу классификации дискурса / А. Р. Рюкова // Вестник Башкирского университета, 2016. – Т. 21. №1. – С. 115-119.
111. Сабанаева, М. К. Поле долженствования в латинском языке / М. К. Сабанаева // Проблемы функционирования грамматики. Полевые структуры, 2005. – С. 252-276.
112. Семенова, Т. И., Скулимовская, Д. А. Фреймовая модель интерпретации речевого акта предупреждения в англоязычном политическом медиадискурсе / Т. И. Семенова, Д. А. Скулимовская // Международный информационно-аналитический журнал «Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык», 2022. – № 4 (35). – С. 83-98.
113. Сквозников, А. Н. Провозглашение независимости Косово и Метохии: международно-правовая оценка / А. Н. Сквозников // Непризнанные государства: методологические, политические и правовые аспекты. Сборник материалов Всероссийской научной конференции, 2016. – С. 92-107.
114. Сковородников, А. П. О необходимости разграничения понятий «риторический прием», «стилистическая фигура», «речевая тактика», «речевой жанр» в практике терминологической лексикографии / А. П. Сковородников // Риторика ↔ Лингвистика: сборник статей, 2004. – Вып. 5. – С. 5-12.
115. Соколова, О. В. Категория фрейма в когнитивной лингвистике / О. В. Соколова // Вестник АГТУ, 2007. – №1 (36). – С. 236-239.
116. Соссюр, Ф. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр / под ред. Ш. Шалли и А. Сеше; пер. с франц. А. Сухотина. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999. – 432 с.
117. Стернин, И. А., Ларина, Т. В., Стернина, М. А. Очерк английского коммуникативного поведения: научное издание / И. А. Стернин, Т. В. Ларина, М. А. Стернина. – Воронеж: издательство «Истоки», 2003. – 185 с.

118. Стрельцова, А. В., Петухова, Т. И., Хомякова, Е. Г. Конструирование нарратива о соцреализме в англоязычном искусствоведческом дискурсе (на материале текстов Мэтью Бауна) / А. В. Стрельцова, Т. И. Петухова, Е. Г. Хомякова // Научный диалог, 2022. – Т. 11., № 4. – С. 153-171.
119. Строева, А. С. Международно-правовое признание Косово / А. С. Строева. – М.: [б. и.], 2014. – 224 с.
120. Суханов, Ю. Ю. Специфика политического дискурса / Ю. Ю. Суханов // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2017. – С. 147-149.
121. Сюткина, Н. П., Шустова С. В., Зубарева Е. О. Взаимодействие категорий эмотивности и интенсивности / Н. П. Сюткина, С. В. Шустова, Е. О. Зубарева // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки, 2025. – С. 237-240.
122. Тарасова, И. А. Фреймовый анализ в исследовании идиостилей / И. А. Тарасова // Филологические науки, 2004. – № 4. – С. 42-49.
123. Тархова, Е. В. Анафора: ее типы, функции, их языковая репрезентация (на материале судебных речей русских юристов) / Е. В. Тархова // Вестник ТГУ, 2006. – Вып. 2 (42). – С. 251-252.
124. Татаурова, Д. М. Дискурс медиации в полилогической коммуникации / Д. М. Татаурова // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование», 2019. – С. 100-105.
125. Телия, В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира, 1988. – С. 173-204.
126. Терехов, М. Д. Фреймовый подход: философско-методологический аспект / М. Д. Терехов // Вестник Московского университета, 2014. – №6 (сер.7). – С. 53-71.
127. Терпак, М. А. Фреймовая модель как способ структурирования и анализа концептов / М. А. Терпак // Вестник СамГУ, 2006. – №5-1. – С. 132-137.

128. Трemasкина, О. А. Когнитивное моделирование концептов conflict и crisis с позиции их взаимодействия в англоязычном экономическом медиадискурсе / О. А. Трemasкина // Филологические науки в МГИМО, 2019. – Том 20 (№4). – С. 63-70.
129. Трощенкова, Е. В. Взаимодействие стереотипов в коммуникативных стратегиях американского общественно-политического дискурса / Е. В. Трощенкова // Вестник СПбГУ. Язык и литература, 2017. – Т. 14., Вып. 2. – С. 248-274.
130. Трощенкова, Е. В. Социокультурное знание в когнитивно-коммуникативной деятельности: стратегии воздействия в американском общественно-политическом дискурсе: дисс. ... д-ра. филол. наук: 10.02.04, 10.02.19 / Е. В. Трощенкова; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2016. – 436 с.
131. Тырыгина, В. А., Хохлова, Н. В. Фреймовое моделирование концепта «Политик» (на материале дискурса Хиллари Клинтон) / В. А. Тырыгина, Н. В. Хохлова // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи, 2018. – № 2 (31). – С. 220-223.
132. Филлмор, Ч. Дело о падеже / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике, 1981. – Вып. 10. – С. 369-495.
133. Филлмор, Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике, 1988. – Вып. 23. – С. 52-93.
134. Филлмор, Ч. Фреймы и семантика понимания // Ч. Филлмор // Когнитивные аспекты языка, 1988. – С. 16-33.
135. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко. – Киев: «Ника-центр», 1996. – 208 с.
136. Хармандарян, С. В., Якубовская, С. И. Образование Союза Советских Социалистических Республик: Сб. док. / С. В. Хармандарян, С. И. Якубовская. – М.: Наука, 1972. – 532 с.

137. Хачатрян, В. А. Применение дискурс-анализа при исследовании образа государства в СМИ / В. А. Хачатрян // Социально-гуманитарные знания, 2022. – №6. – С. 164-168.
138. Хлебникова, И. Б. Сослагательное наклонение в английском языке / И. Б. Хлебникова. – М.: Высшая школа, 1994. – 176 с.
139. Хузина, Е. А. Модальность необходимости и долженствования конструкций с инфинитивом-сказуемым (на материале русских пословиц и поговорок) / Е. А. Хузина // Вестн. Челяб. гос. ун-та, 2011. – № 8. – С. 147-152.
140. Цой, Л. Н., Иванов, О. Б. Медиация и конфликтология: методологические и предметно-содержательные различия / Л. Н. Цой, О. Б. Иванов // Власть, 2016. – №10. – С. 69-75.
141. Червяков, А. А. Семантика SHOULD и семантика глагола в инфинитиве / А. А. Червяков // Вестник Пермского университета, 2011. – Вып. 3 (15). – С. 52-57.
142. Чернышенко, А. Г. Специфика лингвистических параметров дискурса медиации / А. Г. Чернышенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2013. – №12 (30). – С. 209-213.
143. Чиркович, С.М. История сербов / С. М. Чиркович. – М.: Издательство «Весь мир», 2009. – 448 с.
144. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика: учебное пособие / А. П. Чудинов. – М.: Наука, 2006. – 256 с.
145. Чумиков, А. Н. Медиация в системе конфликтологии социальных взаимоотношений: состояние и перспективы развития / А. Н. Чумиков // Социологическая наука и социальная практика, 2023. – Т. 11 (№ 2). – С. 41-56.
146. Шамликашвили, Ц.А. Основы медиации как процедуры урегулирования споров. Учебное пособие / Ц. А. Шамликашвили. – М.: МЦУПК, 2013. – 128 с.
147. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – М.-Волгоград: Перемена, 2000. – 365 с.

148. Шейгал, Е. И. Язык и власть / Е. И. Шейгал // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики, 1999. – С. 132–149.
149. Шейгал, Е. И., Желтухина М. Р. Фрейм «политик»: серьезное и комическое / Е. И. Шейгал, М. Р. Желтухина // Когнитивные аспекты языковой категоризации, 2000. – С. 145-150.
150. Шеннон, К. Работы по теории информации и кибернетике / К. Шеннон. – М.: Издательство иностранной литературы, 1963. – 830 с.
151. Barsalou, L. W. Cognitive Psychology: An Overview for Cognitive Scientists / L. W. Barsalou // Annual Review of Psychology Barsalou, 1992. – P. 21-74.
152. Bauer, L. Watching English Change an Introduction to the Study of Linguistic Change in Standard Englishes in the Twentieth Century / L. Bauer. – New York: Longman Publishing, 1994. – 216 p.
153. Benveniste, E. Problemes de linguistique general / E. Benveniste. – P.: Gallimard, 1966. – 356 p.
154. Bercovitch, J. Mediators and Mediation Strategies in International Relations / J. Bercovitch // Negotiation Journal, 1992. – P. 99-112.
155. Busch, D. Interkulturelle Mediation. Eine theoretische Grundlegung triadischer Konfliktbearbeitung in interkulturell bedingten Kontexten / D. Busch. – Frankfurt/Main et al.: 2005. – 390 S.
156. Chafe, W. Beyond beads on string and branches in a tree / W. Chafe // Conceptual structure, discourse and language, 1996. – P. 49-66.
157. Charniak, E. Organization and inference in a frame-like system of common sense knowledge / E. Charniak // Theoretical issues in natural language processing, 1975. – P. 42-51.
158. Chouliaraki, L. Discourse and Mediation / L. Chouliaraki // In S. Allan (Ed.), Rethinking Communication: Keywords in Communication Research. Hampton Press, 2010. – P. 831-47.

159. Chouliaraki, L. Discourse and Mediation: A Historical Overview of Theoretical Narratives and Research Agendas / L. Chouliaraki // *The Greek Review of Social Research*, 2025. – P. 75-93.
160. Crystal, D. *English as a Global Language* / D. Crystal. – Cambridge University Press, 2012. – 212 p.
161. De Beaugrande, R. A., Dressler, W. U. *Introduction to text linguistics* / R. A. De Beaugrande, W. U. Dressler. – London: Longman, 1981. – 270 p.
162. Dijk, T. A. van. *Prejudice in discourse* / T. A. van Dijk. – Amsterdam: Benjamins, 1984. – 172 p.
163. Dijk, T. A. van., Kintsch, W. *Strategies of discourse comprehension* / T. A. van Dijk, W. Kintsch. – New York: Academic Press, 1983. – 389 p.
164. Fillmore, Ch. J. *An Alternative to checklist theories of meaning* / Ch. J. Fillmore // *BSL*, 1975. – V. 1. – P. 123-131.
165. Forrester, J. *A Brief Overview of English as a Language in Change* / J. Forrester // *Asian Social Science*, 2008. – № 6. – P. 108-113.
166. Freeman, E. A. *Neutrality – real or pretended* / E. A. Freeman // *The contemporary review*, 1877. – № 30. – P. 877-893.
167. Freeman, E. A. *The English people in relation to the Eastern Question* / E. A. Freeman // *The contemporary review*, 1877. – № 29. – P. 489-515.
168. Garnham, A. *Mental models and the interpretation of anaphora* / A. Garnham. – Hove, East Sussex: Psychology Press, 2013. – 184 p.
169. Gladstone, W. E. *Bulgarian horrors and the Question of the East* / W. E. Gladstone. – London: John Murray, Albemarle Street, 1876. – 32 p.
170. Gladstone, W. E. *The Hellenic factor in the eastern problem* / W. E. Gladstone // *The contemporary review*, 1877. – P. 1-27.
171. Goffman, E. *Frame analysis: An essay on the organization of experience* / E. Goffman // *N. Y.J.*, 1974. – P. 10-11.
172. Graddol, D. *The Future of English?* / D. Graddol. – The British Council, 2006. – 64 p.

173. Halper, D. Hillary Clinton talks about God [Электронный ресурс] / D. Halper // New York Post, 2016. – URL: <https://nypost.com/2016/09/09/hillary-clinton-talks-about-god/>
174. Harris, Z. S. Discourse analysis / Z. S. Harris // Language, 1952. – Vol. 28. – P. 1-30; 474-494.
175. Jayadi, H., Hasibuan, H., Kuntadi, K., Susanto, H. Analysis of The Efficiency of Mediation Methods in Handling Conflicts / H. Jayadi, H. Hasibuan, K. Kuntadi, K. Susanto // Journal Of Law And Sustainable Development, 2024. – P. 1-16.
176. Johnstone, B. The Sociolinguistics of Globalization: Standardization and Localization in the Context of Change / B. Johnstone // Annual Review Linguistics, 2016. – Vol. 2. – P. 349-365.
177. Ković, M. Kosovo Covenant and Serbian National Identity / Miloš Ković // Artistic Heritage of the Serbian People in Kosovo and Metohija: History, Identity, Vulnerability, Protection, 2017. – P. 113-147.
178. Kreuser, K. Entschieden fragen: Ein selbstkritischer Kommentar zu Subjekten und Objekten der Mediationsforschung / K. Kreuser // Mediation erforschen: Fragen — Forschungsmethoden — Ziele, 2012. – S. 71–86.
179. Langacker, R. W. Discourse in Cognitive Grammar / R. W. Langacker // Cognitive Linguistics, 2001. – Vol. 12, № 2. – P. 143-188.
180. Lee, B. (1992). Textuality, mediation and public discourse / B. Lee // C. Calhoun (Ed.), Habermas and the public sphere. MIT Press, 1992. – P. 402-419.
181. Löbner, S. Frames at the Interface of Language and Cognition / S. Löbner // The Annual Review of Linguistics, 2021. – 261-284.
182. Macgahan, J. A. The Turkish atrocities in Bulgaria. Letters of the special commissioner of the “Daily News” / J. A. Macgahan. – London: Bradbury, Agnew & Co., 1876. – 96 p.
183. Metzger, D. Frame conceptions and text understanding / D. Metzger // Journal of Pragmatics, 1981. – P. 477-480.

184. Moore, C. W. *The mediation process: Practical strategies for resolving conflict* / C. W. Moore. – San Francisco, CA: Jossey-Bass, 1987. – 336 p.
185. Morasso, S. G. *Argumentative And Other Communicative Strategies Of The Mediation Practice* / S. G. Morasso // Ph.D. dissertation, University of Lugano, 2008. – 336 p.
186. Phillipson, R. *Linguistic Imperialism* / R. Phillipson. – Oxford: Oxford University Press, 1992. – 321 p.
187. Portere, V., Morevs V. *Dialogue is a sign of constructiveness in mediation* / V. Portere, V. Morevs // *Research for rural development*, 2020. – Vol. 35. – 296-302.
188. Purwadi, W. *Analysis Of The Effectiveness Of Mediation In Divorce In The Manado Religious Court* / W. Purwadi // *Journal of Islamic Family Law*, 2021. – 1(1). – P. 36-49.
189. Rumelhart, D. E. *Notes on a schema for stories* / D. E. Rumelhart // *Representation and understanding*, 1975. – P. 211-236.
190. San-Toi, W. *Disputants' Talk In Mediation: A Single Case Analysis* / W. San-Toi // D.Ed. dissertation, Columbia University, 2009. – 234 p.
191. Schank, R. C., Abelson, R. P. *Scripts, plans, goals and understanding: An inquiry into human knowledge structures* / R. C. Schank, R. P. Abelson. – Psychology Press, 1977. – 266 p.
192. Sinclair-James, L. *Communication And Mediation: A Structural Model* / L. Sinclair-James // Ph.D. thesis, Purdue University, 2000 – 266 p.
193. Situmorang, M. *Measuring The Effectiveness of Consumer Dispute Resolution on Small Value E-Commerce Transaction* / M. Situmorang // *Journal Penelitian Hukum De Jure*, 2022. – Vol. 22, Issue 4. – P. 537-550.
194. Skutnabb-Kangas, T., Phillipson, R. *The global politics of language: markets, maintenance, marginalization, or murder?* / T. Skutnabb-Kangas, T. Phillipson // *Oxford: The Handbook of Language and Globalization*. 2010. – P. 77-100.

195. Sljelsboek, K. The UN Secretary-General and the Mediation of International Disputes / K. Sljelsboek // Journal of Peace Research, 1991. – Vol. 28, no.1. – S. 99-115.
196. Soika, I. Entity of Dialogue in Career Guidance of Secondary Vocational Schools / I. Soika // Environment. Education. Personality, 2015. – P. 338-346.
197. Stubbs, M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language / M. Stubbs. – Oxford: Blackwell, 1983. – 272 p.
198. Sundaresan, S. Shifty Attitudes: Indexical Shift Versus Perspectival Anaphora / S. Sundaresan // Annual Review of Linguistics, 2021. – P. 235-259.
199. Swan, M. What is happening in English? / M. Swan // English Teaching Professional, 2005. – №40. – P. 69-74.
200. Wilks, Y. Frames, semantics and novelty / Y. Wilks // Frame conceptions and text understanding, 1980. – №5. – P. 134-163.
201. Winograd, T. Frame representations and the declarative/procedural controversy / T. Winograd // Representation and understanding, 1975. – P. 185-210.
202. Yermolayeva, Y. V. The Main Characteristics of Dialogic Interaction (Defining the Actual Tasks of Pedagogic Dialogue) / Y. V. Yermolayeva // The Education and Science Journal, 2015. – №1(7). – P. 18-34.
203. Zartman, W. I., Touval, S. International Mediation: Conflict Resolution and Power Politics / W. I. Zartman, S. Touval // Journal of Social Issues, 1985. – Vol. 41, No. 2. – P. 27-45.

Список использованных словарей и справочных изданий

1. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Лингвистический энциклопедический словарь / Н. Д. Арутюнова / под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 683 с.
2. Библия, или книги Священного Писания Ветхого и Нового завета, в русском переводе, с параллельными местами и указателем церковных чтений. – Москва, 2003. – 1272 с.

3. Большая советская энциклопедия : [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров. – М.: гос. изд-во «Большая советская энциклопедия», 1950. – Т.5. – С. 342.
4. Большая советская энциклопедия : [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров. – М.: гос. изд-во «Большая советская энциклопедия», 1951. – Т.6. – С. 85.
5. Большая советская энциклопедия : [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров. – М.: гос. изд-во «Большая советская энциклопедия», 1952. – Т.13. – С. 145-146.
6. Большая советская энциклопедия : [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров. – М.: гос. изд-во «Большая советская энциклопедия», 1954. – Т.27. – С. 576.
7. Большая советская энциклопедия : [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров. – М.: гос. изд-во «Большая советская энциклопедия», 1955. – Т.34. – С. 248.
8. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка (том 4) / В. И. Даль. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956. – 684 с.
9. Српска православна црква. Свети архијерејски сабор. Меморандум о Косову и Метохији Светог архијерејског синода Српске православне Цркве / Српска православна црква. Свети архијерејски сабор / Београд: Штампарија Српске патријаршије, 2003. – 215 с.
10. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/>
11. Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.merriam-webster.com/>
12. Oxford Learner's Dictionaries [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/us/>

Список использованных электронных ресурсов удаленного доступа

1. Беленькая, М., Клин, Б. Референдум СССР 1991 года [Электронный ресурс] / М. Беленькая, Б. Клин // Официальный сайт ТАСС, 2016. – URL: <https://tass.ru/spec/ussr-referendum> (дата обращения: 22.04.25).
2. Государственный Совет Республики Крым. Хронология «Крымской весны». История и современность [Электронный ресурс] / Государственный

Совет Республики Крым // Официальный сайт «Государственный совет Республики Крым», 2018. – URL: http://crimea.gov.ru/en/o_gossovete/istoriya_sovremennost#:~:text=20%20января%201991%20года%20в,и%20участника%20Союзного%20договора%3F%22 (дата обращения: 22.04.25).

3. Декларация о суверенитете Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс] / Малороссия. – 2014. – URL: http://malaya-russia.blogspot.ru/2014/04/blog_post_894.html (дата обращения: 22.04.2025).

4. Комплекс мер по выполнению Минских соглашений [Электронный ресурс] // Organization for Security and Co-operation in Europe, 2015. – URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/5/b/140221.pdf> (дата обращения: 22.04.2025).

5. Кондакова, Е. Саммит в Швейцарии ещё не начался, а уже становится фиаско для Зеленского [Электронный ресурс] / Е. Кондакова // Регнум, 2024. – URL: <https://regnum.ru/article/3893219> (дата обращения: 22.04.25).

6. Конституция Республики Сербии [Электронный ресурс] // Устав Републике Србије, 2006. – URL: http://www.parlament.gov.rs/upload/documents/Ustav_Srbije_pdf.pdf (дата обращения: 02.05.2025).

7. Конституция СФРЮ 1974 г. [Электронный ресурс] // Устав СФРЈ, 2018. – URL: https://www.yuhistorija.com/Serbian/doc/Ustav_SFRJ_iz_1974.pdf (дата обращения: 02.05.2025).

8. Красники, Д. Декларация независимости Косово [Электронный ресурс] / Д. Красники // Россия: Библиотека Пашкова, 2008. – URL: <https://constitutions.ru/?p=17452> (дата обращения: 04.04.2025).

9. Мирная конференция по Украине доказала успех Путина, пишут СМИ [Электронный ресурс] // РИА Новости, 2025. – URL: <https://ria.ru/20240617/putin-1953479061.html> (дата обращения: 12.12.25).

10. Официальный сайт ТАСС. Илон Маск открыл доступ к Starlink на Украине [Электронный ресурс] / Официальный сайт ТАСС / Информационное

агентство России «ТАСС», 2022. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/13880247> (дата обращения: 22.04.25).

11. Прийма, И. Ф. Об истоках и судьбах украинского конфликта [Электронный ресурс] / И. Ф. Прийма // Академия Сербия – Online. URL: <https://vk.com/@drustvors-ob-istokah-i-sudbah-ukrainskogo-konflikta> (дата обращения: 22.04.25).

12. РБК. Мирный план Трампа по Украине. Полный текст [Электронный ресурс] / РБК // РосБизнесКонсалтинг, 2025. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/11/2025/691f7a8f9a7947c408f08c41> (дата обращения: 12.12.25).

13. Сербия и Косово договорились о выполнении Брюссельского соглашения [Электронный ресурс] / Московский комсомолец, 2013. – URL: <https://www.mk.ru/politics/2013/05/23/858435-serbiya-i-kosovo-dogovorilis-o-vyipolnenii-bryusselskogo-soglasheniya.html> (дата обращения: 22.04.25).

14. Совет Безопасности ООН. Резолюция 1244 (1999 год) [Электронный ресурс] / Совет Безопасности ООН // Организация Объединенных Наций, 2018. – URL: [https://docs.un.org/ru/S/RES/1244\(1999\)](https://docs.un.org/ru/S/RES/1244(1999)) (дата обращения: 02.05.2025).

15. Юнситрал (Комиссия Организации Объединенных Наций по праву международной торговли). Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международной коммерческой медиации и международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации, с Руководством по принятию и применению [Электронный ресурс] / Юнситрал // Организация Объединенных Наций, 2022. – URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/mediation/modellaw/commercial_conciliation

16. CNN. Fact check: It wasn't 'in jest.' Here are 53 times Trump said he'd end Ukraine war within 24 hours or before taking office [Электронный ресурс] / CNN // Официальный сайт CNN, 2024. – URL: <https://edition.cnn.com/2025/04/25/politics/fact-check-trump-ukraine-war> (дата обращения: 22.04.25).

17. European Union. Consolidated Version Of The Treaty On European Union [Электронный ресурс] / European Union // Official Journal of the European Union,

2012. – URL: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:2bf140bf-a3f8-4ab2-b506-fd71826e6da6.0023.02/DOC_1&format=PDF (дата обращения: 12.12.25).

18. Swiss federal authorities. Switzerland to host high-level conference on peace at the Bürgenstock resort in June 2024 [Электронный ресурс] / Swiss federal authorities // Swiss Confederation, 2024. – URL: www.vbs.admin.ch (дата обращения: 22.04.25).

19. Woodward, A. Trump relates conversation with God about his 'great job' on the economy: 'I'm the only one that could do it' [Электронный ресурс] / A. Woodward // The Independent, 2020. – URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/americas/us-election/trump-god-religion-economy-minnesota-mankato-speech-today-jobs-a9675111.html>

Список источников эмпирического материала

1. Brussels Agreement. First Agreement of Principles Governing the Normalization of Relations. – URL: <https://www.srbija.gov.rs/specijal/en/120394>

2. China's Position on the Political Settlement of the Ukraine Crisis. – URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/zy/gb/202405/t20240531_11367485.html

3. Franco-German plan to resolve the Kosovo-Serbia dispute. – URL: <https://www.euractiv.com/section/defence/news/leak-franco-german-plan-to-resolve-the-kosovo-serbia-dispute/>

4. Joint Press Statements by Secretary of State Hillary Rodham Clinton, Serbian Prime Minister Ivica Dacic, and EU High Representative Cathy Ashton. – URL: <https://2009-017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2012/10/199880.htm>

5. June 2024 Ukraine peace summit. – URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2024/06/16/joint-communicue-on-a-peace-framework-summit-on-peace-in-ukraine/>

6. Meeting with Embassy Pristina Staff and their Families. – URL: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2012/10/199883.htm>

7. Remarks by President Trump, President Vučić of Serbia, and Prime Minister Hoti of Kosovo in a Trilateral Meeting. – URL:

<https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-president-vucic-serbia-prime-minister-hoti-kosovo-trilateral-meeting/>

8. Remarks With Kosovo Prime Minister Hashim Thaci and EU High Representative Catherine Ashton. – URL: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2012/10/199899.htm>

9. Statement by Russia's Ministry of Foreign Affairs on Kosovo Settlement. – URL: https://mid.ru/en/foreign_policy/news/1644858/

10. The First Agreement of Principles Governing the Normalisation of Relations Meeting With Staff and Families of Embassy Belgrade. – URL: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2012/10/199878.htm>

11. Trump's 28-point Ukraine peace plan. – URL: <https://news.sky.com/story/trumps-28-point-ukraine-peace-plan-in-full-including-land-kyiv-must-hand-to-russia-and-when-elections-must-be-held-13473491>

12. Декларација о реинтеграцији Косова и Метохије у уставно-правни поредак Србије. – URL: <https://www.novidss.rs/srp/news/41244/details/w/0/deklaracija-o-reintegraciji-kosova-i-metohije-u-ustavno-pravni-poredak-srbije/>

13. Интервью Дональда Трампа телеканалу “Fox News Channel”. – URL: <https://youtu.be/GSE728iurSQ?si=y27yPXMrXfSm93F1>

14. Предвыборная кампания Трампа. – URL: <https://edition.cnn.com/2025/04/25/politics/fact-check-trump-ukraine-war>

Список приложений

Приложения 1-17

Таблицы, иллюстрирующие языковую репрезентацию медиаторных стратегий и тактик в высказываниях, рассмотренных в настоящем исследовании.

Языковая репрезентация медиаторных стратегий и тактик в документе 'Statement by Russia's Ministry of Foreign Affairs on Kosovo Settlement'			
Стратегия дискредитации	<p>тактика противопоставления</p> <ul style="list-style-type: none"> <i>useful ideas and suggestions – the US and some EU nations openly ignore;</i> <i>Kosovo separatists – non-Albanian population, primarily the Serbs, refugee</i> 	<p>тактика критики альтернативных медиаторов</p> <ul style="list-style-type: none"> оценочная лексика: <i>absurd claims, destructive signals, provocative statements</i> 	<p>тактика апелляции к конкретному авторитету</p> <ul style="list-style-type: none"> <i>tightrope walking and such unilateral interpretation of SC resolutions</i>
Стратегия консолидации (объединения)	<p>тактика апелляции к конкретному авторитету</p> <ul style="list-style-type: none"> <i>The authority of the UN is at stake. Kosovo settlement cannot occur outside the Security Council, the UN's main body responsible for international peace and security.</i> 	<p>тактика призыва к коллективной ответственности</p> <ul style="list-style-type: none"> <i>The Kosovo settlement Rubicon should be passed without tragic upheavals. Responsibility for this lies on all of us.</i> 	<p>тактика описания потенциальных угроз</p> <ul style="list-style-type: none"> <i>...may lead to serious adverse consequences for regional and international stability</i>
Стратегия манипуляции	<p>тактика скрытой манипуляции</p> <ul style="list-style-type: none"> <i>There goes behind-the-scenes maneuvering around the United Nations leadership, whom they want, in breach of their prerogatives, to induce towards legitimizing future illegal moves. We are convinced that no one will succumb to blackmail.</i> 		

Языковая репрезентация медиаторных стратегий и тактик в выступлении 'Meeting With Staff and Families of Embassy Belgrade'		
Стратегия самопрезентации	<p>тактика авторитетного заявления</p> <ul style="list-style-type: none"> • прилагательные-интенсификаторы: <i>special, single, strongly</i> • анафорические высказывания: <i>We've been clear that..., We recognize that...</i> <p>Комплиментарная лексика по отношению к сотрудникам американского посольства: <i>But this mission never skipped a beat. You kept doing what needed to be done</i></p>	<p>тактика выдвижения условий</p> <ul style="list-style-type: none"> • модальные глаголы со значением строгой необходимости: <i>Serbia does need to make progress; ...the two countries must take together</i>
Стратегия объединения	<p>тактика комплиментарной оценки сербского персонала</p> <ul style="list-style-type: none"> • оценочные лексемы: <i>dedicated, important</i> 	
Стратегия манипуляции	<p>тактика выдвижения условий</p> <ul style="list-style-type: none"> • модальные глаголы со значением строгой необходимости: <i>Serbia does need to make progress; ...the two countries must take together</i> 	

Языковая репрезентация медиаторных стратегий и тактик в выступлениях 'Joint Press Statements by Secretary of State Hillary Rodham Clinton, Serbian Prime Minister Ivica Dacic, and EU High Representative Cathy Ashton'			
Стратегия самопрезентации	<p>тактика собственной вовлеченности в медиаторный процесс</p> <ul style="list-style-type: none"> • <i>I am facilitating between Belgrade and Pristina <...> and we agreed to continue the dialogue between</i> 	<p>статусно-ролевая тактика</p> <ul style="list-style-type: none"> • местоимения первого лица: <i>I am to be back..., I started..., I have carried on..., we are committed...</i> • глаголы 'to support', 'to help' и 'to assist' • глагол со значением оценивания действия: 'to applaud' 	
Стратегия убеждения	<p>тактика собственной вовлеченности в медиаторный процесс</p> <ul style="list-style-type: none"> • <i>I am facilitating between Belgrade and Pristina <...> and we agreed to continue the dialogue between</i> 	<p>тактика всеобщей заинтересованности в разрешении конфликта</p> <ul style="list-style-type: none"> • личные и притяжательные местоимения первого лица множественного числа: <i>our joint commitment; we would very much</i> 	<p>тактика повторения основной мысли</p> <ul style="list-style-type: none"> • наречия со значением повторного действия: <i>I say again</i>

	<p>тактика драматизации</p> <ul style="list-style-type: none"> • прилагательные в сравнительной степени: <i>better, easier</i> • анафора: <i>it's good for...</i> • модальный глагол 'need' • качественные прилагательные и наречия: <i>really important, significant progress, extremely important, real progress, clear objective</i> 	<p>тактика маскировки авторской тенденциозности</p> <ul style="list-style-type: none"> • инверсия тезисов и аргументов: <i>smart population who deserve to have economic opportunities, who deserve to have a future in Europe, who deserve to have every opportunity that every other young European has. That is what the United States wants to see for Serbia and the people of Serbia. We did not come here to set conditions.</i> 	
Стратегия манипуляции	<p>тактика собственной вовлеченности в медиаторный процесс</p> <ul style="list-style-type: none"> • <i>I am facilitating between Belgrade and Pristina <...> and we agreed to continue the dialogue between</i> 	<p>тактика повторения основной мысли</p> <ul style="list-style-type: none"> • наречия со значением повторного действия: <i>I say again</i> 	<p>тактика драматизации</p> <ul style="list-style-type: none"> • прилагательные в сравнительной степени: <i>better, easier</i> • анафора: <i>it's good for...</i> • модальный глагол 'need' • качественные прилагательные и наречия: <i>really important, significant progress, extremely important, real progress, clear objective</i>
	<p>тактика создания имиджа друга</p> <ul style="list-style-type: none"> • анафоры '<i>We did not come here</i>' и '<i>who deserve to have</i>' 	<p>тактика намеренного искажения фактов</p> <ul style="list-style-type: none"> • <i>Kosovo is an independent nation. The boundaries of Europe will not change.</i> 	<p>тактика подмены информации</p> <ul style="list-style-type: none"> • контекстная близость сочетаний '<i>free, and democratic Europe</i>', '<i>first and foremost in the interests of the people of Serbia</i>' и '<i>surest path to a future of peace, stability, and prosperity</i>' • идиома '<i>hand in hand</i>'

Стратегия объединения	<p>статусно-ролевая тактика</p> <ul style="list-style-type: none"> • глаголы со значением оценивания действия: <i>And we applaud the recent meeting...</i> 	<p>тактика проектирования благоприятного совместного будущего</p> <ul style="list-style-type: none"> • отсылка к общечеловеческим ценностям: <i>the everyday security and economic interests of all the people</i> 	<p>тактика уступки</p> <ul style="list-style-type: none"> • анафоры <i>'We did not come here'</i> и <i>'who deserve to have'</i>
	<p>тактика создания имиджа друга</p> <ul style="list-style-type: none"> • анафоры <i>'We did not come here'</i> и <i>'who deserve to have'</i> • неформальный глагол <i>'to laugh'</i> 	<p>тактика позитивной оценки</p> <ul style="list-style-type: none"> • образные определения: <i>a well-educated, internet savvy, culturally smart population</i> 	

Языковая репрезентация медиаторных стратегий и тактик в выступлении 'Remarks With Kosovo Prime Minister Hashim Thaci and EU High Representative Catherine Ashton'			
Стратегия презентации конфликтующей стороны	<p>тактика положительной оценки действий косовских властей</p> <ul style="list-style-type: none"> • прилагательные с положительной коннотацией: <i>proud, right, courageous, smart</i> • прилагательное <i>'brave'</i> в сочетании с наречием-интенсификатором <i>'extremely'</i> 	<p>тактика драматизации</p> <ul style="list-style-type: none"> • сочетания <i>'political risk'</i> и <i>'the sacrifice of the people'</i> 	<p>тактика поддержки и обещания</p> <ul style="list-style-type: none"> • инверсия <i>'not only..., but'</i> • формы будущего времени глаголов с модальным оттенком: <i>will be working hard on this, but that we will be in close contact</i>
Стратегия объединения	<p>тактика рекомендации и пожеланий</p> <ul style="list-style-type: none"> • вводные конструкции <i>'we believe', 'we think'</i> 	<p>тактика помощника</p> <ul style="list-style-type: none"> • местоимения 1-го лица в сочетании с единицами, обозначающими намерения медиатора помочь конфликтующей стороне: <i>that is our goal for you. We want to continue working with you.</i> 	<p>тактика обещания</p> <ul style="list-style-type: none"> • экспрессивная лексема <i>'anxious'</i> и сравнительный оборот <i>'as quickly as possible'</i> • анафора <i>'We will stand with you'</i>

Стратегия убеждения	<p>тактика построения перспективы</p> <ul style="list-style-type: none"> • прилагательное <i>'strong'</i> в сравнительной степени • лексический повтор: <i>stronger economically, stronger politically</i> • синтаксический параллелизм: ... <i>where the rule of law is observed correctly, where human rights are fully respected</i> 		
---------------------	--	--	--

Языковая репрезентация медиаторных стратегий и тактик в выступлении 'Meeting with Embassy Pristina Staff and their Families'			
Стратегия презентации конфликтующей стороны	<p>тактика положительной оценки работников посольства</p> <ul style="list-style-type: none"> • прилагательное <i>'exciting'</i> 		
Стратегия самопрезентации	<p>тактика положительной оценки работников посольства</p> <ul style="list-style-type: none"> • прилагательное <i>'exciting'</i> 	<p>тактика осведомленности</p> <ul style="list-style-type: none"> • наречие времени <i>'already'</i> и грамматическая категория Continuous, которая придает действиям медиатора свойство непрерывности • анафора <i>'I know...'</i> 	
Стратегия объединения	<p>создание «общего знаменателя» для конфликтующих сторон:</p> <ul style="list-style-type: none"> • <i>I want to also recognize how significant the economic growth has been</i> 		

Языковая репрезентация медиаторных стратегий и тактик в документе 'Brussels Agreement. First Agreement of Principles Governing the Normalization of Relations'			
Стратегия манипуляции	<p>тактика апелляции к авторитету</p> <ul style="list-style-type: none"> • <i>the European Charter of Local Self Government and Kosovo law; the OSCE in accordance with Kosovo law</i> 	<p>тактика возложения обязательств</p> <ul style="list-style-type: none"> • модальный глагол <i>shall</i> • лексемы <i>'one'</i> и <i>'only'</i> 	

	<p>тактика уступки</p> <ul style="list-style-type: none"> определение 'equivalent' 	
Стратегия самопрезентации презентации конф. стороны	<p>тактика апелляции к авторитету</p> <ul style="list-style-type: none"> <i>the European Charter of Local Self Government and Kosovo law; the OSCE in accordance with Kosovo law</i> 	
Стратегия объединения	<p>тактика уступки</p> <ul style="list-style-type: none"> определение 'equivalent' 	
Стратегия информирования	<p>тактика разъяснения</p> <ul style="list-style-type: none"> словосочетание 'for example' вставные конструкции, вводимые с помощью скобок 	<p>тактика повтора информации</p> <ul style="list-style-type: none"> пассивные конструкции в простом будущем времени: <i>There will be an Association/Community of Serb majority municipalities in Kosovo; Legal guarantees will be provided by applicable law and constitutional law</i>

<p>Языковая репрезентация медиаторных стратегий и тактик в выступлении 'Remarks by President Trump, President Vučić of Serbia, and Prime Minister Hoti of Kosovo in a Trilateral Meeting'</p>		
Стратегия самопрезентации	<ul style="list-style-type: none"> личные и притяжательные местоимения первого лица: <i>I'm pleased to announce a truly historic commitment; my administration proposed a new way of bridging the divide</i> 	
Стратегия объединения	<p>тактика отыскивания общего «знаменателя»</p> <ul style="list-style-type: none"> <i>economic normalization, economic growth, economic cooperation</i> 	<p>тактика поощрительной оценки политических руководителей</p> <ul style="list-style-type: none"> лексемы положительной оценки (<i>tremendous bravery, respected, safer</i>)
Стратегия манипуляции	<p>о конфликтующих сторонах говорится как об отдельных государствах:</p> <ul style="list-style-type: none"> <i>And I can say that Serbia and Kosovo...; I look forward to seeing Serbia and Kosovo prosper</i> 	

Языковая репрезентация медиаторных стратегий и тактик в документе 'Franco-German plan to resolve the Kosovo-Serbia dispute'		
Стратегия манипуляции	<p>тактика создания «общего знаменателя» для конфликтующих сторон</p> <ul style="list-style-type: none"> • <i>mutual aspirations to EU membership</i> 	<p>тактика преднамеренного искажения фактов (Косово и Сербия упоминаются как отдельные государства)</p> <ul style="list-style-type: none"> • <i>Kosovo and Serbia shall develop normal...</i>
Стратегия объединения	<p>тактика создания «общего знаменателя» для конфликтующих сторон</p> <ul style="list-style-type: none"> • лексемы, апеллирующие к общности интересов: <i>each other based on equal rights, mutual respect, cooperation</i> 	<p>тактика отсылки к достигнутым ранее договоренностям</p> <ul style="list-style-type: none"> • <i>In conformity with the SAA [Stabilisation and Association Agreements] signed by both parties...</i>

Языковая репрезентация медиаторных стратегий и тактик в выступлении 'Декларација о реинтеграцији Косова и Метохије у уставно-правни поредак Србије'		
Стратегия объединения	<p>тактика описания совместного будущего</p> <ul style="list-style-type: none"> • сочетание «<i>косовские албанцы</i>» 	
Стратегия убеждения	<p>тактика аксиоматичности</p> <ul style="list-style-type: none"> • <i>Декларација о реинтеграцији Косова и Метохије у уставно-правни поредак Србије</i> 	<p>тактика апелляции к авторитету</p> <ul style="list-style-type: none"> • резолюция Организации Объединенный Наций, но и нормативно-правовые акты: <i>Полазећи од Резолуције 1244 и Устава Републике Србије</i>

Языковая репрезентация медиаторных стратегий и тактик в публикациях Илона Маска			
Стратегия убеждения	<p>тактика отсылки к демократическим ценностям</p> <ul style="list-style-type: none"> • придаточное предложение условия: <i>if that is will of the people</i> 	<p>тактика апелляции к авторитету</p> <ul style="list-style-type: none"> • <i>under UN supervision</i> 	<p>тактика апелляции к историческому контексту</p> <ul style="list-style-type: none"> • <i>Crimea formally part of Russia, as it has been since 1783 (until Khrushchev's mistake)</i> • <i>Ukraine remains neutral</i>
	<p>тактика угрозы</p> <ul style="list-style-type: none"> • придаточное предложение условия: <i>They go to full war mobilization if Crimea is at risk</i> 	<p>тактика описания потенциальных последствий</p> <ul style="list-style-type: none"> • <i>Death on both sides will be devastating</i> 	

Стратегия самопрезентации	<p>тактика апелляции к историческому контексту</p> <ul style="list-style-type: none"> • <i>Crimea formally part of Russia, as it has been since 1783 (until Khrushchev's mistake)</i> • <i>Ukraine <u>remains</u> neutral</i> 		
---------------------------	---	--	--

Языковая репрезентация медиаторных стратегий и тактик в документе 'China's Position on the Political Settlement of the Ukraine Crisis'			
Стратегия самопрезентации	<p>тактика апелляции к конкретному авторитету</p> <ul style="list-style-type: none"> • глаголы, формирующие декларативные высказывания: <i>China opposes...; China supports...</i> 		
Стратегия объединения	<ul style="list-style-type: none"> • лексемы, апеллирующие к общности, равенству и совместным действиям: <i>jointly, work together, equal and uniform, all parties, all countries, comprehensive</i> 	<ul style="list-style-type: none"> • антонимический ряд: <i>All countries, big or small, strong or weak, rich or poor, are equal members of the international community.</i> 	
Стратегия убеждения	<p>тактика «мягкого призыва» и отсылки к коллективным ценностям</p> <ul style="list-style-type: none"> • модальный глагол 'should': <i>All parties should jointly uphold the basic norms</i> 	<p>тактика описания потенциальных последствий и угроз</p> <ul style="list-style-type: none"> • модальный глагол 'must': <i>Nuclear weapons must not be used and nuclear wars must not be fought.</i> • компаратив: <i>preventing a humanitarian crisis on a larger scale; prevent the crisis from deteriorating further or even spiraling out of control</i> 	<p>тактика апеллирования к «чувственной стороне» конфликта</p> <ul style="list-style-type: none"> • <i>...protect women, children and other victims of the conflict</i>

	<p>тактика «обобщений в стиле пословиц»:</p> <ul style="list-style-type: none"> • <i>conflict and war benefit no one</i> • <i>there is no simple solution to a complex issue</i> 	<p>тактика апелляции к конкретному авторитету:</p> <ul style="list-style-type: none"> • <i>The UN should be supported...</i> 	
--	--	---	--

Языковая репрезентация медиаторных стратегий и тактик в интервью Дональда Трампа телеканалу “Fox News Channel”			
Стратегия самопрезентации	<p>тактика создания имиджа друга</p> <ul style="list-style-type: none"> • усиление лексической единицы ‘well’ с помощью наречия ‘very’: <i>So, I know Zelensky very well <...> And, as you know, I get along very well with Putin</i> 	<p>тактика приказа и выдвижения условий</p> <ul style="list-style-type: none"> • модальное выражение ‘have (got) to’: <i>you have got to settle</i> 	<p>тактика угрозы</p> <ul style="list-style-type: none"> • <i>you are not going to get any money</i>
	<p>тактика обещания</p> <ul style="list-style-type: none"> • конструкция ‘have something done’: <i>I will have it stopped very fast</i> 		
Стратегия убеждения	<p>тактика приказа и выдвижения условий</p> <ul style="list-style-type: none"> • модальное выражение ‘have (got) to’: <i>you have got to settle</i> 	<p>тактика угрозы</p> <ul style="list-style-type: none"> • <i>you are not going to get any money</i> 	<p>тактика критики альтернативных медиаторов</p> <ul style="list-style-type: none"> • модальный глагол ‘should’ в сочетании с перфектным инфинитивом: <i>It should have never happened</i>
	<p>тактика описания последствий</p> <ul style="list-style-type: none"> • прием градации: <i>You have thousands, hundreds of thousands of dead people right now. Hundreds of thousands.</i> 		

Языковая репрезентация медиаторных стратегий и тактик в документе 'Summit on Peace in Ukraine'		
Стратегия разобщения	<p>тактика псевдо-безадресного обвинения</p> <ul style="list-style-type: none"> оценочная лексика: <i>unlawfully displaced, unlawfully detained</i> 	
Стратегия манипуляции	<p>тактика драматизации</p> <ul style="list-style-type: none"> модальный глагол 'must' в сочетании с определениями 'safe, secured, safe-guarded' 	
Стратегия убеждения	<p>тактика апелляции к авторитету</p> <ul style="list-style-type: none"> синонимический ряд: <i>We had a fruitful, comprehensive and constructive exchange of various views on pathways towards a framework for a comprehensive, just and lasting peace, based on international law, including the United Nations Charter</i> 	<p>тактика драматизации</p> <ul style="list-style-type: none"> модальный глагол 'must' в сочетании с определениями 'safe, secured, safe-guarded'

Языковая репрезентация медиаторных стратегий и тактик в выступлениях Д. Трампа в рамках предвыборной кампании			
Стратегия самопрезентации	<p>тактика критики альтернативных медиаторов</p> <ul style="list-style-type: none"> оценочные наречия 'needlessly' и 'stupidly' с интенсификатором 'so' антитеза: <i>'They respect me. They don't respect Biden'</i> 	<p>тактика обещания</p> <ul style="list-style-type: none"> наречия времени и образа действий: <i>I'll get it solved very, very quickly <...> it settled immediately, and fairly settled</i> 	<p>тактика угроз</p> <ul style="list-style-type: none"> сравнительный оборот <i>'nobody was tougher on Russia, in history, than Trump'</i> градация <i>'finished and done and settled'</i>

Языковая репрезентация медиаторных стратегий и тактик в публикации Д. Трампа "I'm not looking to hurt Russia..."			
Стратегия манипуляции	<p>тактика переакцентуации</p> <ul style="list-style-type: none"> оценочная лексика: <i>a very good relationship, this ridiculous War</i> упоминание только одной из сторон конфликта – России: <i>I'm not looking to hurt Russia; ...and this despite the Radical Left's Russia, Russia, Russia HOAX</i> 	<p>тактика создания имиджа друга</p> <ul style="list-style-type: none"> <i>I love the Russian people, and always had a very good relationship with President Putin</i> 	<p>тактика намеренного искажения фактов</p> <ul style="list-style-type: none"> <i>We must never forget that Russia helped us win the Second World War, losing almost 60,000,000 lives in the process</i>

	<p>тактика выдвижения условий</p> <ul style="list-style-type: none"> • императив: <i>Settle now, and STOP this ridiculous War!</i> • паралингвистическое средство – использование заглавных букв: <i>IT'S ONLY GOING TO GET WORSE</i> • придаточные предложения условия: <i>If we don't make a 'deal,' and soon</i> 		
Стратегия самопрезентации	<p>тактика создания имиджа друга</p> <ul style="list-style-type: none"> • <i>I love the Russian people, and always had a very good relationship with President Putin</i> 	<p>тактика намеренного искажения фактов</p> <ul style="list-style-type: none"> • модальный глагол 'must': <i>We must never forget that Russia helped us win the Second World War, losing almost 60,000,000 lives in the process</i> 	<p>тактика выдвижения условий</p> <ul style="list-style-type: none"> • императив: <i>Settle now, and STOP this ridiculous War!</i> • паралингвистическое средство – использование заглавных букв: <i>IT'S ONLY GOING TO GET WORSE</i> • придаточные предложения условия: <i>If we don't make a 'deal,' and soon</i>
Стратегия объединения	<p>тактика апеллирования к «чувственной стороне» конфликта</p> <ul style="list-style-type: none"> • паралингвистическое средство – использование заглавных букв: <i>NO MORE LIVES SHOULD BE LOST!!!</i> 		

Языковая репрезентация медиаторных стратегий и тактик в публикации 'Trump's 28-point Ukraine peace plan'			
Стратегия манипуляции	<p>тактика обещания</p> <ul style="list-style-type: none"> • употребление простого будущего времени в сочетании с пассивом: <i>Ukraine's sovereignty will be confirmed</i> 	<p>тактика отсылки к демократическим ценностям</p> <ul style="list-style-type: none"> • инфинитив цели: <i>to resolve all security issues; to ensure global security</i> 	<p>тактика угрозы</p> <ul style="list-style-type: none"> • придаточные предложения условия: <i>If Ukraine invades Russia, it will lose the guarantee</i> • прагматически заряженные определения: <i>decisive, global, all</i>
	<p>тактика умолчания</p> <ul style="list-style-type: none"> • <i>access to the European market</i> • оценочная лексема 'Nazi' и глаголы категорического запрета 'to reject' и 'to prohibit' 	<p>тактика подмены понятий</p> <ul style="list-style-type: none"> • лексемы, апеллирующие к общности, равенству и совместным действиям: <i>strengthening relations, common interests, joint projects</i> 	<p>тактика обещания</p> <ul style="list-style-type: none"> • пассивные конструкции в будущем времени: <i>will be reintegrated, will be discussed</i>

Стратегия самопрезентации	<p>тактика отсылки к демократическим ценностям</p> <ul style="list-style-type: none"> инфинитив цели: <i>to resolve all security issues; to ensure global security</i> 	<p>тактика угрозы</p> <ul style="list-style-type: none"> придаточные предложения условия: <i>If Ukraine invades Russia, it will lose the guarantee</i> прагматически заряженные определения: <i>decisive, global, all</i> 	<p>тактика обещания</p> <ul style="list-style-type: none"> простое будущее время: <i>will receive short-term preferential access</i> прилагательные позитивной оценки: <i>short-term u preferential</i>
Стратегия объединения	<p>тактика уравнивания</p> <ul style="list-style-type: none"> пассивная конструкция: <i>It is expected that Russia will not invade neighbouring countries and NATO will not expand further</i> <p>тактика апелляции к авторитету</p> <ul style="list-style-type: none"> <i>START I Treaty, the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons, IAEA</i> 	<p>тактика обещания</p> <ul style="list-style-type: none"> простое будущее время: <i>The United States will cooperate with Ukraine...</i> глаголы, имеющими положительную коннотацию и значение общности действия: <i>to cooperate, to develop</i> многократные перечисления определения, апеллирующие к уникальности помощи: <i>a powerful global package, fast-growing industries, a special financing package</i> пассивные конструкции: <i>will be reintegrated, will be discussed</i> 	<p>тактика подмены</p> <ul style="list-style-type: none"> <i>A joint American-Russian working group on security issues will be established to promote and ensure compliance with all provisions of this agreement</i>
Стратегия убеждения	<p>тактика отсылки к демократическим ценностям</p> <ul style="list-style-type: none"> инфинитив цели: <i>to resolve all security issues; to ensure global security</i> 		
Стратегия информирования	<p>Пункт №21 документа: медиатор-США сообщает о том, каким ему видится территориальное деление в зоне конфликта</p>		